

Проф. Д. И. Багалъй.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ).

Томъ 1-й (1802—1815 г.).

—♦—
Выпускъ 1-й.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., домъ № 28-й.

1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

<i>Предисловіе</i>	СТР. 1—12
Обзоръ печатныхъ пособій по исторіи Харьковскаго университета.	
Обзоръ изданныхъ источниковъ. Архивные матеріалы. Характеръ труда.	
Pro domo sua.	

1-я глава. Культурное состояніе Харьковскаго края до открытія университета 12—52

Вопросъ о культурномъ состояніи Харьковскаго края передъ открытіемъ университета. Г. Харьковъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—его незначительность, неблагоустройство, торговля. Торговля въ Харьковскомъ краѣ и экономическая связь его съ Новороссіей. Умственное состояніе украинскаго общества: стремленіе къ духовному просвѣщенію, вынесенное всей массою населенія изъ Заднѣпровья; связь мірянъ съ церковью — пожертвованія, церковныя братства, шпитали; статистика народныхъ школъ по даннымъ 1732 г.; украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода и его нравственно-просвѣтительное вліяніе; Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ въ Слободской украинѣ до открытія университета; западно-европейская просвѣтительная стихія и литературный кружокъ А. А. Палицына; новыя харьковскія училища—„прибавочные классы“, главное и малыя народныя училища, проектъ кадетскаго корпуса въ г. Харьковѣ и мысль о замѣнѣ его университетомъ. Общее заключеніе о значеніи всѣхъ перечисленныхъ выше образовательныхъ средствъ.

2-я глава. Основаніе Харьковскаго университета (1802—1805 г.). . . . 53—202

1-я мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ. Жалованная грамота харьковскому дворянству. „Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“, составленное В. Н. Каразинымъ. Общее дворянское собраніе 31-го авг. и 1-го сент. 1802 г.; пожертвованіе на университетъ 400,000 р. Пожертвованіе харьковскаго купечества, гражданъ и военныхъ обывателей. Пожертвованіе екатеринославскаго и херсонскаго дворянства, а также частныхъ лицъ. Рескрипты государя. Оппозиція Захарашевича-Капустянскаго. Дѣятельность В. Н. Каразина на пользу университета въ Харьковѣ. Съѣздъ уѣздныхъ предводителей дворянства 21 апрѣля 1803 года. Оппозиція въ средѣ дворянства. Дѣятельность на пользу университета проф. И. О. Тимковского въ Харьковѣ и В. Н. Каразина въ Петербургѣ. Учрежденіе комитета и привіяты имъ мѣры къ скорѣйшему открытію университета. Сборъ пожертвованій до открытія университета. Послѣдующая судьба пожертвованій. Оцѣнка заслугъ, оказанныхъ въ дѣлѣ основанія университета В. Н. Каразинымъ, И. О. Тимковскимъ, С. О. Потоцкимъ и др. Открытіе университета: приготовленія къ открытію, церковная церемонія и рѣчь епископа Христофора Сулимы и ректора коллегіума о. Андрея Прокоповича; университетское торжество и рѣчи попечителя С. О. Потоцкаго, проф. Рижскаго и Балленъ де-Баллю.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не безъ сомнѣній и боязни приступаю я къ печатанію своего сочиненія. Одно время я даже хотѣлъ ограничиться только отдѣльными экскурсами, чтобы впослѣдствіи собрать, дополнить, переработать ихъ и составить уже подробную систематическую исторію нашего университета. Но теперь я рѣшилъ все таки дать то, что имѣю. Быть можетъ, обстоятельства позволятъ мнѣ современемъ самому расширить свой трудъ; если же этого не случится, то во всякомъ случаѣ онъ явится первою попыткою связнаго историческаго очерка нашего стараго университетскаго быта.

Всякому, сколько нибудь интересовавшемуся исторіей нашего университета, извѣстно, какъ мало мы имѣемъ работъ въ этой области и какъ неравномѣрно онѣ распредѣлены: большая часть ихъ относится къ первоначальной эпохѣ исторіи университета. Перечислимъ важнѣйшія изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлано въ этой области и что остается сдѣлать впереди.

На первомъ планѣ, конечно, нужно поставить выдающіяся монографіи академиковъ М. И. Сухомлинова и Н. А. Лавровскаго. Статія пн-томца Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“ появилась еще въ 1865 году, а теперь перепечатана въ I-мъ томѣ его „Исслѣдованій“ ¹⁾, вышедшихъ въ 1889 г. Здѣсь академикъ Сухомли-

¹⁾ Выборка матеріала, относящагося къ Харьковскому университету, перепечатана отсюда въ Харьковскомъ Сборникѣ, вып. 3-мъ, стр. 112—159.

новъ даетъ мѣстѣ прочимъ очеркъ первоначальной ученой дѣятельности Харьковскаго университета и превосходную характеристику первыхъ его дѣятелей: почетнаго Потоцкаго и профессоровъ—русскихъ и иностранныхъ. Высокое научное значеніе этого очерка обусловливается тѣмъ, что авторъ въ основу его положили первоисточники и при томъ преимущественно архивные ¹⁾. Кромѣ того здѣсь „академикъ М. И. Сухомлиновъ не только дѣлится съ читателями плодами своей громадной начитанности, своего наблюдательнаго свѣтлаго ума“ ²⁾, но и устанавливаетъ оцѣнку этихъ лицъ по дѣламъ и результатамъ ихъ дѣятельности для русскаго просвѣщенія.

Академикъ Н. А. Лавровскій, въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета, не мало потрудился для выясненія первоначальной его исторіи; ему принадлежатъ слѣдующія статьи: 1) Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета ³⁾; 2) Воспоминаніе о Василіѣ Назарьевичѣ Каразинѣ ⁴⁾; 3) Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета ⁵⁾; 4) Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета ⁶⁾; 5) Педагогъ прошлаго времени А. А. Дюгуровъ ⁷⁾; 6) О сношеніяхъ Н. М. Каразина съ Харьковскимъ университетомъ ⁸⁾; 7) Опытъ русской исторіи Рейта ⁹⁾. Всѣ перечисленные труды Н. А. Лавровскаго отличаются богатствомъ фактическаго содержанія, осторожностью въ приговорахъ и критическимъ отношеніемъ къ вопросу. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ 1-я статья, содержащая въ себѣ подробный разсказъ объ основаніи Харьковскаго университета (въ связи съ дѣятельностью В. Н. Каразина) и характеристику первыхъ его профессоровъ. Матеріаломъ для этой работы послужили автору главнымъ образомъ дѣла Харьковскаго университетскаго архива и отчасти (для біографій профессоровъ) записки Т. Селиванова; 4-я статья посвящена біографіямъ двухъ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета Шада и Стойковича; 3-я и 5-я содержатъ любопытный

¹⁾ Авторъ пользовался архивными дѣлами Харьковск. унив. и Мин. Нар. Просвѣщенія.

²⁾ Употребляемъ выраженіе проф. Н. О. Сумцова въ его статьѣ о Сухомлиновѣ (См. 4-й т. Сборника Харьк. Ист. Фил. Общ., стр. 242).

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г., № 1, стр. 57—106, № II-й, стр. 197—247.

⁴⁾ Ibidem, 1873 г., февраль, стр. 294—311.

⁵⁾ Ib., 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 235—260.

⁶⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн., 1873 г., кн. 2-я, 1—58.

⁷⁾ Русск. Архивъ 1869 г., стр. 1541—1553.

⁸⁾ Русск. Архивъ 1869 г., стр. 2017—2021.

⁹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, янв., 87—105.

матеріаль о педагогической дѣтельности первыхъ профессоръ по части устройства и управленія училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 7-я носитъ библіографическій характеръ и посвящена обзорѣнію содержанія „Опыта русской исторіи“, составленнаго Харьковскимъ профессоромъ Рейтомъ; 2-я посвящена больше В. Н. Каразину, чѣмъ исторіи Харьковскаго университета; наконецъ, 6-я касается маленькаго, но характернаго эпизода о приглашеніи нашего знаменитаго исторіографа на должность профессора Харьковскаго университета.

Проф. Рославскому - Петровскому принадлежитъ богатая фактами статьи „Объ ученой дѣтельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія“ ¹⁾. Сухія и не особенно подробныя, но систематическія данія обо всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета собраны въ книгѣ бывшаго помощника попечителя *Фойнта* „Ист. стат. записки объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г.“. Х. 1859. Бывшему помощнику бібліотекаря Чирикову принадлежитъ біографія извѣстнаго проф. математики Осиповскаго. О томъ же дѣтелѣ и о противникѣ его попечителѣ Зах. Корнѣевѣ писалъ въ послѣднее время въ Ж. М. Н. Пр. бывшій ректоръ Харьковскаго университета И. П. Щелковъ ²⁾. Чрезвычайно важную монографію напечаталъ въ послѣднее время г. Шугуровъ—„Илья Федоровичъ Тимковскій педагогъ прошлаго времени“ ³⁾; тутъ мы найдемъ новыя данныя и соображенія объ основаніи Харьковскаго университета и о роли въ этомъ дѣлѣ Тимковскаго. Проф. А. С. Лебедевъ составилъ біографію одного изъ первыхъ профессоръ Харьковскаго университета Дегурова и любопытную исторію Харьковскаго коллегіума, которая является какъ бы введеніемъ въ исторію университета ⁴⁾. Такимъ же введеніемъ можно признать монографіи Г. П. Данилевскаго о Гр. С. Сковородѣ и харьковскихъ школахъ ⁵⁾; прямое отношеніе къ исторіи основанія университета имѣетъ его же монографія

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1855 г. № 7, стр. 1—36; имъ же напечатано еще „Краткое историко-статистич. обзорѣніе Имп. Харьк. унив.“ (*Ibidem*), а также критико-публицистическая статья „Русскіе университеты и универс. вопросъ Г. Пирогова“. Х. 1864 г. (Изъ Харьк. Губ. В.).

²⁾ Русск. Старина 1876, ноябрь стр. 463—490; Ж. М. Н. Пр. 1890, октябрь, стр. 358—385 „Изъ исторіи Харьк. университета“.

³⁾ Кіев. Стар. 1891 г. августъ стр. 212—236, сентябрь 375—406, октябрь 82—97.

⁴⁾ Вѣст. Евр. 1876 г., мартъ, стр. 135—176; Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Сл. Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета (Чт. Моск. Общ. 1886 г. кн. 1-я и отдѣльно).

⁵⁾ Украинская Старина. Х. 1866 г.

о В. Н. Каразинѣ ¹⁾. Г-жа С. Р. напечатала любопытную статью, посвященную старой харьковской журнальной литературѣ, стоявшей, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ университетомъ и его дѣятелями ²⁾; продолженіемъ ея можно считать статью Г. Вс. Срезневскаго „Объ украинскомъ Альманахѣ“ 1831 г. ³⁾. Мнѣ также принадлежитъ нѣсколько статей и замѣтокъ: 1) Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь); 2) Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія ⁴⁾; 3) рѣчь о В. Н. Каразинѣ ⁵⁾ и нѣсколько мелкихъ статей въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ ⁶⁾.

Почти всѣ эти сочиненія касаются перваго десятилѣтія въ жизни Харьковскаго университета и только очень немногія (труды гг. Щелкова, Чирикова, Лебедева) захватываютъ и вторую половину царствованія Александра I-го. Изъ монографій, относящихся къ царствованію Императора Николая Павловича и Александра II-го отмѣтимъ труды 1) Де Пуле о Д. И. Каченовскомъ ⁷⁾, 2) проф. А. Н. Стоянова о немъ же ⁸⁾, 3) Сухомлинова объ уничтоженіи диссертациі Костомарова ⁹⁾, 4) проф. Иконникова „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“ ¹⁰⁾ 5) А. Н. Деревницкаго—о М. Н. Петровѣ ¹¹⁾, 6) цѣлый рядъ некрологовъ и оцѣнокъ ученыхъ трудовъ А. А. Потебни ¹²⁾, 7) нѣсколько статей о Ценковскомъ и др. Наконецъ болѣе обширный періодъ времени обнимаетъ названное выше сочиненіе Фойгта и „Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по

¹⁾ Украинская Старина. X. 1866 г.

²⁾ „Харьковская журналистика начала нынѣшняго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1892 г., августъ, 168—198).

³⁾ Кіев. Стар. 1893 г. январь, стр. 20—33.

⁴⁾ Русская Школа, 1892, октябрь, стр. 9—23 и ноябрь, стр. 10—26.

⁵⁾ Зап. Императ. Харьк. универ. 1893, № 1, Харьк. лѣт., стр. 5—35.

⁶⁾ Напримѣръ, Харьковскія университетскія торжества и др.

⁷⁾ Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій (Вѣстникъ Европы 1874, № 1, стр. 75—115, № 2, стр. 565—588).

⁸⁾ Воспоминанія о Д. И. Каченовскомъ. Біографическій очеркъ (публ. лекція) X. 1874.

⁹⁾ Древняя и Новая Россія 1877, т. I, стр. 42—55.

¹⁰⁾ Вѣст. Евр. 1876, № 9—11; тутъ есть кое какія данныя и изъ исторіи Харьк. универ.

¹¹⁾ М. Н. Петровъ. X. 1887 г.; сюда же нужно присоединить краткій некрологъ Петрова, составленный В. П. Бузескуломъ (въ Харьк. Губ. Вѣд. 1887 г., № 33).

¹²⁾ См. сборникъ „Памяти А. А. Потебни“, изданный Харьковскимъ Ист. Фил. Обществомъ.

1879 годъ“, составленный трудолюбивымъ изслѣдователемъ Харьковской старины Чириковымъ ¹⁾).

Не перечисляемъ, конечно, разныхъ мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ, разсѣянныхъ въ мѣстныхъ и общихъ изданіяхъ.

Во всякомъ случаѣ они не измѣняютъ вывода, что по исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе Императора Николая и Александра II-го не сдѣлано почти ничего; все вниманіе немногочисленныхъ изслѣдователей этого періода было сосредоточено на біографіяхъ выдающихся университетскихъ дѣятелей, но и ихъ составлено въ общемъ весьма немного.

Входить въ объясненіе этого печальнаго явленія я не буду. Замѣчу только, что не послѣднюю роль игралъ тутъ недостатокъ печатныхъ данныхъ для подобныхъ трудовъ.

Переходимъ теперь къ обзорѣ матеріаловъ. Есть два вида источниковъ для нашей работы—официальные и частныя данныя. Весьма важнымъ матеріаломъ могли бы служить отчеты о состояніи и дѣятельности университета. Но къ сожалѣнію они стали печататься съ довольно поздняго времени. Неблагоприятнымъ условіемъ является также то обстоятельство, что Харьковскій университетъ цѣлые десятки лѣтъ не имѣлъ своего ученаго органа, гдѣ печатались бы извлеченія изъ протоколовъ и другія данныя, касающіяся университетской жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе прекратились было и тѣ „Записки“, которыя стали издаваться съ 1872 года, замѣнивъ собою прежнее изданіе (Протоколы), которое впрочемъ и само появилось только въ началѣ 60-хъ годовъ. Богатѣйшей сокровищницей официальныхъ документовъ является университетскій архивъ, но имъ пользовались очень немногіе, а систематическимъ извлеченіемъ изъ него матеріаловъ для отдѣльнаго изданія не занимался никто ²⁾).

Нѣсколько лучше (но все-таки очень печально) обстоитъ дѣло съ источниками частнаго характера—записками, мемуарами, письмами и т. п.

¹⁾ Харьк. Сбор. на 1890 г. и отдѣльно. Краткія біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ профессорахъ Харьк. у—а мы найдемъ въ извѣстномъ трудѣ Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“. 2 тома. Критико-біографическій словарь С. А. Венгерова къ сожалѣнію едва ли будетъ законченъ.

²⁾ Здѣсь слѣдуетъ только отмѣтить документы, извлеченные Устиновымъ изъ архива Городской Думы („Харьковская старина“ въ Х. Г. В. 1878, №№ 19, 20, 22, 23, 37, 38, 39, 40, 41 и 47).

Назовемъ важнѣйшіе изъ нихъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить драгоцѣнныя „Воспоминанія“ Роммеля ¹⁾; затѣмъ почти къ той же эпохѣ относятся Воспоминанія Розальонъ-Сошальскаго и Записки о проф. Г. Успенскомъ (его сына) ²⁾; къ 20-мъ и началу 30-хъ годовъ относятся воспоминанія бывшаго студента г. Н. ³⁾; весьма важныя свѣдѣнія о Харьковскомъ университетѣ въ 30-хъ годахъ содержатся въ „Автобіографіи“ знаменитаго питомца нашего университета Н. И. Костомарова ⁴⁾; гораздо менѣе интересны воспоминанія о Костомаровѣ въ Харьковѣ А. А. Корсунова ⁵⁾; вокругъ личности Н. И. Костомарова сосредоточиваются главнымъ образомъ и замѣтки Неслуховскаго и Гвоздиковъ ⁶⁾. Обстоятельную характеристику университетскихъ дѣятелей 40-хъ годовъ мы находимъ въ названной выше статьѣ Де Пуле, который въ то время былъ студентомъ Харьковскаго университета; дополненіемъ къ нимъ могутъ служить непритязательные рассказы его современника чистаго „идеалиста“ Пашкова ⁷⁾. Къ концу 40-хъ и началу 50-хъ го-

¹⁾ Оригиналъ ихъ напечатанъ въ 5 томѣ историческаго сборника Бюляу подъ заглавіемъ „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ (р. 421—600). Извлеченіе изъ нихъ въ русскомъ переводѣ было помѣщено въ „Южномъ Сборникѣ“ Максимова (издававшемся въ Одессѣ). Новое изданіе этого извлеченія сдѣлано въ Харьковѣ почтеннымъ бібліотекаремъ Харьк. универ. Я. О. Баяснымъ подъ заглавіемъ „Пять лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета“. Воспоминаніе проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. Х. 1868.

²⁾ Мои воспоминанія (Харьк. Губ. Вѣд., 1869, №№ 43 и 44). Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. Губ. Вѣд. 1863 г., № 27, 28, 30—32).

³⁾ Южный Край, 1883 г. № 711, 712, 718, 722, 730.

⁴⁾ Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова Сиб. 1890 г., 2 глава.

⁵⁾ Рус. Архивъ, 1890 г., № 10, стр. 199—221.

⁶⁾ Истор. Вѣстникъ 1890 г. № 4, стр. 116—153; Рус. Стар. 1890 г. № 4, стр. 207—209.

⁷⁾ Отрывки изъ воспоминаній В. Пашкова о г. Харьковѣ, Харьковскомъ университетѣ и Харьковскомъ краѣ печатались въ мѣстныхъ изданіяхъ; „Изъ воспоминаній о Д. И. Каченовскомъ“ (Харьк. Губ. Вѣд. 1874 г. № 7; „Изъ прошлаго здѣшняго края“ Харьк. Губ. Вѣд. 1876 г. №№ 1—8, 10, 12, 14, 16, 19, 21, 23, 25; Южный Край 1884 г. №№ 1275, 1315, 1318, 1327, 1356; 1885 г. №№ 1420 и 1425); отрывки изъ университетскихъ воспоминаній напечатаны были въ газетѣ „Харьковъ“, въ болѣе подробномъ видѣ они должны были появиться въ „Кіевской Старинѣ“, но къ сожалѣнію при переходѣ журнала въ руки другого издателя доставленная мною рукопись затерялась въ редакціи какъ это видно изъ слѣдующаго ея объясненія: „Редакція „Кіевской Старины“ покорнѣе проситъ лицо, у котораго находятся Воспоминанія Пашкова о Харьковскомъ университетѣ, доставить ихъ въ редакцію“ (Кіев. Старина. 1891, январь, стр. 208).

довъ относятся записки Топчіева ¹⁾. Краткія свѣдѣнія найдемъ мы также въ зам. Сбитнева (относятся къ 1832 г.) ²⁾, воспоминаніяхъ г. А. Ш. (о Гулакѣ Артемовскомъ) ³⁾, Лапшина ⁴⁾, Рейнгарда ⁵⁾.

Въ самое послѣднее время пр. Н. Θ. Сумцовъ началъ печатать свои воспоминанія о попечителѣ Воскресенскомъ ⁶⁾ и проф. А. А. Потѣбнѣ. Можно только пожелать, чтобы примѣръ его нашелъ продолжателей среди членовъ нашей коллегіи и бывшихъ питомцевъ Харьковскаго университета. Изъ русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, оставившихъ свои замѣтки о г. Харьковѣ и Харьк. у—ѣ, слѣдуетъ отмѣтить кн. Долгорукаго, акад. Коля и барона Гакстгаузена ⁷⁾. Вотъ и все болѣе важное. Его очень мало; остаются огромные пробѣлы: многое требуетъ провѣрки документальными данными; многое изображено въ самыхъ общихъ чертахъ; о многомъ, очень важномъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. *Однимъ словомъ, писать исторію университета по наличному печатному матеріалу невозможно.* Необходимо пользоваться неизданными документами университетскаго архива: въ этихъ хартіяхъ, мирно почивающихъ на полкахъ архива, заключается подробная исторія Харьковскаго университета. Говоря это, мы несколько не отрицаемъ важнаго значенія частныхъ матеріаловъ; мы только опредѣляемъ относительное достоинство тѣхъ и другихъ и при томъ не вообще, а примѣнительно къ данному случаю. Внимательное изученіе тѣхъ и другихъ привело меня къ убѣжденію, что въ основу своего „Опыта“ я долженъ положить документы университетскаго архива. Только они даютъ полную картину *официальной* дѣятельности университета, съ хронологическими датами, съ точными свѣдѣніями о служебной, преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ, со

¹⁾ Южный Край, 1883 г., №№ 874, 879, 882, 886, 889, 893, 900, 903, 906, 909, 915, 922, 923.

²⁾ Кіев. Стар., 1887, февраль—май.

³⁾ Ib., 1889, № 2. 499—503.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1890, май, стр. 124—128.

⁵⁾ Харьк. Сбор. на 1887 годъ.

⁶⁾ Любопытныя данныя о попечителѣ З. Я. Карпѣвѣ появились на дняхъ въ Рус. Архивѣ, май 1893 г. (Переписка кн. А. Н. Голицына съ З. Я. Карпѣвымъ); ср. Рус. Архивъ 1892, № 12.

⁷⁾ Кн. Долгорукаго. Славны бубны за горами (Чтенія Моск. Общ., 1869, кн. 2-я, стр. 45—56). Reisen im Inneren von Russland und Polen von Kohl. 2 Theil 1841, p. 135—178. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von A. F. Haxthausen 2 Theil 1847, p. 114—163.

статистическими данными о состояніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, о количествѣ студентовъ, ихъ происхожденіи, мѣстѣ рожденія и первоначальнаго воспитанія, занятіяхъ, экзаменахъ и т. п. Мало того: въ университетскомъ архивѣ мы найдемъ много данныхъ, рисующихъ намъ и частную жизнь профессоровъ и студентовъ, ихъ нравы и обычаи. А объясняется это тѣмъ, что сфера университетскаго суда въ прежнее время была гораздо шире, чѣмъ теперь: онъ разбиралъ не только проступки студентовъ, но и столкновенія членовъ профессорской коллегіи между собою, обиды, нанесенныя ихъ семьямъ и даже нѣкоторые споры между профессорами и посторонними лицами. Наконецъ, въ томъ же университетскомъ архивѣ мы найдемъ драгоценный матеріалъ для характеристики отношенія университета ко вѣдъ университетской педагогической средѣ; это — документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія объ устройствѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа; училища эти находились въ первое время въ завѣдываніи училищнаго комитета, а этотъ послѣдній состоялъ изъ профессоровъ университета. Впрочемъ даже и въ болѣе позднее время среди официальныхъ бумагъ можно нерѣдко встрѣтить такіа, которыя прекрасно характеризуютъ нравственную сторону личности ихъ составителей.

Но нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что частные матеріалы являются необходимымъ *дополненіемъ* къ официальнымъ. Нерѣдко одна мѣткая характеристика современника даетъ намъ больше, чѣмъ груда официальныхъ документовъ: она является подчасъ ключемъ къ разгадкѣ всего характера дѣятеля, его отношенія къ другимъ членамъ коллегіи и т. п. Только однѣ записки современниковъ могутъ оживить сухія данныя архива, возсоздать живые образы старыхъ дѣятелей съ ихъ индивидуальными особенностями, съ ихъ достоинствами и недостатками, представить картины стараго быта въ его реальной обстановкѣ. Даже анекдотическая сторона въ подобныхъ разсказахъ имѣетъ свое значеніе, если, конечно, ею одною не исчерпываются характеристики. Я постараюсь изучить и эксплуатировать этотъ матеріалъ по возможности тщательно, такъ какъ съ одной стороны онъ долженъ быть отнесенъ къ разряду первоисточниковъ, которыми почти никто не пользовался для научныхъ цѣлей, а съ другой его такъ мало, что приходится дорожить даже и менѣе важными замѣтками.

Но въ основу своего труда я все-таки положу неизданные документы университетскаго архива, — этотъ почти нетронутый и неисчерпаемый рудникъ драгоценныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ, недостатка въ источникахъ я ощущать не буду. Скорѣе является опасность другого рода — что я воспользуюсь этимъ хранилищемъ въ слишкомъ

незначительной степени. И я заранее предупреждаю, что не буду разрабатывать бумагъ его *систематически*; для этого мнѣ пришлось бы перерыть весь архивъ, что, конечно, абсолютно невозможно, въ особенности, если принять во вниманіе огромное количество документовъ и отсутствіе ихъ научнаго описанія. Это обширное хранилище заключаетъ въ себѣ собственно 4 архива—дѣла Совѣта, Правленія, Попечительской канцеляріи и Училищнаго комитета. Огромное большинство ихъ представляетъ въ настоящее время исключительно историческій интересъ и имъ необходимо было бы слѣлать ученое обозрѣніе, чтобы сгруппировать матеріалъ для составителей „Біографическаго словаря“ и „Исторіи университета“. Для настоящаго тома мнѣ удалось, кромѣ того, открыть еще цѣлую серію *новыхъ* и чрезвычайно важныхъ документовъ—въ Архивѣ Харьк. двор. депутат. собранія; они касаются капитальнаго вопроса объ *основаніи* Харьк. университета и послужатъ главнымъ источникомъ для 2-й главы моего сочиненія.

Кромѣ этого въ моемъ распоряженіи имѣются еще и нѣкоторые неизданные *частные* матеріалы. Хотѣлъ бы думать, что подобные источники будутъ поступать ко мнѣ и впредь, но мѣрѣ печатанія моего труда. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратиться съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ тѣмъ, у кого имѣются какіе либо (хотя бы самые незначительные) документы, относящіеся къ исторіи Харьк. университета, его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и біографіямъ его дѣятелей, сообщать ихъ мнѣ для снятія копій (имѣю въ виду мемуары, записки, письма, рукописныя мнѣнія, отзывы, курсы, характеристики, юмористическія стихотворенія и сатиры и т. п.). Еще удобнѣе было бы жертвовать все это въ нашъ Харьк. историческій архивъ, въ которомъ недавно заведено особое отдѣленіе бумагъ и писемъ мѣстныхъ университетскихъ дѣятелей. Нужно надѣяться, что, въ виду приближенія столѣтняго юбилея Харьк. университета, тѣ лица, которымъ хорошо извѣстно его прошлое, напечатаютъ о немъ свои воспоминанія; эти послѣднія явятся съ одной стороны интереснымъ литературнымъ чтеніемъ для обширнаго круга читателей, а съ другой—желаннымъ подаркомъ для историковъ Харьк. университета и Харьковскаго края.

Само собою разумѣется, что къ своимъ источникамъ мы будемъ относиться критически, въ предѣлахъ допускаемыхъ характеромъ труда. Тамъ, гдѣ будутъ спорные вопросы, мы ихъ постараемся разрѣшать или на основаніи критическаго анализа прежнихъ мнѣній, или введеніемъ *новаго матеріала*, дающаго прямое и вѣрное рѣшеніе сомнительнаго случая; второй путь, конечно, всегда прямѣе и надежнѣе перваго. Желая дать *систематическій* очеркъ исторіи Харьк.

университета и предназначая его для болѣе или менѣе широкаго круга образованныхъ читателей, я не могу совершенно опускать и того, о чемъ говорили уже мои предшественники въ специальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, если содержаніе ихъ заслуживаетъ вниманія по важности вопроса или по связи съ общимъ ходомъ старой университетской жизни; къ сожалѣнію количество пособій, какъ мы видѣли, весьма недостаточное и при томъ большинство ихъ касается только исторіи основанія университета. Такимъ образомъ, большею частью мнѣ придется идти „неготовыми путями“ — и самому находить матеріалъ, создавать планъ, дѣлать характеристики и обобщенія. *Документальный* характеръ моего труда является важной гарантіей достовѣрности его содержанія. Содержаніе это будетъ отличаться вполне *фактическимъ* характеромъ; въ большинствѣ случаевъ факты сами будутъ говорить за себя; моя обязанность будетъ заключаться главнымъ образомъ въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ; выводы же должны являться, какъ необходимое логическое послѣдствіе этихъ фактическихъ данныхъ. Я не буду уклоняться отъ оцѣнки событій и сужденій о дѣятельности лицъ, такъ какъ безъ нихъ историческій трудъ теряетъ большую часть своего значенія. Но при этой оцѣнкѣ буду стараться соблюдать большую осторожность. Во многихъ случаяхъ я просто не буду себя чувствовать достаточно компетентнымъ (напр., въ отзывахъ о специальныхъ трудахъ по математикѣ, медицинѣ и т. п.); въ другихъ—для этого не будетъ достаточно данныхъ (напр., для характеристики нравственной стороны различныхъ личностей). Во всякомъ случаѣ въ своихъ приговорахъ я буду принимать во вниманіе условіе времени и среды. Критеріемъ для нихъ будутъ мнѣ служить пользы того учрежденія, для котораго работали всѣ эти лица, а также интересы науки и просвѣщенія вообще. Мое сочувствіе будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто способствовалъ своею дѣятельностью прогрессу въ тѣхъ или иныхъ сферахъ университетской жизни, и чѣмъ больше кто сдѣлалъ, тѣмъ большаго вниманія заслужить въ моихъ глазахъ его личность и дѣятельность; перспектива также нужна въ исторіи, какъ и въ живописи. Конечно, я, какъ историкъ, не могу закрывать глазъ и на темныя стороны нашей старой университетской жизни; иначе моя картина не будетъ соответствовать дѣйствительности. Но главное вниманіе мое будетъ все-таки обращено на свѣтлыя положительныя черты, ибо важнѣйшей задачей всякаго подобнаго труда нужно признать рѣшеніе вопроса—что сдѣлалъ тотъ или иной университетъ для развитія науки и просвѣщенія въ русскомъ обществѣ. Относительно же провинціальныхъ университетовъ въ частности получаетъ огромное значеніе во-

прось о взаимодѣйствіи между университетскою средою и мѣстнымъ обществомъ. Харьковскій университетъ занимаетъ въ этомъ отношеніи даже нѣсколько особенное положеніе: онъ возникъ, какъ извѣстно, благодаря общественной инициативѣ, матеріальной и нравственной поддержкѣ мѣстнаго общества. Поэтому необходимо касаться и положенія этого общества, чтобы выяснить причину сочувственнаго отношенія его къ университету съ одной стороны и результатъ ихъ взаимнаго вліянія съ другой. Предметомъ особеннаго вниманія съ моей стороны будетъ служить поэтому проявленіе научно-литературнаго движенія, стоявшаго въ тѣснѣйшей нравственной связи съ университетскою жизнью. Неудивительно, что, при такой широкой постановкѣ темы, мой „Опытъ“ приметъ значительные размѣры, хотя я и буду стараться по возможности ограничивать себя въ этомъ дѣлѣ, чтобы довести его до благополучнаго конца. Исторіи Харьк. университета въ царствованіе Имп. Александра I-го я предполагаю посвятить два тома: 1-й томъ будетъ обнимать одно десятилѣтіе въ жизни университета (1805 — 1814 годъ), 2-й—другое (1815—1824 г.). Такое дѣленіе оказывается необходимымъ между прочимъ и потому, что самое отношеніе правительства къ университетамъ въ 1-ю половину царствованія Александра I отличалось однимъ характеромъ, а во 2-ю — другимъ, совершенно противоположнымъ; сообразно съ этимъ рѣзко измѣнился и общій характеръ университетскаго быта.

Въ заключеніе два слова *pro domo sua*. Взяться за настоящую работу меня побуждаетъ между прочимъ чувство глубокой признательности къ Харьковскому университету, избравшему меня 10 лѣтъ тому назадъ въ преподаватели по предмету русской исторіи. Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ начинающимъ специалистомъ; за мною, можно сказать, не было ученаго прошлаго. Вѣсть объ этомъ избраніи я принялъ не какъ заслуженную награду, а какъ осуществившуюся счастливую мечту, дававшую мнѣ возможность предаваться любимымъ занятіямъ. Перейдя въ Харьковъ, я рѣшилъ познакомиться съ мѣстной исторіей, но оказалось, что сдѣлано въ этой области очень мало; такъ открылось мнѣ благодарное поле для самостоятельныхъ изслѣдованій по мѣстной исторіи, въ основу которыхъ были положены мною архивные документы.

Десять лѣтъ занимаюсь я изслѣдованіемъ мѣстной старины—внимательно слѣжу за текущими явленіями въ этой области, разыскиваю новые архивные матеріалы, пишу самостоятельныя изслѣдованія. Интересуюсь преимущественно культурною стороною нашего прошлаго быта, я, естественно, не могъ обойти въ своихъ занятіяхъ и исторіи Харь-

ковскаго университета, такъ какъ съ его судьбою самымъ тѣснымъ образомъ связана судьба просвѣщенія значительной части „полуденнаго“ края Россіи.

Неудивительно, что я рѣшился ввести его въ кругъ своихъ историческихъ разысканій. У меня явилась потребность потрудиться по мѣрѣ своихъ силъ и способностей для уясненія мало извѣстнаго прошлаго того просвѣтительнаго учрежденія, которое сдѣлалось для меня роднымъ, въ которомъ счастливая судьба поставила меня на высокую ступень наставника и руководителя молодого поколѣнія. Мнѣ казалось, что тутъ пригодятся мнѣ и знаніе архивнаго дѣла, и мои изслѣдованія въ области харьковской бытовой старины, и внимательное изученіе всѣхъ тѣхъ печатныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ мѣстной исторіи. Быть можетъ, у меня не окажется другихъ данныхъ, необходимыхъ для историка университета, но чтоже дѣлать! *Quod potui, feci, faciant meliora potentes!* Пусть мой трудъ послужитъ матеріаломъ для другого болѣе совершеннаго изслѣдованія: я буду счастливъ, если мнѣ удастся собрать кирпичи для будущаго грандіознаго зданія — подробной, систематической исторіи Харьковскаго университета.

Культурное состояніе Харьковскаго края до открытія университета.

Харьковский университетъ (и въ этомъ наиболѣе характерная особенность его исторіи) былъ основанъ благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ Харьковскаго общества. Но откуда въ этомъ степномъ захолустьѣ явились люди, собравшіе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытія университета? Скажутъ, б. м., что общество тутъ ни причемъ, что единственнымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ былъ В. Н. Каразинъ. Но нисколько не отрицая огромной заслуги въ этомъ дѣлѣ Каразина, мы тѣмъ не менѣе уже на основаніи общиисторическихъ соображеній не можемъ допустить, чтобы въ самой мѣстной средѣ не было никакихъ благоприятныхъ условій для воспріятія этой мысли, чтобы она ничѣмъ не была подготовлена къ ней; вѣдь если сѣмя падаетъ на каменистую, безплодную почву—то не приноситъ плода и засыхаетъ. Между тѣмъ прежніе историки или совершенно игнорировали вопросъ о культурномъ состояніи Харьковскаго края передъ открытіемъ университета, или оглащивались общими мѣстами, не приводя въ подтвержденіе своихъ мнѣній никакихъ фактическихъ данныхъ.

Н. А. Лавровскій говоритъ, что Харьковскій университетъ былъ единственною свѣтищею точкою „на этомъ безпредѣльномъ степномъ пространствѣ“, по которому только кое гдѣ мелькали едва замѣтныя небольшія свѣтлыя точки, такъ пазываемыя главныя народныя училища, что онъ „осѣлъ на почти не початой и не совсѣмъ привѣтливой

почвъ“¹⁾. Де Пуле говорить о Харьковѣ нач. XIX в., какъ о глухомъ степномъ городкѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду²⁾.

Дѣйствительно Харьковъ въ к. XVIII и самомъ нач. XIX в. представлялъ изъ себя незначительный по величинѣ и количеству жителей городокъ. Размѣры его ограничивались главнымъ образомъ нынѣшнею центральною частью (гдѣ теперь соборъ, присутственные мѣста, университетъ); о недавнемъ военномъ бытѣ напоминали остатки валовъ и вообще земляныхъ укрѣпленій; нынѣшнія улицы назывались просто *дорогами* (Екатеринославская, ведшая въ г. Екатеринославъ, Московская—въ г. Москву, Сумская—въ г. Сумы). Залопанская часть города не доходила и до Дмитріевской церкви. Тамъ, гдѣ теперь красуются Екатеринославскіе скверы, было озеро съ очень хорошею водою, а берега его были обсажены деревьями, черезъ него былъ устроенъ мостикъ. За Дмитріевской церковью до Холодной горы тянулось по правую сторону кладбище, а по лѣвую *слобода* Гончаровка. Нынѣшняя Ключевская улица представляла изъ себя *хуторъ* Ключки³⁾. Харьковъ имѣлъ деревенскій видъ, какъ это можно замѣтить и на картинѣ, изображающей его въ началѣ нынѣшняго вѣка⁴⁾.

По количеству жителей онъ ничѣмъ почти не выдѣлялся изъ состава нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, а двумъ изъ нихъ, именно Ахтыркѣ и Валкамъ, если только насъ не обманываютъ цифры, даже уступалъ: въ Харьковѣ въ 1802 году числилось 5373 д. муж. пола, въ Валкахъ—5392, а въ Ахтыркѣ—6309⁵⁾. Но что особенно непріятно должно было поражать свѣжаго человѣка, такъ это городское неблагоустройство. Въ статьѣ г. Устинова, на основаніи документальныхъ данныхъ, подробно разсказана исторія мѣропріятій мѣстной администраціи, старавшейся о замощеніи улицъ фашинникомъ. Въ распутицу проѣздъ даже по главнымъ улицамъ былъ очень опасенъ; самъ губернаторъ Бахтинъ, проѣзжая однажды въ 1804 г. по городу, попалъ въ яму, изъ которой едва освободился. Харьковскія рѣчки зацвѣтали и служили постояннымъ источникомъ лихорадочныхъ заболѣваній.

Вотъ это то внѣшнее неблагообразіе, простота патриархальной жизни, нетронутой почти никакими вліяніями культуры, и должны

¹⁾ Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., № 10, стр. 238).

²⁾ Вѣстникъ Европы. 1874 г., № 1.

³⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 79—100).

⁴⁾ Снямокъ съ этой картины былъ приложенъ къ Харьк. кал. на 1886 г.

⁵⁾ Смотри изданное мною „Описаніе слоб. укр. губ. 1802 года“, стр. 16—17.

были производить (въ особенности на иностранцевъ) впечатлѣніе чего-то ультразахолустнаго, пекультурнаго и непривѣтливаго. Эти стороны мѣстной жизни и подмѣтили прежде всего первые иностранные профессора Харьковскаго университета. Роммель сильно жалуется въ своихъ запискахъ на весеннюю Харьковскую грязь, побудившую университетъ учредить для студентовъ „грязные каникулы“ (*feriae luti*) ¹⁾. Среди иностранныхъ профессоровъ возникъ даже было, какъ извѣстно, проектъ о переводѣ университета въ Кіевъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ гигиеническихъ условій г. Харькова ²⁾. Русскіе профессора относились къ этому гораздо спокойнѣе отчасти, конечно, по привычкѣ къ неблагоустройству русскихъ городовъ, а отчасти и потому, что вѣрили въ возможность помочь бѣдѣ энергичными, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумными полицейскими мѣрами. Тимковскій, наиримѣръ, на долю котораго выпала между прочимъ забота о первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета, впервые увидѣвъ Харьковъ, отозвался о немъ такъ: „городъ стоитъ частію на горѣ, но большею частію въ мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ; онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ—зло удобообратимое“ ³⁾.

Да и возможно ли было быстро поднять городское благоустройство, когда сумма городскихъ доходовъ равнялась всего 10000 р. въ годъ.

Но было одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое ставило Харьковъ въ привилегированное положеніе не только среди другихъ уѣздныхъ городовъ Слоб. укр. губ., но и среди городскихъ поселеній сосѣднихъ областей, которое ясно свидѣтельствовало, что онъ идетъ по пути матеріальнаго прогресса—это его ярмарки и вообще торговля. Еще въ 60, 70 и 80 годахъ прошлаго вѣка Харьковскія ярмарки достигли значительнаго развитія и имѣли перевѣсъ надъ Сумскими, которыя до этого времени повидимому пользовались наиболѣе важнымъ значеніемъ въ краѣ. Въ связи съ движеніемъ русской колонизаціи къ югу, увеличивалось значеніе Харькова, какъ торговаго центра. Вотъ причина, почему центральное положеніе заняли въ Харьковщинѣ не Сумы, а Харьковъ. Важное вліяніе на развитіе въ немъ ярмарокъ

¹⁾ Воспом. проф. Роммеля Х. 1868 г., стр. 70.

²⁾ Ibidem, 70—71.

³⁾ Шугурова. П. О. Тимковскій (Кіев. стар. 1891 г., сентябрь, стр. 375—376).

должна была также оказать сравнительная безопасность, которою онъ пользовался въ XVIII в. Во 2-й пол. XVIII ст. за нимъ окончательно упрочивается значеніе административнаго центра. О торговомъ значеніи Харькова въ самомъ началѣ XIX в. даютъ понятіе слѣдующія данныя. Въ одномъ статистическомъ документѣ 1802 г. прямо говорится, что „главнѣйшее мѣсто *всегдашней* торговли есть г. Харьковъ; товары получаютъ Харьковскіе купцы изъ Петербурга, Москвы, Таганрога, Валахій, изъ-за границы и многихъ великороссійскихъ губерній“ ¹⁾. По словамъ того же источника, въ Харьковѣ тогда было 4 ярмарки, изъ коихъ важнѣе другихъ Крещенская и Успенская, ибо сюда съѣзжается много купцовъ изъ Великороссіи (особенно Москвы) и югозападнаго края; продажа товаровъ преимущественно оптовая; идутъ они на Донъ, въ Новороссію, Крымъ и нѣкоторые малороссійскіе города; кромѣ иностранныхъ товаровъ сюда привозилось множество произведеній московской мануфактуры ²⁾.

Обороты Крещенской ярмарки въ Харьковѣ, по словамъ г. Устинова, доходили тогда уже до 10 мил., Успенской—8 мил. ³⁾. Обыкновенно принято думать, что вся эта ярмарочная торговля была въ рукахъ великорусскаго купечества, ибо малороссіане были совершенно неспособны къ такого рода дѣятельности. Но это положеніе требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій и поясненій. Иногороднее купечество *осѣдало на постоянное* жителство только въ Харьковѣ да Сумахъ.

При томъ въ составѣ его нужно различать два элемента—великороссовъ и иностранцевъ. Въ 1773 г. въ Харьковѣ было 100 иностранцевъ и 213 чел. великорусскихъ купцовъ (считая женъ и дѣтей); въ Сумахъ—29 иностранцевъ и 36 великорусскихъ купцовъ ⁴⁾. Въ самомъ, нач. XIX ст. число великорусскихъ купцовъ въ Харьковѣ замѣтно возрастаетъ: всѣхъ купеческихъ фамилій было тогда 166, изъ коихъ только ок. 25% мѣстнаго малорусскаго происхожденія; остальные ³/₄ были великоруссы или иностранцы ⁵⁾. Но кромѣ этихъ *ильдейскихъ* купцовъ и въ постоянной, и особенно въ ярмарочной торговлѣ г. Харькова принимали участіе мѣщане и войсковые обыватели; а въ другихъ городахъ

¹⁾ Опис. Слоб. укр. губ. 1802 г. стр. 14.

²⁾ Подробное перечисленіе ихъ см. тамъ же, стр. 21.

³⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нын. стол. (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 108).

⁴⁾ См. вѣдомость слоб. укр. губ. канцеляріи, составленную для акад. Гильденштедта (моя „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьк. и отчасти Курской и Воронежской губ.“; т. 2-й, стр. 319, 348).

⁵⁾ Харьк. календарь на 1886 годъ, стр. 107—108.

и селеніяхъ вовсе не имѣли постоянного жительства великорусскіе и иностранные купцы; между тѣмъ торги и ярмарки были и тамъ. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ вспомнить соціальный составъ населенія Слоб. укр. губерніи. Въ Слободской украинѣ, какъ показываетъ и самое названіе ея, слободы, т. е. селенія, пользовавшіяся извѣстными льготами, преобладали надъ городами. Эти послѣдніе представляли изъ себя первоначально почти исключительно *военные* пункты. Впослѣдствіи и по составу своего населенія, и по его занятіямъ они ничѣмъ почти не отличались отъ селеній. Въ Слободской украинѣ не было даже такой дифференціаціи общественныхъ классовъ (по ихъ занятіямъ), какую мы замѣчаемъ въ сосѣднихъ великорусскихъ областяхъ, гдѣ, въ Курскѣ напримѣръ, или Воронежѣ былъ весьма видный классъ купцовъ-специалистовъ. У насъ же, въ Харьковщинѣ, торговля не сконцентрировалась въ одной какой либо общественной группѣ, а какъ то разлилась въ общей массѣ населенія. Слобожане играли видную роль въ торговлѣ съ Великороссіей, Новороссіей, Дономъ, Малороссіей, Польшей и даже Западной Европой, частію въ качествѣ продавцевъ производимыхъ ими продуктовъ (въ особенности хлѣбнаго вина), а частію и посредниковъ (имѣемъ въ виду чумаковъ, покупавшихъ на свои собственные средства рыбу и соль и продававшихъ ихъ на мѣстныхъ ярмаркахъ). Произведенія мѣстнаго ремесленнаго труда находили себѣ широкое распространеніе въ сосѣднихъ губерніяхъ; среди харьковскихъ ремесленниковъ выдѣлялись „рымари“, сбывавшіе ремни и кожи своихъ издѣлій и въ сосѣднія Екат. и Малорос. намѣстничества, „кушнеры“, отправлявшіе свои шубы въ Великороссію, „коцарки“, отпускавшіе многія тысячи своихъ ковровъ въ великороссійскія селенія и даже за границу и т. п. ¹⁾.

Малороссы, котораго мы привыкли считать лѣнливымъ домохозяиномъ, отличался въ это время какою то страстью къ передвиженіямъ: „мандровали“ дьячки-учители, монахи, чумаки. Харьковская губ. находилась на прямой торговой дорогѣ изъ Москвы въ Новороссію.

Съ паденіемъ Крыма (съ 1783 г.), заселеніе Новороссіи пошло еще болѣе быстрыми шагами чѣмъ прежде, а торговая дѣятельность ея расширилась, потому что нашла себѣ выходъ въ Черноморско-Азовскихъ портахъ. Въ Новороссійскомъ краѣ тогда (въ самомъ нач. XIX в.) было уже нѣсколько городовъ, не отличавшихся правда многолюдностью, но развившихъ значительную торговлю. Самымъ бойкимъ торговымъ

¹⁾ См. подробности въ моей актовой рѣчи „Засел. Харьк. края и общій ходъ его культ. развитія до открытія у—а“, стр. 18—20.

центромъ была Одесса. Въ 1802 г. изъ нея, напрямѣрь, было вывезено товаровъ болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ мил., а привезено на 719982 р. Жителей въ ней было тогда 9 тыс. чел., а городскихъ доходовъ собрано 40 тыс. руб. Для того чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, нужно вспомнить, что Одесса была основана только въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Съ воцареніемъ Имп. Александра I-го, во время управленія Дюка де Ришелье, начался быстрый чисто американскій ростъ ея. Въ 1814 г. торговые обороты уже достигли 20 мил. Въ Таганрогѣ въ началѣ XIX ст. было отъ 8 до 10 тыс. жителей, въ Екатеринославѣ въ 1804 г.—6389; въ Николаевѣ еще меньше; тоже самое нужно сказать относительно Херсона, Елисаветграда, Ростова, Мариуполя, Дубоссаръ; все это были городки съ небольшимъ количествомъ жителей, недавно передъ этимъ основанные, но обладавшіе задатками болѣе счастливой будущности. Часть ихъ была расположена непосредственно на Черноморско-Азовскомъ побережьи; другая связана была съ нимъ водными рѣчными путями. Торговые обороты ихъ все болѣе расширялись, потому что къ нимъ тинула изобиловавшая различными богатствами Новороссія, привлекавшая все новыхъ и новыхъ колонистовъ. Если хлѣбный экспортъ г. Одессы и Таганрога дѣлалъ такіе гигантскіе шаги, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что Новороссійскіе земледѣльцы производили гораздо больше хлѣба, чѣмъ нужно было для собственнаго потребленія жителей. И дѣйствительно: въ 1803 г. въ Екатерин. губ. осталось за продовольствіемъ и посѣвомъ на продажу 446468 четвертей, а въ 1804 г.—даже 1079017 четв.; въ Херс. губ. въ 1804 г.—644207 четв. Не говоримъ о скотоводствѣ и другихъ видахъ добывающей промышленности. Она доставляла массу сырыхъ произведеній, которыя нуждались въ сбытѣ. Сбытъ шелъ по двумъ главнымъ направленіямъ: съ юга на сѣверъ, изъ Черноморско-Азовскихъ портовъ двигались европейскіе товары съ сѣвера на югъ, изъ центральной Россіи—произведенія великорусской обрабатывающей промышленности. Наша Харьковщина играла роль посредника между Москвою и Новороссіей; Харьковъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ для товаровъ, направлявшихся съ сѣвера на югъ; естественно, что сюда стали являться въ значительномъ количествѣ великорусскіе купцы не только на ярмарки, но и на постоянное жительство.

Въ концѣ XVIII вѣка, по справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, „Новороссійскій край еще не вполне организованъ, еще не жилъ тою дѣятельною жизнью, какою жилъ потомъ, и Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центрального

пункта“ ¹⁾. Но дѣятельную посредническую роль играли не одинъ Харьковъ, а вся Харьковщина, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ Новороссіей.

Такимъ образомъ, и Харьковщина, и Новороссія (вошедшая потомъ въ составъ Харьковского учебнаго округа) стояли на довольно высокой (конечно, относительно) ступени матеріальной культуры. Это не были безлюдныя и безмолвныя степи средней Азіи; наоборотъ здѣсь происходило постоянное движеніе и передвиженіе населенія и пульсъ жизни былъ довольно высокъ. Во многихъ мѣстахъ плугъ начиналъ уже бороздить извѣстную цѣлину; на широкомъ привольѣ степей вездѣ можно было встрѣтить „отары“ овецъ, табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота; а въ нѣкоторыхъ точкахъ этихъ степей и нашего Харьковского предстепья по временамъ (въ городахъ во время ярмарокъ) жизнь была ключемъ; происходилъ не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ мыслей; встрѣчались другъ съ другомъ люди изъ различныхъ, нерѣдко отдаленныхъ мѣстностей, различныхъ пародпостей, классовъ, состояній, характеровъ; такъ было между прочимъ и въ Харьковѣ. Полная внѣшняя безопасность, которою стало пользоваться населеніе съ конца XVIII и начала XIX вѣка, сравнительная матеріальная обезпеченность его, явившаяся результатомъ развитія культуры, сдѣлала возможнымъ появленіе потребности въ грамотности и образованіи. Естественно, что впередъ всѣхъ въ этомъ отношеніи стоялъ высшій слой украинскаго общества—бывшая казацкая старшина, превратившаяся теперь въ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и вошедшая такимъ путемъ въ ряды русскаго дворянства. Она владѣла подчасъ обширными помѣстьями, а недавно передъ тѣмъ права ея расширены были и на крестьянъ, жившихъ на принадлежавшихъ ей земляхъ. Затѣмъ идутъ мѣщане и самая обширная группа войсковыхъ обывателей; эти послѣдніе представляли изъ себя прежнее сословіе слободскихъ казаковъ, перешедшихъ теперь на мирное положеніе и обратившихся, по насмѣшливому выраженію одного литературнаго сатирическаго памятникъ, въ „гречкосіивъ“. Крѣпостныхъ крестьянъ считать нельзя, хотя прошло всего только десятка два лѣтъ съ того момента, какъ они попали въ зависимость, такъ что и они еще не успѣли забыть о прежней вольности. Но самымъ просвѣщеннымъ слоемъ было, конечно, духовенство (черное и бѣлое), стоявшее, какъ увидимъ, во главѣ народнаго образованія.

¹⁾ Изсл. о торговлѣ на укр. ярм., стр. 52.

Образовательная струя замѣтна въ украинскомъ населеніи съ самыхъ давнихъ поръ, съ перваго появленія его въ Слободскую Украину. Слободская Украина, какъ извѣстно, заселилась главнымъ образомъ малороссіянами, пришедшими изъ заднѣпровья. Переселенцы являлись на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками, солюкупность конхъ въ московскихъ актахъ носить характерное названіе „черкасскихъ“ ¹⁾), „старо-черкасскихъ обыкностей“, т. е. старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ южно-русское населеніе Рѣчи посполитой далеко не чуждо было интересовъ образованія и просвѣщенія, при чемъ эти послѣднія были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ православною вѣрою. Со времени Люблинской уніи и Брестскаго собора, малорусскому народу приходилось вести упорную борьбу съ поляками за свою вѣру и народность. Борьба противъ церковной уніи, всяческими средствами распространяемой среди православныхъ, естественно объединяла духовенство и мірянъ; къ этому же сближенію приводилъ и самый строй западно-русской церкви, всегда предоставившій значительную роль въ церковныхъ дѣлахъ свѣтскимъ лицамъ. Католицизмъ выступилъ противъ православія, вооружившись всеми средствами западной богословской науки и призвавъ на помощь себѣ такого опаснаго союзника какъ іезуиты. Православная церковь, естественно, конечно, должна была прибѣгнуть къ тому же самому оружію, какое пускалось противъ нея—богословской наукѣ. Но этой послѣдней у насъ въ то время, можно сказать, не существовало: ее приходилось создавать.

Такъ возникъ въ юго-западной Руси цѣлый циклъ литературныхъ памятниковъ полемики православныхъ южноруссовъ съ латинянами; скоро къ нимъ присоединились еще и полемическія сочиненія противъ лютеранъ. Такимъ образомъ, западно-русская наука, не смотря на свой схоластическій характеръ, служила главной опорой южно-русскому народу въ его борьбѣ за вѣру и народность. Эта же борьба вызвала въ жизни еще одно замѣчательное проявленіе общественнаго духа среди южноруссовъ—церковныя братства, изъ конхъ нѣкоторые (напримѣръ Львовское, Кіевское, Виленское) успѣли развить свою дѣятельность до чрезвычайно широкихъ размѣровъ и притомъ не только въ отношеніи

¹⁾ Вопросъ объ этихъ черкасскихъ обыкновеніяхъ заслуживаетъ вниманія историка и этнографа. Полное перечисленіе и оцѣнка ихъ дадутъ намъ отчетливое представленіе о *бытовыхъ* особенностяхъ малорускаго населенія Харьк. губ., особенностяхъ, существовавшихъ уже въ XVII в.; это, слѣдовательно, довольно древній историко-этнограф. матеріалъ, обнимающій всѣ стороны народнаго быта.

благотворительности, но и просвѣщеніи. Въ церковныхъ братствахъ, стоявшихъ на стражѣ вѣры и народности, міряне, безъ различія сословія, принимали такое же горячее участіе, какъ и духовенство; простой ремесленникъ тамъ чувствовалъ духовно-нравственную связь съ какимъ нибудь княземъ Конст. Острожскимъ. Братства имѣли школы (одна изъ нихъ, Кіевская, превратилась впоследствии въ академію), типографіи, печатали полемическія сочиненія противъ латинянъ и т. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при живомъ дѣятельномъ участіи въ братствахъ мірянъ и духовенства,—могло мало по малу создаться традиціонное уваженіе къ духовному просвѣщенію, наукѣ и литературѣ во всѣхъ слояхъ тогдашняго западно-русскаго общества. Это-то уваженіе вмѣстѣ съ другими обычаями, вмѣстѣ съ церковно-богослужебными книгами Кіевской и Львовской печати, съ церковными колоколами и священною утварью переселенцы перенесли и въ Слободскую Украину, куда они должны были бѣжать отъ уніи, соціально-экономическаго гнета и разорительныхъ военныхъ опустошеній. Перенесли они духовную связь съ представителями церкви и, какъ результатъ этой послѣдней, церковныя братства, школы (т. е. богадѣльни) и церковно-приходскія народныя школы. Въ Харьковскомъ краѣ церкви строились или на средства отдѣльныхъ лицъ—помѣщиковъ, или на добровольныя пожертвованія всѣхъ прихожанъ; эти послѣдніе постоянно заботились потомъ о своемъ храмѣ, о содержаніи причта и очень часто сами выбирали себѣ священника, который только утверждался потомъ въ своей должности высшей епархіальной властью. Иногда священниками бывали лица, принадлежавшія къ свѣтскому обществу. Въ с. Шелудовкѣ строителемъ храма былъ сотникъ Корякъ, а священникомъ его сынъ, въ м. Соколовѣ—бывшій полковой судья. Что же касается дьячковъ, то они представляли изъ себя какъ бы посредствующее звено между духовенствомъ и мірянами: несли свои причетническія обязанности только на основаніи договора съ прихожанами. Слободско-украинскіе монастыри были обязаны своимъ происхожденіемъ большею частію усердію казацкой старшины. Куряжскій монастырь былъ основанъ Харьковскимъ полковникомъ Григоріемъ Ерофѣевичемъ Донцомъ-Захаржевскимъ и другими старшинами того же полка, Сумской Успенскій и Сумской Предтечевъ—полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, Михайловская пустынь—полковникомъ Михаиломъ Васильевичемъ и т. п.; масса лицъ разныхъ состояній жертвовала въ монастыри движимое и недвижимое имущество. Интересны нѣкоторые подлины на пожертвованныхъ священныхъ книгахъ: „почитати ю и ввѣмати“, читаемъ мы на одномъ сочиненіи Антонія Радивиловскаго; „книгу сію купилъ отецъ

Михайло за свои гроши, за 2 талара у Перекопѣ, щобъ унією не вспоминався никто"—такова надпись на требникѣ 1681 года; естѣ даръ съ надписью отъ простой ткачихи. Нѣкоторые строители монастырей дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми игуменами ихъ; таковы были полковникъ Штена (строитель Краснокутскаго монастыря) и сотникъ Григорьевъ (строитель Свѣпильскаго Покровскаго монастыря). Кромѣ того можно еще назвать и представительницъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, вступившихъ въ ряды чернаго духовенства; таковы были Ковалевская, Квиткина, Дупина и др. Церковныя братства также получили широкое распространеніе въ Слободской украинѣ и при томъ не только въ городахъ, но и селеніяхъ. Конечно, устройство ихъ не вызывалось такою необходимостью, какъ въ предѣлахъ юго-западной Руси; они устраивались здѣсь по благочестивому обычаю, унаслѣдованному отъ заднѣпровскихъ предковъ, и передававшемуся отъ одного поколѣнія къ другому по старой черкасской „обычности“. Поддерживала ихъ кромѣ того та связь мірянъ съ церковью, примѣры которой мы привели выше и которая организовала въ каждомъ церковномъ приходѣ три симпатичнѣйшихъ проявленія общественнаго духа—братство, шпиталь и школу.

Цѣлью этихъ учрежденій была общественная благотворительность и просвѣщеніе. Конечно, размѣры ихъ дѣятельности были очень скромные; но важно было то, что эта послѣдняя явилась результатомъ инициативы или, правильнѣе сказать, живой внутренней потребности самого населенія, безъ различія классовъ, состояній и половъ. Пришедшіе въ Корочу черкасы (еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича) просили дозволить имъ „по ихъ вѣрѣ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя вино, пиво и бражку на поминаніе родителей“; кромскіе черкасы просили о дозволѣніи имъ сытять медъ и собирать воскъ, чтобы „свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье“. Въ Харьковѣ были братства при Соборной, Благовѣщенской и Рождественской церквяхъ. Братства ставили своею цѣлью вообще поддержаніе церквей; вотъ почему въ пользу ихъ многіе жертвовали имѣнія. Въ храмовой праздникъ старшій братчикъ собиралъ отъ прихожанъ добротныя подаванія и готовилъ братскій столъ и медъ, который покупали присутствующіе; выручка шла въ пользу братства. Братства разсѣяны были по всему Харьковскому краю и имѣли преимущественно религіозно-нравственное значеніе—служили выраженіемъ общественной заботы о церкви и нравственности; для поддержанія этой послѣдней учреждены были братскіе суды.

Въ тѣсной связи съ братствами стояли госпитали, т. е. богадѣльни, гдѣ находили себѣ пріютъ старики, дряхлые, больные, безпріютные сироты; всѣхъ ихъ было въ Слободской украинѣ въ 1732 году 68, а постоянно призрѣвалось въ нихъ болѣе 150 человекъ; для того чтобы достойно оцѣнить эти учрежденія, нужно помнить, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ исключительно общественной инициативѣ и существовали потомъ безъ всякой регламентаціи и поддержки со стороны.

Наконецъ, третьимъ общественнымъ учрежденіемъ приходовъ являлась церковная *народная* школа. Стремленіе къ устройству такихъ школъ при церквяхъ слобожане опять таки вынесли изъ заднѣпровья. Мы имѣемъ свѣдѣніе о существованіи школы при Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ еще въ 1675 году. Почтенный изслѣдователь украинской старины Григорій Петровичъ Данилевскій думаетъ, что школы эти были специальными училищами для приготовленія къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ дѣтей мѣстнаго духовенства. Но для этой цѣли были заведены особыя специальные училища, хотя, кажется, только въ Екатерининское время. Такова была, напримѣръ средняя школа въ слободѣ Новыхъ-Водолагахъ (о которой мы скажемъ далѣе). Но церковно-приходскія школы были не духовными училищами, какъ думалъ Г. П. Данилевскій, а народными или, точнѣе говоря, всесословными. Уже одно число этихъ церковно-приходскихъ школъ говоритъ противъ предположенія автора „Украинской старины“. По его вычисленію, въ 1732 году было у насъ 46 такихъ школъ, а по найденной и напечатанной мной переписи Хрущова, ихъ оказывается болѣе 129; говорю болѣе, потому что часть Хрущовской переписи до насъ не дошла. Школы эти по полкамъ ¹⁾ распредѣлялись такъ: въ Харьковскомъ полку было 18, Ахтырскомъ—28, Изюмскомъ—36 и Сумскомъ—47 ²⁾. Они были не только въ казачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже селахъ) было по нѣсколько школъ (напримѣръ, въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ и др.). Общее число жителей обоого пола во всѣхъ четырехъ полкахъ въ 1732 году можно опредѣлить въ 306112 д.; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 д., а въ 1884 году, въ наши дни одна школа приходится на 4270 д. Къ сожалѣнію намъ не извѣстно число учащихся въ шко-

¹⁾ Слоб. украинка дѣлилась въ то время въ административномъ отношеніи на военные округа, называвшіеся полками.

²⁾ Ясное указаніе, что въ 1-й пол. XVIII в. Сумы и его округъ стояли въ культурномъ отношеніи выше Харькова и его округа.

лахъ прежняго времени. Оно, конечно, было менѣе значительно, чѣмъ теперь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тогда оно равнялось въ среднемъ 20—30 чел. на школу, а теперь 50. *Въ такомъ случаѣ процентное отношеніе учащихся къ населенію въ 1-й половинѣ XVIII вѣка и теперь будетъ почти одинаковое.* Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 человека; нѣрѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ 4-хъ церковно-приходскихъ школахъ г. Харькова было 19 учителей (школы были при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквахъ). Дѣти духовенства составляли, конечно, довольно видный элементъ среди учащихся; объ этомъ свидѣлствуютъ между прочимъ многочисленныя автобіографіи учителей, происходившихъ изъ духовнаго званія. Научившись церковно-славянской и русской грамотѣ и пѣнію въ церковно-приходской школѣ, одни изъ нихъ поступали въ Харьковскій коллегіумъ, а другіе въ учителя дьячки. Такъ выработался оригинальный типъ „*мандированнаго*“ дьяка-учителя.

Но кромѣ дѣтей духовнаго званія въ церковно-приходскихъ школахъ того времени обучались дѣти казаковъ и крестьянъ, составлявшія главный контингентъ учащихся. Приведемъ въ доказательство этого одинъ характерный примѣръ. Нѣкоторая часть нынѣшней Воронежской губерніи въ прежнее время принадлежала къ Слободской украинѣ и составила въ ней особый острогоскій полкъ, населеніе котораго во всѣхъ отношеніяхъ (по своему быту, привычкамъ) походило на слобожанъ Харьковской губерніи. Однимъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ здѣсь переселенцами малороссіянами, была слобода Ендовище и тутъ существовала церковно-приходская школа уже въ XVII вѣкѣ. „Школу эту посѣщали дѣти казаковъ черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ былъ въ 1703 году дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей „черкасской обычности“, учитель дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспитывать“; такъ говоритъ изслѣдователь Воронежской старины Л. Б. Вейцбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а вездѣ. Во владѣльческой слободѣ Бѣлокуракиной, населенной подданными малороссіянами; по мысли владѣльца, открыта была школа—и въ нее сразу же добровольно было отдано жителями 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; былъ также приглашенъ временный учитель, котораго рѣшено было впоследствии замѣнить специалистомъ изъ Харькова. Полный комплектъ предполагался въ 30 мальчиковъ; наблюденіе за школой было поручено мѣстному священнику.

Учителями въ школахъ были тѣ самые „мандрованные“ дяки, о которыхъ мы говорили выше. Нѣкоторые изъ нихъ переходили изъ одной школы въ другую чуть-ли не цѣлую жизнь; одинъ, на примѣръ, ходилъ въ дячковскомъ званіи 27 лѣтъ; другой—Козьма Порадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (отъ 20-ти до 70-ти лѣтняго возраста); въ особенности интересна автобіографія послѣдняго. Скитальчество, очевидно, вошло у него въ привычку; даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни и онъ на 70-мъ году предсталъ передъ судомъ какъ безпаспортный. Гдѣ только онъ не перебивалъ: и въ Харьковской, и Воронежской губерніяхъ и на Дону, то въ должности дяка и учителя церковной школы, то въ качествѣ наставника въ частныхъ домахъ.

Намъ извѣстно, что въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было постоянной школы, обыватели приглашали временными преподавателями тѣхъ-же „мандрованныхъ“ учителей. Даже дѣти простыхъ казаковъ иногда не ограничивались пизшею школою и поступали для продолженія своего образованія въ Харьковскій коллегіумъ. Если среди пизшаго слоя общества существовало извѣстное стремленіе къ образованію (хотя бы въ формѣ грамотности), то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привилегированнаго сословія, которыя имѣли больше досуга, средствъ, сознательнѣе относились къ явленіямъ общественной жизни и самыми условіями своего существованія были поставлены въ необходимость ознакомиться съ наукой; и имѣю въ виду шляхетство, которое въ качествѣ правящаго класса должно было усвоить хотя бы начатки школьнаго образованія для службы. А нѣкоторые ясно сознавали пользу ученія. Таковъ былъ представитель старой Харьковской казацкой старшины сотникъ Изюмскаго полка Д. Данилевскій. Его очень огорчали лѣность и нерадѣніе дѣтей и одному сыну онъ завѣщалъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если онъ исправится и будетъ хорошо учиться. Замѣтимъ, что приведенный фактъ относится къ самому началу XVIII вѣка (1716 г.), когда Харьковскаго коллегіума еще не было; этотъ послѣдній былъ открытъ только 10 лѣтъ спустя и, очевидно, долженъ былъ удовлетворять существовавшей въ населеніи потребности въ такого рода учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ, во всѣхъ слояхъ слободско-украинскаго общества мы замѣчаемъ стремленіе къ духовно-нравственному просвѣщенію.

Вѣрнымъ выразителемъ идеаловъ мѣстнаго общества, почителемъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ началъ былъ знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Если бы въ самомъ обществѣ не существовало извѣстнаго религіозно-нравственнаго настроенія, то и проповѣдь Сковороды не имѣла бы такого успѣха, какой

выпалъ ей на долю. Онъ является типическимъ продуктомъ мѣстной среды, начинавшей тогда переходить отъ прежняго военного казакаго быта къ новымъ формамъ гражданственности, наукъ и литературѣ. Общій характеръ научныхъ свѣдѣній Сковороды и его богословско-философскихъ сочиненій опять таки опредѣляется главнымъ образомъ южно-русскою образованностью того времени, разсадникомъ которой было заднѣпровье и Кіевская духовная академія; самый способъ распространенія его религіозно-философскихъ и этическихъ воззрѣній (онъ переходилъ съ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому) объясняется, быть можетъ, привычкою къ скитанію, свойственной не только тогдашнему свѣтскому обществу (казакамъ и посполитамъ), но и духовенству (мандрованнымъ учителямъ, священникамъ).

Къ сожалѣнію эта своеобразная личность мало разъяснена исторіей. Онъ вышелъ изъ простаго класса населенія (хотя впрочемъ не изъ крестьянъ, а изъ казаковъ) и затѣмъ, не смотря на свое широкое образованіе, не порвалъ нравственныхъ связей съ простымъ народомъ. По характеру своего образованія Григорій Саввичъ примыкалъ къ старой западно-русской схоластической наукѣ, но эта послѣдняя, очевидно, его не совсѣмъ удовлетворяла и онъ пытался сказать новое слово въ этой области. Онъ слушалъ лекціи въ Кіевской духовной академіи; но не ограничился этимъ: страстная любовь къ знанію двинула его почти монаха, строгаго аскета за границу и онъ пѣшкомъ съ посохомъ въ рукахъ психодилъ почти всю западную Европу, познакомился съ тамошними учителями и воспринималъ отъ нихъ мистицизмъ, зародыши котораго у него должны были существовать и раньше. Въ Харьковѣ одно время онъ былъ преподавателемъ коллегіума; но и тогда онъ велъ не такую жизнь, какъ всѣ остальные. По словамъ біографа и друга его Ковалѣнскаго, „онъ для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ передъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій правоученіе, почитателемъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Но въ коллегіумѣ онъ не удержался; его стѣснили строгія рамки педагогической дѣятельности— и онъ постоянно, какъ видно изъ только приведеннаго отзыва Кова-

лѣнскаго, выходилъ изъ нихъ; ему тѣсно было въ ученическихъ аудиторіяхъ и онъ предпочелъ имъ несравненно большую аудиторію—цѣлую Украину. Его манилъ къ себѣ широкій просторъ украинскихъ стѣнъ, рощи и долины, благопріятствовавшіе глубокому уединенію и самоуглубленію, радушіе и гостепріимство его друзей и знакомыхъ, тихія, назидательныя бесѣды съ ними о высшихъ вопросахъ духа, жизнь на лонѣ природы. Онъ велъ, можно сказать, аскетическій образъ жизни: одѣвался въ простую свиту, не ѣлъ мяса и рыбы, а питался плодами, овощами и молокомъ, спалъ въ садахъ, на насѣнкахъ и, наконецъ, почти никогда не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ. Не удивительно, что у него была масса почитателей среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества—и среди духовенства, и среди свѣтскихъ лицъ; на всѣхъ онъ дѣйствовалъ живымъ примѣромъ собственной жизни. Къ простому народу онъ относился съ глубокой симпатіей. „Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, которые говорятъ, что земля есть мертвая; какъ мертвой матери родятъ живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылучились бѣлые господа“. Нравственное вліяніе его на простой народъ было очень благотѣльно. „Старикъ выше средняго роста, говоритъ Лубяновскій, лично видѣвшій Сковороду, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій малороссіянинъ. Страсть его была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, вездѣ и всѣмъ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до обаченія съ любовью; у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра; но народъ не затѣмъ и принималъ его подъ свои кровы; напротивъ того, хозяинъ дома, куда онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было что либо поправить, почистить, переобуть въ его одѣяніи и обуви, все то не медленно и дѣлалось. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ роднаго. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ“¹⁾. Онъ гордился именемъ народоучителя и вполне сознательно относился къ своей миссіи.

„Надо мною позоруются (насмѣхаются), говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ бають, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ

¹⁾ Воспоминанія, М. 1872, стр. 22—23.

очей не узрѣть свѣточа; пускай бають; на меня острять, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острять; они знаютъ свое, я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тига—мнѣ упокоеніе“. Григорій Саввичъ Сковорода написалъ множество философско-богословскихъ сочиненій, въ особенности нравоучительныхъ, но только очень немногіе изъ нихъ изданы въ свѣтъ, хотя впрочемъ нужно замѣтить, что всѣ они обращались въ рукописяхъ. И въ высшей степени характерно то обстоятельство, что сочиненія Сковороды, не смотря на свое мистическое содержаніе и тяжелый туманный языкъ, служили предметомъ глубокаго уваженія и находили иногда даже внимательныхъ читателей. Изъ переноски его видно, что онъ посылалъ свои рукописи разнымъ лицамъ. Рукописи эти списывались и хранились у его почитателей. Одинъ изъ такихъ почитателей вызывалъ къ себѣ черезъ „Московскія вѣдомости“, желающихъ читать сочиненія *украинскаго мудреца*. Его ученикъ и другъ помѣщикъ Ковалѣвскій (написавшій его „житіе“) посвятилъ ему такую стихотворную эпитафію: „ревнитель истины, духовный Богочтецъ, и словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ. Любитель простоты и отъ суетъ свободы, безъ лести другъ прямой, доведенъ всѣмъ всегда — достигъ на верхъ наукъ...“ Отсюда ясно видно, что Сковорода создалъ въ Украинѣ, такъ сказать, *культъ науки*, благоговѣнное, хотя далеко не всегда сознательное къ ней отношеніе. Гораздо доступнѣе для всѣхъ (въ особенности для простаго люда) были сатирическія произведенія Сковороды (пѣсни и басни). Нѣкоторыя изъ нихъ такъ прилипли по вкусу народу, что и доселѣ распѣваются лириками. Такова его знаменитая пѣсня „Всякому городу нравъ и права“, гдѣ мы находимъ между прочимъ слѣдующія строфы:

„Петръ для чиновъ углы напскіе третъ,
 Оедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
 Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
 Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь,
 А мнѣ одна только въ свѣтъ думá.
 А мнѣ одно только не йдетъ съ ума.

— — — — —
 Строить на свой тонъ юриста правá,
 Съ диспутъ студенту трещать голова.
 Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ Амуръ,
 Всякому голову мучитъ свой дуръ.
 А мнѣ одна только въ свѣтъ думá—
 Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

Смерте страшна, замашная косѣ!
 Ты не щадишь и царскихъ волосѣхъ!
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
 Все жерепъ такъ, какъ солому пожаръ?
 Кто-жь на ея плюетъ острую сталь?
 Тотъ, чья совесть, какъ чистый хрусталь!

Сковорода не старался поддѣлываться подѣ народное пониманіе и народную рѣчь даже въ своихъ басняхъ и пѣсняхъ. Онъ относился слишкомъ серьезно къ своей миссіи, чтобы позволять себѣ такое приспособленіе; и въ сатирическихъ пѣсняхъ рядомъ съ обличеніемъ звучить серьезная нота морали и глубокой мысли; и въ приведенной пѣснѣ авторъ противопоставляетъ увлеченію житейскими мелочами свою заботу— какъ бы умереть ему не безъ ума; а этого можетъ достигъ только тотъ, чья *совѣсть, какъ чистый хрусталь*. Произведенія Сковороды здѣсь очень близко подходятъ къ такъ называемымъ псалмамъ и нравоучительнымъ пѣснямъ (о страшномъ судѣ, о мукахъ Христа, о св. Николаѣ, о правдѣ и т. п.)¹⁾. Вотъ эта то религіозно-нравственная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои слободско-украинскаго общества, тѣмъ болѣе что оправдывалась примѣромъ его собственной жизни.

Память о Сковородѣ долго жила въ Харьковщинѣ. Лубяновскій рассказываетъ слѣдующій фактъ: „въ проѣздъ мой въ 1831 г. черезъ Харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика-крестьянина и вздумалъ спросить его, помнитъ ли онъ Сковороду. Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе расіятаго за грѣхи наши Господа нашего Иисуса Христа. Когда начнетъ намъ бывало рассказывать Страсти Господни или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчилось, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“²⁾. Послѣ всего сказаннаго мы не можемъ не согласиться съ заявленіемъ Григорія Петровича Данилевскаго, что Сковорода былъ, такъ сказать, странствующимъ университетомъ и академіей среди слободско-украинскаго общества; больше, конечно, академіей, чѣмъ университетомъ, ибо его наука, какъ мы видимъ, находилась въ генетической связи со старой западно-русской образованностью, традиціи которой были перенесены и въ Слободскую Украину.

¹⁾ Эти произведенія между прочимъ входили въ репертуаръ извѣстнаго кобзаря Остапа Вересая; см. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ., т. I, матеріалы, стр. 22—33.

²⁾ Воспоминанія, М. 1872, стр. 23—24.

Онъ былъ странствующимъ, „магдированнымъ“ учителемъ въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Конечно, его наука сильно отличалась отъ той европейской науки, которая получила у насъ прочное начало съ открытіемъ Харьковскаго университета. Но не слѣдуетъ забывать, что Григорій Саввичъ все такъ не былъ чистымъ представителемъ школьнаго академическаго образованія: онъ стремился почерпнуть знаніе и въ его источникѣ—на западѣ.

Такъ постепенно Сковорода подготовлялъ почву для будущаго Харьковскаго университета и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ Василя Назаровича Каразина. Помимо всего сказаннаго мы можемъ представить и прямое доказательство въ подтвержденіе этой мысли. Въ числѣ лицъ, выразившихъ наиболѣе осязательно свое сочувствіе къ будущему высшему учебному заведенію въ краѣ, мы находимъ друзей и добрыхъ знакомыхъ Г. С. Сковороды; это были трое Квитокъ и Ковалевскій, представители старыхъ старшинскихъ фамилій, ревнители мѣстнаго просвѣщенія¹⁾. Коллежскій совѣтникъ Ѳеодоръ Квитка былъ отецъ извѣстнаго Харьковскаго малороссійскаго писателя Григорія Ѳеодоровича Квитки-Основьяненко; теплыя строки посвящаетъ ему въ своихъ очеркахъ харьковскій же писатель Вернегъ²⁾. Фамилія Квитокъ вообще отличалась любовью къ просвѣщенію; кромѣ Григорія Ѳеодоровича былъ въ этой семьѣ еще и другой писатель и изслѣдователь мѣстной старины *Илья Ивановичъ* Квитка настоящій авторъ сочиненія о „Слободскихъ полкахъ“, которое раньше приписывалось Григорію Ѳеодоровичу Квиткѣ³⁾; кромѣ того Илья Ивановичъ занимался и другими работами по малорусской исторіи. Григорій Саввичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ и, очевидно, его монашескія, аскетическія воззрѣнія оказали вліяніе на эту семью, тѣмъ болѣе что и раньше здѣсь имѣли силу такія стремленія. Сестра извѣстнаго Вѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка была замужемъ за Изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткой; родной дядя Григорія Ѳеодоровича постригся въ монахи подъ именемъ Наркиза и былъ потомъ пасторителемъ Куряжскаго монастыря⁴⁾. „Илья Ивановичъ Квитка, по словамъ пр. Филарета, не былъ въ монастырѣ, но жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ, ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное

¹⁾ Они вмѣстѣ съ семью другими лицами подписали проектъ о пожертвованіи на университетъ 1,000,000 руб.; но эта сумма въ общемъ собраніи дворянства была уменьшена до 400,000 рублей; см. Рус. Стар. 1875, май, стр. 63.

²⁾ Укр. Старина, стр. 174.

³⁾ См. о немъ замѣтку г. Шугурова (Кіев. Стар. 1890, мартъ, стр. 444—453.

⁴⁾ Укр. Старина, стр. 176—177.

жилище и не звалъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему тогда преосвященному Павлу, у котораго онъ изучалъ христіанской жизни. Переписка его съ Тепловымъ и Кочубеемъ показываетъ, что онъ занимался и литературою¹⁾. И эти занятія, какъ доказываетъ г. Шугуровъ, были довольно усильны; плодомъ ихъ была повидимому и статья²⁾ „Краткое историческое описаніе о Малороссіи“, изданная въ 1848 г. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ“). Прибавимъ, что Ильи Ивановичъ находился въ дружественныхъ литературныхъ связяхъ съ проф. Тимковскимъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устройствѣ Харьковскаго университета. Григорій Ѳеодоровичъ Квитка постригся въ монахи, очевидно, не безъ вліянія Сковороды. Въ послѣдствіи самъ онъ рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ Григоріемъ Саввичемъ и перѣдко, импровизируя его стихотвореніе „Всякому городу нравъ и права“, дѣлалъ къ нему свои юмористическія прибавленія. „Гомерическая личность Сковороды, говоритъ Г. П. Данилевскій, и непреложное во всей суровой простотѣ достоинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣли значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳеодоровича Квитки“. Вообще литературныя занятія были присущи семьѣ Квитокъ. У нихъ между прочимъ велись фамиліныя записки; любовь къ исторіи роднаго края и Малороссіи, нужно думать, развилась у Ильи Ивановича и Григорія Ѳеодоровича Квитокъ не безъ вліянія Григорія Саввича Сковороды. Еще ближе стоялъ Григорій Саввичъ къ Петру Андреевичу Ковалевскому. Онъ часто посѣщалъ и подолгу проживалъ у отца его Андрея Ивановича, владѣльца дер. Панъ-Ивановки; дѣйствуя на отца и мать, онъ, естественно, не могъ не оказать вліянія и на сына. Григорій Саввичъ умеръ, какъ извѣстно, въ Панъ-Ивановкѣ и здѣсь память о немъ чтится свято Петромъ Андреевичемъ; доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что онъ долго хранилъ у себя рукописи и письма покойнаго Сковороды и только въ послѣдствіи передалъ ихъ преосв. Иннокентію, задумавшему заняться составленіемъ біографіи украинскаго философа³⁾. Добрымъ знакомымъ Сковороды былъ также Донецъ-Захаржевскій, Щербининъ и Розальонъ-Соняльскій, подписи которыхъ мы встрѣчаемъ подъ извѣстнымъ дворянскимъ протоколомъ о пожертвованіи на университетъ.

¹⁾ Ист. ст. Оп. Харьк. еп. II. 132.

²⁾ Принадлежность ея Ильѣ Ивановичу Квиткѣ на нашъ взглядъ убѣдительно доказана г. Шугуровымъ.

³⁾ Укр. старина, стр. 71.

Изъ друзей Григорія Саввича Сковороды среди представителей городского сословія отмѣтимъ харьковскаго городского голову Егора Егорьевича Урюпина. Онъ обнаружилъ самое живое сочувствіе къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ, очевидно, склонилъ городское общество къ пожертвованію на университетъ, однимъ словомъ, онъ долженъ былъ дѣлать въ собраніи городского общества то, что дѣлалъ В. Н. Каразинъ въ собраніи дворянъ. Его выдающееся усердіе въ этомъ дѣлѣ было засвидѣтельствовано официально; ему вънослѣдствіи былъ дарованъ чинъ коллежскаго ассесора—награда необычайная для лица изъ купеческаго сословія. Урюпинъ и послѣ всячески содѣйствовалъ Каразину въ дѣлѣ устройства Харьковскаго университета и при этомъ выдавался своимъ независимымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ тогдашнему губернатору Артакову. Артаковъ не сочувствовалъ предпріятію В. Н. Каразина, старался тормозить его ходъ и между прочимъ одинъ разъ поднялъ цѣлую исторію по поводу денегъ, заимообразно выданныхъ Урюпинымъ Каразину на нужды Харьковскаго университета. Въ 1803 году Урюпинъ писалъ Каразину, что пожертвованная на университетъ сумма давно была бы собрана, „если бы притизанія здѣшняго архонта (губернатора Артакова) въ томъ не дѣлали намъ препоны“ ¹⁾. Впрочемъ Урюпинъ вышелъ побѣдителемъ изъ своей борьбы съ представителемъ администраціи: онъ жаловался на него высшему начальству—и Артаковъ былъ удаленъ изъ Харькова ²⁾. Григорій Саввичъ Сковорода посѣщалъ Урюпина и велъ съ нимъ дружескую переписку; сохранились два письма Григорія Саввича Сковороды къ Е. Е. Урюпину, въ которыхъ находятся между прочимъ различныя нравственныя наставленія ³⁾. Изъ писемъ этихъ видно, что Сковорода встрѣчался въ домѣ Урюпина со многими харьковскими обывателями. Урюпинъ пользовался огромнымъ авторитетомъ въ мѣстномъ городскомъ обществѣ и кругъ знакомства у него, конечно, былъ значительный.

Даже самъ В. Н. Каразинъ, виновникъ основанія университета въ Харьковѣ, не остался повидимому свободенъ отъ вліянія старика Сковороды. По крайней мѣрѣ онъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и выразилъ свой взглядъ въ слѣдующемъ изреченіи: „мы подѣ чубомъ и въ украинской свитѣ имѣли своего Пифагора, Оригена, Лейбница“ ⁴⁾. Вліяніемъ Григорія Саввича мы склонны объяснять

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 67.

²⁾ См. подробности въ статьѣ г. Устинова (Харьк. Кал. на 1886-й годъ).

³⁾ Укр. Старица, 59—61.

⁴⁾ Молодыкъ на 1844 годъ, факсимиле В. Н. Каразина, въ прилож. № 17.

двойственный, такъ сказать, характеръ воззрѣній В. Н. Каразина на воспитаніе: будучи горячимъ и убѣжденнымъ адептомъ западно-европейской науки, Василій Назаровичъ является въ своихъ проектахъ представителемъ русскаго направленія и сильно ратуетъ противъ воспитанія русскаго юношества иностранцами. А Григорій Саввичъ Сковорода говорилъ: „учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не вѣмцу и не французу, не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное“ ¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній видно, что Григорій Саввичъ Сковорода замѣтно подготовилъ почву среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества для воспріятія идеи объ учрежденіи здѣсь университета. Пусть же настоящія строки будутъ слабымъ актомъ признательности къ нему съ нашей стороны, тѣмъ болѣе что въ слѣдующемъ 1894 году исполнится столѣтіе со дня смерти этого выдающагося человѣка, стяжавшаго себѣ почетное прозвище украинскаго философа; въ немъ гармонически соединилась наука и этика; слово у него не расходилось съ дѣломъ; устная проповѣдь подкрѣплялась примѣромъ собственной жизни и потому онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Украинѣ и слава его перешла далеко за ея предѣлы.

Параллельно съ Григоріемъ Саввичемъ Сковородой дѣйствовало цѣлое образовательное учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ (нынѣ духовная семинарія). Его просвѣтителное значеніе въ краѣ прекрасно выяснено въ монографіи почтеннаго профессора А. С. Лебедева и потому я на немъ долго останавливаться не буду. Не смотря на то, что коллегіумъ возникъ изъ духовной архіерейской школы (былъ основанъ въ 1726 году еп. Епифаніемъ Тихорскимъ), помѣщался въ монастырѣ, находился въ вѣдѣніи архіереевъ и содержался отчасти изъ своихъ имѣній, а отчасти изъ сбора съ монастырей и церквей, доступъ туда былъ открытъ для всѣхъ классовъ общества (и не только *de jure*, но и *de facto*); дѣти духовенства составляли въ немъ только преобладающее большинство. Въ жалованной грамотѣ Императрицы Анны Іоанновны говорится о коллегіумѣ такъ: „учить (въ немъ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ“. И такое училище не могло не вызвать къ себѣ всеобщаго сочувствія. Наибольше пожертвованій сдѣлали для него ген.-фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ, жившій тогда въ качествѣ главнокомандующаго въ Харьковѣ, и еп. Епифаній Тихорскій; первый подарилъ ему пять деревень и четыре хутора съ 650 душъ крестьянъ, второй три пустыни. Дѣло сразу же было поставлено

¹⁾ Укр. Стар. стр. 76.

на надлежащую почву. Для приготовления хороших учителей молодые люди командировались за границу.

Программа коллегіума была составлена приспособительно къ его всесловному характеру, притомъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась: очень рано введены были въ нее математика, архитектура, живопись, исторія, географія, французскій, нѣмецкій и итальянскій языки. Число учащихся было очень значительно—иногда доходило до 700—800 человекъ. Наибольшій контингентъ доставляло духовенство; но было не мало и свѣтскихъ лицъ и при томъ не только дворянъ, но и разпочинцевъ. Столь значительное число учащихся свидѣтельствуетъ о сильномъ стремленіи къ образованію, въ особенности если мы примемъ во вниманіе печальную обстановку, въ которой находились многіе ученики: они должны были раскрывать канты подъ окнами харьковскихъ обывателей и выучивать въ бурсѣ уроки при свѣтѣ горящей лучины. Но эти бѣдники, все имущество которыхъ иногда состояло изъ „вязаночки книгъ да войлочка и подушки“, являлись истинными просвѣтителеми юношества, живя на кондичіяхъ у помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ и даже мѣщанъ и обучая дѣтей ихъ разнымъ наукамъ. Харьковский коллегіумъ воспиталъ многихъ дѣятелей, занявшихъ потомъ выдающееся положеніе на разныхъ поприщахъ государственной службы; изъ него вышли также многія лица, занимающія видное мѣсто и въ исторіи мѣстнаго и обще-русскаго просвѣщенія. Достаточно указать на знаменитаго переводчика Иліады Гнѣдича, профессора Московскаго университета, создателя скептической школы въ русской исторіографіи, М. Т. Каченовскаго, перваго русскаго клинициста Григорія Ивановича Базилевича, Московскаго попечителя, Михаила Ивановича Ковалевскаго, попечителя Харьковскаго университета З. Я. Карнѣева, Нижегородскаго губернатора А. М. Руновскаго, директора педагогическаго института Я. В. Толмачева и др. И воспитанники коллегіума потомъ съ благодарностью вспоминали о своей alma-mater. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ сенаторъ Лубиновскій: „превосходное учебное заведеніе былъ Харьковский коллегіумъ, не смотря на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей: они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умиравшую, когда возбуждятся. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься! Предметовъ ученія было не много, но преподавались ревностно и основательно.

Латинскій языкъ приучалъ къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты; безъ поэзіи, безъ одушевленія ума и сердца, проповѣдь и въ храмѣ Божіемъ будетъ мертвая буква. Семинаріи нынче богаты, а въ мое время Харьковскій коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою; такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, къ обѣимъ сторонамъ котораго огромныя аудиторіи безъ печей были ничто иное какъ сарай, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали.... Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и приучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи впоследствии времени¹⁾.

О голодѣ, а главное холодѣ, которые испытывали ученики бursы, говорить и другой воспитанникъ коллегіума, впоследствии профессоръ Петербургскаго университета Толмачевъ; по недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники, говоритъ онъ, ходили иногда ночью на р. Лопань и съ мостовъ снимали мостовицы и ими отапливали комнаты. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Но и Толмачевъ подтверждаетъ, что преподаваніе классическихъ языковъ въ коллегіумѣ было поставлено очень рационально: оно не было грамматической гимнастикой, а вело къ быстрому пониманію авторовъ; въ два года, говоритъ о себѣ Толмачевъ, я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ; четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ и упражненію въ сочиненіи латинскихъ рѣчей²⁾. Харьковскому коллегіуму мы обязаны и началомъ научно-литературной дѣятельности въ Слободской украинѣ. Первыми харьковскими изданіями были календари, составленные въ Харьковскомъ коллегіумѣ (префектомъ его Андр. Прокоповичемъ) и вышедшіе въ свѣтъ въ 1797 и 1799 гг. Авторъ статьи о старинныхъ харьковскихъ календаряхъ, основываясь на словарѣ Геннади (II-й томъ), положительно утверждаетъ даже, что „при коллегіумѣ еще раньше открытія университета существовала своя типографія“³⁾; но мы сомнѣваемся въ ея существованіи. Правда извѣстно, что у Харьковскаго губернатора Евд. Щербинина было желаніе учредить при Харьковскомъ коллегіумѣ типографію для печатанія ученическихъ переводовъ и работъ; но осуществился ли этотъ проектъ, неизвѣстно; косвенныя же данныя

¹⁾ Воспоминанія стр. 10—11.

²⁾ Рус. Старина 1892, сентябрь стр. 702.

³⁾ Харьк. Кал. на 1886 г., стр. 145.

приводятъ скорѣе къ отрицательному, чѣмъ положительному выводу. Если бы при коллегіумѣ существовала типографія, о ней хотя что либо сообщили бы документы; во всякомъ случаѣ мы имѣли бы свѣдѣнія о напечатанныхъ въ ней книгахъ. Между тѣмъ о двухъ названныхъ выше календаряхъ у Геннади только говорится, что они напечатаны въ Харьковѣ, а въ какой типографіи — не обозначено; помѣта же „въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ“ (при первомъ календарѣ) указываетъ не на типографію, а на мѣсто перевода (календарь этотъ былъ переведенъ съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ), во 2-мъ календарѣ уже прямо указываются инициалы имени переводчика (Прокоповича). Если бы въ коллегіумѣ была типографія, то въ ней, конечно, напечатанъ былъ бы и мѣсяцесловъ Прокоповича на 1807-й годъ, и другіе труды преподавателей коллегіума. Можно предполагать, что харьковскіе календари XVIII вѣка напечатаны были въ той самой типографіи приказа общественного призрѣнія, изъ которой въ 1805 году вышла брошюра „Хозяйственный способъ узнавать погоду въ 1806 г. съ прибавленіемъ краткаго истор. извѣстія о Слободской украинской губерніи“ ¹⁾.

Какъ бы то ни было, остается въ силѣ тотъ фактъ, что первыя харьковскія литературныя изданія принадлежатъ коллегіуму. Харьковский же коллегіумъ доставилъ первыхъ студентовъ во вновь основанный Харьковский университетъ. Наконецъ, одинъ изъ преподавателей главнаго народнаго училища, преобразованнаго изъ прибавочныхъ классовъ коллегіума, священникъ Фотіевъ, принималъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ учрежденія Харьковского университета и былъ довѣреннѣйшимъ сотрудникомъ Василя Назаровича Каразина. Поэтому нельзя не согласиться съ заключеніемъ уважаемаго пр. А. С. Лебедева, что коллегіумомъ „въ значительной степени подготовлено возникновеніе въ Харьковѣ университета. То необычайное усердіе, съ какимъ въ началѣ настоящаго столѣтія все населеніе Слободской украины во всѣхъ слояхъ отнеслось къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, несомнѣнно указывало на продолжительное и глубокое дѣйствованіе въ краѣ просвѣтительныхъ вліяній. Коллегіумъ приготовилъ почву для университета“ ²⁾. Сюда нужно внести только одно ограниченіе: въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовалъ и Григорій Саввичъ Сковорода (хотя и не во всемъ сходясь съ представителями коллегіумскаго образованія);

¹⁾ См. Чирикова. Указатель, стр. 71.

²⁾ Харьк. кол., стр. 31.

они культивировали въ Украинѣ философско-богословскую науку и классическіе языки.

Но рядомъ съ этой духовной наукой и литературой со 2-й половины XVIII вѣка начала замѣтно дѣйствовать въ Харьковскомъ краѣ и *западно-европейская просвѣтительная стихія*, проникавшая сюда различными путями и средствами. Еще въ 1-й пол. XVIII в. во время частыхъ военныхъ походовъ харьковскіе старшины находили время для литературныхъ занятій. Объ этомъ свидѣлствуетъ фактъ существованія фамильныхъ записокъ самыхъ видныхъ слободско-украинскихъ фамилій—Квитокъ, Лесевичихъ, Тевяшовыхъ, Кондратьевыхъ, Шевича. Переходъ отъ чисто военныхъ къ гражданскимъ формамъ быта далъ возможность свободнѣе развивать эти литературные вкусы. Просвѣтительное воздѣйствіе Сковороды и Харьковского коллегіума служило какъ бы приготовительною школою; извѣстно, что многіе изъ питомцевъ Харьковского коллегіума поступали потомъ въ университетъ (въ томъ числѣ и Дубяновскій). Ученикъ Григорія Саввича Сковороды Ковалѣнскій, какъ извѣстно, отправился въ путешествіе за границу и тамъ сошелся съ Швейцарскимъ ученымъ Дан. Мейнгардомъ, очень похожимъ на Сковороду. Съ основаніемъ Московскаго университета и образовательныхъ учреждений въ Россіи у харьковскихъ дворянъ явилась возможность практически осуществлять свои стремленія къ высшему образованію, въ основу котораго полагалась европейская наука.

Въ 60-хъ годахъ XVIII в. у сумскихъ дворянъ возникла даже мысль объ устройствѣ университета въ г. Сумахъ. Такое желаніе выразили сумскіе дворяне въ наказѣ своему депутату ¹⁾, отправленному въ извѣстную Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія (въ 1767 г.). Свое желаніе они мотивируютъ пользою этого учрежденія для ума, нравственности и церкви и кромѣ того приводятъ еще одно чисто практическое соображеніе, которое, кстати сказать, мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ объяснительной запискѣ къ „Предначертанію о Харьковскомъ университетѣ“ В. Н. Каразина; съ устройствомъ такого училища, говорятъ сумскіе дворяне, уменьшатся расходы на воспитаніе, которые для недостаточныхъ помѣщиковъ весьма чувствительны. Кромѣ университета сумскіе дворяне желали учредить еще и городское училище, въ которомъ могли бы воспитываться вмѣстѣ съ горожанами и дѣти духовенства; эту мысль о совмѣстномъ воспитаніи дѣтей духовнаго и свѣтскаго званія опять таки очень настойчиво

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 68-й.

проводилъ В. Н. Каразинъ. Въ заключеніе сумское шляхетство заявляетъ: „какая же отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“. Бывшіе казацкіе старшины теперь, не безъ вліянія реформы Евд. Щербинина, стремятся превратиться въ русскихъ дворянъ. Въ такомъ именно смыслѣ дѣлали заявленія слободско-украинскіе депутаты въ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Особенно характерна въ этомъ отношеніи особая записка, представленная депутатомъ ахтырскихъ старшинъ Боярскимъ, гдѣ онъ доказывалъ, что всѣ лица, дослужившіяся до извѣстныхъ чиновъ или пріобрѣвшія деревни, должны быть записаны въ дворяне. Первоначально довольно однообразный составъ слободско-украинскаго шляхетства теперь нѣсколько измѣнился: въ него вошло не мало представителей иноземнаго и великорусскаго элемента. „Многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ, говоритъ Боярский, поженились на дочеряхъ и внукахъ этихъ лицъ (мѣстныхъ старшинъ), взявъ въ приданое деньги и другія владѣнія“ ¹⁾. Иностранные поселенцы Слободской украины вносили въ нее новыя начала европейскаго образованія и быта; тоже самое отчасти дѣлали и нѣкоторые изъ великорусскихъ дворянъ (тронутыхъ западно-европейской просвѣтительной стихіей). И вотъ въ самомъ началѣ XIX в. въ нынѣшнемъ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, среди наиболѣе прогрессивнаго сумскаго дворянства, мечтавшаго объ учрежденіи въ Сумахъ университета, возникаетъ у насъ *первый литературный кружокъ*. Душею и основателемъ этого кружка былъ сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ Палицынъ, владѣлецъ села Поповки, по имени которой и весь кружокъ носилъ полшуточное названіе *Поповской академіи*. А. А. Палицынъ повидимому былъ недавнимъ поселенцемъ Слободской украины; по крайней мѣрѣ Палицыныхъ мы не находимъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Деревня Поповка была поселена сумскимъ протопопомъ ²⁾ Ан. Словенскимъ, а въ 1767 году помѣщикомъ тамъ былъ ахтырскій полковой обозный Сергѣй Савиновъ ³⁾. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ писатель и вмѣстѣ съ тѣмъ архитекторъ. И семья его была проникнута любовью къ литературѣ и искусствамъ. Въ составъ его литературнаго кружка между прочимъ входили—Василій Назаровичъ

¹⁾ См. мою статью „Къ исторіи Екат. ком. для составленія проекта новаго уложенія“, стр. 21; это извѣстіе прямо подтверждается и напечатаннымъ мною спискомъ слободско-укр. дворянъ 1767 г.; см. мои „Матеріалы“, I, стр. 328—341.

²⁾ Отсюда она и получила названіе Поповки.

³⁾ Мои „Матеріалы“, I, стр. 263, 338.

Каразинъ, Моисей Григорьевичъ Ушинскій, Н. Θ. Алферовъ, литераторъ Станѣвичъ, архитекторъ Ярославскій; добрымъ знакомымъ Палицына былъ богатѣйшій и вліятельнѣйшій представитель слободско-украинской казацкой старшины Григорій Романовичъ Шидловскій. А. А. Палицынъ, по словамъ Василія Назаровича Каразина, „имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и нѣсколько сель церковными и другими зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. *Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта въ Украинѣ*“¹⁾. И дѣйствительно изъ воспоминаній Ярославскаго мы знаемъ, что старый другъ Палицына Шидловскій, проживавшій въ Мерчикѣ, пригласилъ къ себѣ преподавателемъ французскаго языка писателя француза Вернета, а воспитателемъ его сына былъ самъ Палицынъ и довольно извѣстный въ то время русскій литераторъ Станѣвичъ. Всѣ члены Палицынскаго кружка были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія, будучи воспитаны на просвѣтительной французской литературѣ конца прошлаго вѣка. Самъ Палицынъ, Станѣвичъ и Ярославскій занимались переводами на русскій языкъ произведеній изящной иностранной литературы. Воспитанникъ и наследникъ Палицына Алферовъ нѣсколько лѣтъ провелъ за границей, изучая въ Италіи искусство²⁾. „Дѣятельность Палицына, говоритъ проф. Н. Θ. Сумцовъ, посвятившій особую статью этому писателю, совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью Василія Назаровича Каразина и эти два человека положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи“³⁾. Справедливость впрочемъ обязываетъ насъ прибавить, что Василій Назаровичъ Каразинъ, какъ общественный дѣятель на пользу просвѣщенія, стоялъ неизмѣримо выше Палицына; самъ Палицынъ смотрѣлъ на него, какъ на вождя въ общественныхъ предпріятіяхъ⁴⁾.

Во всякомъ случаѣ кромѣ общаго культурно-просвѣтительнаго вліянія, подготовившаго почву въ мѣстномъ обществѣ для насажденія высшаго образованія, Палицынскій кружокъ принималъ живѣйшее участіе

¹⁾ Молодыкъ на 1844 годъ. X. 1843, стр. 43—44.

²⁾ См. письма его изъ Италіи въ Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 190—198.

³⁾ Культурный уголокъ въ Харьк. губ. (Харьк. Сбор. на 1888 годъ, стр. 111).

⁴⁾ Это ясно видно изъ письма Палицына къ Каразину, напечатаннаго въ Сѣв. Пч. за 1860 годъ № 92.

и въ самомъ основаніи Харьковскаго университета. Истинный виновникъ основанія университета въ Харьковѣ Василій Назаровичъ Каразинъ стоялъ близко къ А. А. Палицыну и его кружку. Членомъ „Поновской академіи“ былъ и тотъ Моисей Григорьевичъ Ушинскій, котораго Каразинъ прислалъ изъ Петербурга въ Харьковъ съ порученіемъ подвинуть мѣстныхъ дворянъ къ пожертвованіямъ на устройство университета. Въ числѣ подписавшихъ проектъ о пожертвованіи на университетъ 1 мил. рублей мы встрѣчаемъ между прочимъ кромѣ указанныхъ выше лицъ (учениковъ Г. С. Сковороды) и представителей „Поновской академіи“—самого Палицына и Гр. Шидловскаго. Такимъ образомъ, Василій Назаровичъ Каразинъ не стоялъ въ этомъ дѣлѣ особнякомъ: онъ опирался на нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ представителей харьковскаго дворянства. Одни изъ нихъ были духовными чадами Сковороды или коллегіума, другіе—воспитались на европейской литературѣ. Такъ переплетались другъ съ другомъ два теченія образованности—западно-русское и русско-европейское. Повторилось въ миньютурѣ то самое явленіе, какое имѣло мѣсто въ Московской Руси въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, когда западно-русская стихія хотѣла завоевать себѣ прочное положеніе, но была отбѣснена культурою нѣмецкою. У насъ же въ Харьковщинѣ эти два элемента не исключали другъ друга. Григорій Саввичъ Сковорода, какъ мы видѣли, усилѣлъ многое почерпнуть для себя въ самомъ источникѣ знаній—Западной Европѣ; туда же ѣздилъ его любимый ученикъ Ковалевскій и тамъ нашелъ двойника своего учителя въ лицѣ Д. Мейнгардта. Харьковский коллегіумъ также посылалъ своихъ учителей за границу для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Съ другой стороны и „западники“, какъ мы видимъ, не чуждались ни Сковороды, ни коллегіума. Василію Назаровичу много помогали въ его начинаніяхъ по части университетскихъ дѣлъ священникъ Фотіевъ.

Мы прослѣдили, какъ въ мѣстномъ обществѣ все болѣе и болѣе росло стремленіе къ образованію; параллельно съ этимъ, естественно, должны были возрастать и самыя образовательныя средства, т. е. школы. Мы обратимся теперь къ судьбѣ этихъ школъ и сообщимъ о нихъ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, остававшихся доселѣ неизвѣстными.

Приливъ дѣтей свѣтскихъ лицъ въ Харьковскій коллегіумъ былъ столь значителенъ, что явилась необходимость въ устройствѣ при немъ особаго отдѣленія исключительно для дворянства, купечества и т. п.

И оно было учреждено въ 1768 г. подъ именемъ „прибавочныхъ классовъ“. Еще въ инструкціи Императрицы Екатерины II-й слоб. укр. губернатору Щербинину (1765 г.) было сказано: „къ преподаваемымъ нынѣ

въ Харьковскомъ collegiūмѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, географіи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма изъ 3000 руб. изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется и у кого тотъ collegiūмъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе употребить общее стараніе“. 3 года спусти эти „прибавочные классы“ были переданы въ вѣдомство губернской канцеляріи ¹⁾; преподавались здѣсь тѣ самые предметы, о которыхъ говорится въ инструкціи Шербинину ²⁾. „Прибавочные классы“ подѣ именемъ казеннаго училища существовали самостоятельно до 1798 г., когда присоединены были ко вновь открытому *главному народному училищу*. На содержаніе ихъ отпускатась штатная сумма въ размѣрѣ 4000 р. Въ нихъ въ 1785 г. было 237 учениковъ (въ томъ числѣ дворянъ 120, разночинцевъ—67 и семинаристовъ—50), въ 1795 г.—215 (дворянъ 80 и разночинцевъ—135), въ 1796 г.—261 (дворянъ 144 и разночинцевъ 117), наконецъ, въ 1797 г.—241 (дворянъ 143 и разночинцевъ 98). Здѣсь между прочимъ воспитывались на казенный счетъ 50 самыхъ бѣдныхъ учениковъ всякаго званія. Ученики, окончившіе это училище, по достиженіи 20 лѣтняго возраста, опредѣлялись въ учителя народныхъ училищъ, въ архитекторы, канцеляристы, воспитатели помѣщичьихъ дѣтей и т. п. Приготавливались они и къ военной службѣ: во время прохожденія курса ихъ обучали фортификаціи, артиллеріи; они носили военные мундиры, ружья и тесаки, обучались военнымъ экзердиціямъ ³⁾ и т. п.

Въ 1797 г. было открыто въ Харьковѣ Главное Народное училище; на содержаніе его ежегодно ассигновывалось болѣе 10000 р., изъ коихъ 4312 р. шло на содержаніе казенныхъ питомцевъ (бывшихъ „прибавочныхъ классовъ“), 4520 р. на жалованье директору и учителямъ, 1340 р. на лѣвчевскій классъ и 200 р. на отопленіе. Преподавались здѣсь слѣдующіе предметы: русская грамматика, риторика, логика, богословіе, исторія, географія, арифметика, геометрія, артиллерія, фортификація, физика, механика, гражданская архитектура, рисованіе, нѣмецкій и французскій языки ⁴⁾; кромѣ того былъ вокальный классъ, въ которомъ состоялъ учитель, его помощникъ, 6 басовъ и 3 тенора.

¹⁾ Основаніе Харьк. collegiūма (Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 13).

²⁾ А. С. Лебедева. Харьк. кол., стр. 10—11.

³⁾ См. изданное мною Опис. Слоб. Укр. губ. 1802, стр. 23; Воспоминанія Ярославскаго (Кіев. Стар. 1887, сентябрь, стр. 115—117, 124).

⁴⁾ Опис. Слоб. Укр. губ. 1802 г., стр. 23—24.

Такимъ образомъ, главное народное училище представляло изъ себя не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Неудивительно, что оно впоследствии легко могло быть преобразовано въ 1-ю Харьковскую гимназію. Въ 1797 г. въ немъ было только 83 ученика (дворянъ 26 и разночинцевъ 57); но уже въ слѣдующемъ 1798 г., когда оно соединилось съ „прибавочными классами“ (казеннымъ училищемъ), число учащихся достигло 380 (дворянъ 272, разночинцевъ 108), въ 1799 г.—382 (дворянъ 142 и разночинцевъ 240), въ 1800—306 (дворянъ 102, разночинцевъ 204), въ 1801—309 (дворянъ 105 и разночинцевъ 204), въ 1802—380 (дворянъ 272 и разночинцевъ 108), въ 1803 г.—357 (дворянъ 130 и разночинцевъ 227). Составъ учащихся по сословіямъ былъ очень разнообразный, такъ что его можно назвать *всесословнымъ*. Приведемъ для примѣра цифры за 1803-й годъ. На 357 учащихся приходилось 133 дворянъ (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 109 оберъ-офицерскихъ дѣтей, 10 церковниковъ, 17 приказныхъ, 45 купеческихъ дѣтей, 13 мѣщанскихъ, 11 солдатскихъ, 10 казенныхъ поселянъ и 9 крѣпостныхъ. По классамъ ученики въ томъ же 1803 г. дѣлились такъ: въ первоначальномъ руссiйскомъ классѣ было 130 (въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ), въ руссiйскомъ грамматическомъ 155, въ классѣ логики, реторики и богословія 25, первоначальномъ латинскомъ—52, первоначальномъ нѣмецкомъ—58, нѣмецкомъ грамматическомъ—27, первоначальномъ французскомъ—36, синтаксическомъ французскомъ—53, въ первой части арифметическаго класса—38, во второй части его же—101, въ геометрическомъ—56, въ архитектурномъ, физическомъ и механическомъ—41, въ геодезическомъ—36, въ тригонометрическомъ—19, въ классѣ полевого инженерства—7, фортификаціи—9, артиллеріи—5, исторіи и географіи—77, рисованія—77. Очевидно, выборъ предметовъ былъ свободный и потому общеобразовательныя науки находили себѣ десятки слушателей, а спеціальныя—очень немногихъ. При главномъ было еще и *малое народное училище*. Подобныя училища сверхъ того были и въ нѣсколькихъ уѣздныхъ городахъ Слоб. укр. губерніи—въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ, Валкахъ, Острогожскѣ ¹⁾. Всего учащихся въ главномъ и малыхъ народныхъ училищахъ Слободскоукраинской губ.

¹⁾ Число учащихся въ этихъ народныхъ училищахъ было таково: въ *Ахтырскомъ*—въ 1797 г.—27, въ 1798 г.—47; въ 1799—48, въ 1800—51, въ 1801—41, въ 1802—42, въ 1803—38; въ *Сумскомъ*—въ тѣже годы—39, 48, 44, 59, 51, 28, 34, въ *Богодуховскомъ*—45, 45, 53, 41, 63, 50, 58, въ *Изюмскомъ*—34, 32, 33, 32, 39, 48, 53, *Острогожскомъ*—32, 63, 82, 77, 62 (до 1802 г.), въ *Валковскомъ* въ 1802 г.—32. въ 1803 г.—51.

было въ 1797 г.—302 чел., въ 1798 г.—616, въ 1799—641, въ 1800—566, въ 1801—565, въ 1802—520, въ 1803 г.—591. По составу учениковъ всѣ эти училища могутъ быть названы всесословными: въ 1803 г. дворянъ было 206, оберъ-офицерскихъ дѣтей—138, церковниковъ 21, приказныхъ—32, купеческихъ—79, мѣщанскихъ—51, солдатскихъ—22, казенныхъ поселенъ—16, крѣпостныхъ—28 ¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ училища г. Харькова и Харьковской губ. въ моментъ передъ открытіемъ университета могутъ быть раздѣлены на три категоріи—1) духовныя школы, 2) свѣтскія и 3) церковноприходскія народныя. Къ 1-й категоріи относится Харьковскій коллегіумъ и духовное училище въ м. Новыхъ Водолагахъ; въ одномъ документѣ мы читаемъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „на иждивеніе тамошнихъ обывателей заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, а также ариѳметикѣ, російской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности“ ²⁾. Къ 2-й категоріи принадлежатъ главное и малыя народныя училища Екатерининскаго времени и, наконецъ, къ 3-й—тѣ церковноприходскія школы, о которыхъ мы говорили выше и которыя по существу дѣла скорѣе могутъ быть названы народными, чѣмъ вторыми. Къ сожалѣнію эти церковноприходскія школы, какъ стоявшія внѣ всякой регламентаціи, не были поддержаны учебнымъ начальствомъ; наоборотъ имъ подчасъ высказывали даже неодобреніе или же вовсе не замѣчали ихъ существованія, такъ же точно какъ и тѣсно связанныхъ съ ними шпиталей; а между тѣмъ гораздо легче было поддержать то, что создано было самимъ народомъ, въ его духѣ и традиціи, чѣмъ насаждать такія учрежденія, которыя казались ему чуждыми и непонятными; такъ порвалась нить, которая могла бы связать старое культурное наслѣдіе народа съ новой цивилизаціей....

¹⁾ Въ Ахтырскомъ народномъ училищѣ въ 1803 году было 16 дворянскихъ дѣтей (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 7 оберъ-офицерскихъ (1 дѣвочка) 1 церковниковъ, 2 приказныхъ, 3 купеческихъ (1 дѣвочка) и 9 мѣщанскихъ; въ Сумскомъ—11 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 4 церковниковъ, 1 приказныхъ, 4 купеческихъ, 23 мѣщанскихъ, 4 казенныхъ поселенъ, 7 крѣпостныхъ; въ Богодуховскомъ—10 дворянскихъ, 6 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 6 приказныхъ (въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ), 19 купеческихъ (въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ), 6 мѣщанскихъ, 5 солдатскихъ, въ Изюмскомъ—22 дворянскихъ (1 дѣвочка), 2 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 1 приказныхъ, 2 купеческихъ, 3 солдатскихъ; въ Валковскомъ—17 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 5 приказныхъ, 3 купеческихъ, 3 солдатскихъ, 2 казенныхъ поселенъ, 12 крѣпостныхъ. Всѣ эти статистическія данныя извлечены нами изъ дѣла, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ (Дѣло совѣта 1805 г., № 19).

²⁾ См. „Описаніе городовъ Азовской губ.“ (въ Зап. Одес. Общ. т. 3-й).

Съ восшествіемъ на престолъ Александра Павловича, надъ Россіей возшла заря новой жизни. Юный Императоръ Александръ I-й былъ, какъ извѣстно, воодушевленъ самими лучшими намѣреніями и на первомъ планѣ среди своихъ государственныхъ заботъ ставилъ *народное просвѣщеніе*. Къ этому дѣлу онъ относился съ удивительнымъ жаромъ и восторженностью.

Всѣмъ извѣстенъ общій характеръ этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго школьнаго образованія. Александръ I-й рѣшилъ продолжать дѣло просвѣщенія Россіи, въ духѣ Петра Великаго и Екатерины II-й. Взойди на престолъ, онъ немедленно отмѣнилъ тяжкія стѣсненія, наложенныя на просвѣщеніе Павломъ Петровичемъ. Еще до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1801 году Государь рѣшаетъ открыть въ провинціи для дворянства нѣсколько военныхъ училищъ, въ которыхъ ощущался тогда крайній недостатокъ. Однимъ изъ пунктовъ, гдѣ должно было явиться новое училище, намѣченъ былъ между прочимъ и Харьковъ. Весьма знаменательно при этомъ то обстоятельство, что Императоръ Александръ съ довѣріемъ обращается къ представителямъ мѣстныхъ обществъ—дворянамъ и призываетъ ихъ къ пожертвованіямъ на пользу просвѣщенія родной земли. Это обращеніе, какъ извѣстно, имѣло огромное нравственное и практическое значеніе: оно вызвало къ жизни совсѣмъ было замершую общественную инициативу и дало въ руки правительства огромныя денежныя средства.

Вотъ тотъ замѣчательный рескриптъ, съ которымъ обратился Александръ Павловичъ къ тогдашнему Харьковскому губернатору Зильбергарнишу. Онъ отличается свѣтлыми мыслями, добрыми гуманними чувствами и ярко рисуетъ настроеніе государя.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Слободской украинской гражданскій губернаторъ Зильбергарнишъ. Желая доставить дворянству новыя и удобнѣйшіе способы къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и зная съ одной стороны, что существующіе нынѣ кадетскіе корпуса, ограничиваясь по заведенію своему извѣстнымъ количествомъ воспитанниковъ, съ расширеніемъ просвѣщенія, общихъ понятій о лучшемъ воспитаніи, содѣлались не соразмѣрны числу желающихъ, ни пространству столь обширной имперіи, и что ежели по положенію ихъ къ столицѣ представляютъ они особенныя удобства въ окончательномъ усовершеніи воспитанія, то во первыхъ его степеняхъ несравненно болѣе можно найти выгодъ и способовъ въ училищахъ, учрежденныхъ въ самихъ губерніяхъ, гдѣ воспитанники, не разрывая родственныхъ связей, толико существенныхъ въ нравственномъ образованіи, въ глазахъ почти родныхъ своихъ, съ лучшимъ сохраненіемъ

чувствъ ихъ привязанности, съ большею удобностию для ихъ помѣщенія, безъ дальняго переезда, въ томъ же почти воздухѣ и на той же водѣ, и слѣдовательно съ лучшею цѣлостію ихъ здоровья и съ большею достовѣрностію успѣха, могутъ получить приличное имъ воспитаніе, я положилъ бы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и между прочими Слободской украинской губерніи въ городѣ Харьковѣ учредить дворянское военное училище. Предметомъ его будетъ—образуя воспитанниковъ въ первыхъ началахъ наукъ, доставлять на собственномъ его отчетѣ и попеченіи по извѣстному ихъ количеству ежегодно въ здѣшніе кадетскіе корпуса и ближайшіе университеты для дальнѣйшаго усовершенія и окончательнаго приуготовленія однихъ къ военной, а другихъ къ гражданской службѣ.

Предназначая на постепенное построеніе всѣхъ сихъ заведеній и ежегодное содержаніе ихъ отпускать по пяти сотъ тысячъ рублей на годъ, дабы положить прочное имъ основаніе, я далъ повелѣніе генералъ-майору Бегичеву, отпраивсь на мѣста, гдѣ училища сіи предназначаются, обозрѣть всѣ удобства, отъ положенія ихъ зависящія, и сдѣлать вѣрнѣйшіе расчеты какъ по строенію, такъ и содержанію оныхъ, примѣняясь къ мѣстнымъ способамъ и существующимъ цѣнамъ. На сей конецъ снабдилъ я его подробными наставленіями и уполномочилъ, осмотрѣвъ, гдѣ есть казенныя празныя строенія, удостовѣриться въ возможности и способахъ исправить ихъ и обратить на сіе употребленіе, гдѣ же оныхъ нѣтъ, избрать удобныя мѣста положеніе сдѣлать съ помощью отряженнаго съ нимъ архитектора, планъ смѣты и описанія и представить ихъ къ моему утвержденію.

Поручая вамъ содѣйствовать ему въ семъ предназначеніи всѣми зависящими отъ васъ средствами, я возлагаю на васъ объявить о немъ чрезъ дворянскихъ предводителей дворянству въ губерніи вами управляемой обитающему, яко о дѣлѣ столь существенно къ нему принадлежащемъ и съ истинными пользами его столь близко сопряженномъ; и какъ съ вѣроятностію предполагать можно, что движимое любовью къ отечеству и зная всю возможность лучшаго воспитанія дѣтей, пожелаетъ оно раздѣлить со мною честь сего заведенія и пособіями своими принять участіе въ его устроеніи, я поручаю вамъ удостовѣрить его, что подвигъ таковой принять будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, koliko російское дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ сего дѣйствія, чтобъ удаленъ былъ

отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягощеніе государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія; внушите дворянству сіи истины, меня руководствующія, и дайте полную свободу дѣйствовать отечественнымъ его видамъ. Я увѣренъ, что возможность будетъ единою мѣрою его усердія.

На семъ основаніи расположивъ ваше въ семъ дѣлѣ содѣйствіе, вы не оставите мнѣ донести въ подробности о всемъ, что къ успѣшному его движенію вами и дворянствомъ сдѣлано или предположено будетъ. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный; на подлинномъ подписано собственной Его Императорскаго Величества рукой такъ: Александръ.

Невольно является предположеніе, что рескриптъ этотъ былъ написанъ не безъ вліянія Василия Назаровича Каразина, который уже въ концѣ марта 1801 года представилъ свое извѣстное письмо государю и съ того момента сдѣлался довѣреннымъ лицомъ его, въ особенности по вопросамъ просвѣщенія. На эту мысль наводитъ насъ и общій стиль бумаги, и нѣкоторыя частности. Извѣстно, что Василій Назаровичъ Каразинъ внушилъ Харьковскому обществу мысль о пожертвованіи на университетъ. Можно полагать что ему же принадлежитъ и въ настоящемъ рескриптѣ мысль о призваніи Харьковскаго дворянства къ матеріальному содѣйствію государству въ дѣла устроенія военнаго училища. Но государь, очевидно, отъ себя уже велѣлъ внести ту превосходную прибавку, то ограниченіе, которое мы только что привели въ его обращеніи — чтобы добрая воля и свободное движеніе чести были единственнымъ побужденіемъ къ этому поступку. Конечно, мы не настаиваемъ на своемъ предположеніи — это только догадка, которую доказать нельзя, но которая довольно правдоподобна.

Губернаторъ, получивъ этотъ рескриптъ, обратился отъ себя уже къ тогдашнему губернскому предводителю дворянства Василю Михайловичу Донецъ-Захаржевскому съ слѣдующимъ письмомъ: „милостивый государь мой Василій Михайловичъ! препровождаю къ вамъ при семъ копію съ Высочайшаго именнаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ 16-й день сего августа мною полученнаго, о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища. Изъ онаго довольно вы, милостивый государь мой, усмотрѣть можете, какимъ отличнымъ знакомъ своего благоволенія милосердный нашъ монархъ непрестанно о благѣ подданныхъ своихъ пекущійся, соизволилъ удостоить дворянство Высочайше вѣрною управленію моему Слободской украинской губерніи. — Я твердо увѣренъ, что таковая высокомонаршая щедрота принята имъ

будеть съ чувствами живѣйшей благодарности и вѣрноподданническаго усердія къ премудрому нашему государю, блаженство подданныхъ своихъ устрояющему, и что оно исполненное къ нему ревности за величайшее счастье себѣ вмѣнить всѣми силами своими споспѣшествовать спасительнымъ намѣреніемъ великаго своего монарха въ дѣлѣ толико собственную его пользу заключающемъ и тѣмъ доказать ему привязанность свою и усердіе. Я надѣюсь также, что и вы, милостивый государь мой, бывъ удостоенъ довѣренности дворянства, не оставите съ своей стороны внушить ему всю великость сего монаршаго благотворенія и возбудить въ немъ похвальное соревнованіе къ благоуспѣшному совершенію сего дѣла, руководствуясь впрочемъ въ точности правилами милосерднаго нашего монарха, который, содѣлывая подданныхъ своихъ благополучными, малѣйшаго ихъ отягощенія и единого виду понужденія отвращается. Я говорилъ здѣсь съ господиномъ генераль-маіоромъ Бѣгичевымъ, на коего Государемъ Императоромъ возложено заведеніе высочайше повелѣннаго дворянскаго военнаго училища, и условился съ нимъ, что онъ въ первыхъ числахъ будущаго ноября мѣсяца прибудетъ въ городъ Харьковъ. Я прошу васъ, милостивый государь мой, для общаго въ семъ дѣлѣ содѣйствія находиться въ сіе время въ помянутомъ городѣ какъ съ господами уѣздными дворянствъ предводителями, такъ депутатами оного, а между тѣмъ заблаговременно увѣдомить меня объ успѣхахъ, каковыя высочайшее сіе предположеніе произведетъ въ господахъ дворянахъ. Имѣю честь быть впрочемъ съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ“ (такой то).

Мысль объ учрежденіи дворянскаго военнаго училища въ Харьковѣ была встрѣчена сочувственно дворянами; о сочувственномъ отношеніи къ ней дворянства свидѣлствуетъ между прочимъ заявленіе, принадлежащее повидимому губернскому предводителю дворянства Донцу-Захаржевскому: „съ полученнаго мною отъ Слободскаго украинскаго господина губернатора и кавалера Густава Карловича Зильбергарниша отношенія и приложеннаго при немъ имяннаго Его Величества раскрипта о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища, препровождаю при семъ вамъ, милостивый государь, коши; не нужно мнѣ на сей конецъ распространяться; мнѣ вѣдомы чувства дворянства, съ каковымъ благоговѣніемъ пріемлетъ оно монаршія соизволенія, а высочайшій рескриптъ наче всякаго слова вразумитъ каждаго во благѣ созидаемомъ истинною любовью водимаго къ отечеству обожаемаго государя. Запечатлѣмъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ безпредѣльную благодарность за неизреченныя его къ намъ благости; намъ остается, благословляя великія намѣренія всеавгустѣйшаго государя императора,

по всей возможности споспѣшествовать въ оныхъ. Я вѣдаю и благонамѣренность моихъ собратій, и щедрость, каковую они покажутъ въ составленіи на столь полезное заведеніе для дѣтей нашихъ, для нашихъ родственниковъ, для насъ самихъ вспомошествованія; но, дабы къ сему представить удобнѣйшее средство, побуждаюсь обязанностию предложить дворянству мое мнѣніе на уваженіе, не благоугодно-ль будетъ въ пользу сего заведенія внести дворянству капиталъ сто тысячъ рублей изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и дабы не отяготить себя единовременнымъ взносомъ, вносить въ пять лѣтъ въ каждый по 20000 руб., дабы каждый дворянинъ могъ имѣть честь равнымъ быть вкладчикомъ въ столь полезномъ заведеніи; распределить сборъ сей по числу душъ за каждымъ состоящихъ, — не имѣющие дворяне за собою душъ соблаговолятъ особую сдѣлать подписку, что кто дать пожелаетъ. Дабы отвратить всѣ виды какового либо на сей предметъ насильнаго соглашенія, благовоплте, милостивый государь, съ Высочайшаго рескрипта и губернаторскаго ко мнѣ отношенія доставить съ первою почтою копии въ каждый уѣздъ господамъ предводителямъ и депутатамъ и предложите, дабы во всякомъ уѣздѣ пригласили господъ дворянъ въ собраніе для прочтенія оныхъ и испросили ихъ на сіе согласіе съ подпискою; къ тѣмъ же, кои почему либо быть не могутъ, доставить копии на соглашеніе, дабы къ ожидаемому пріѣзду господина генераль-маіора Ыѣгичева, сдѣлать Его Величеству всеподданнѣйшее о семъ донесеніе и, что вы по сему сдѣлать изволите, неоставьте увѣдомленіемъ“.

Согласно этому предложенію, Харьковское дворянство дѣйствительно ассигновало сумму 100000 рублей на военное училище, хотя и порѣшило внести се не въ 5, а въ 3 года (на 1-й годъ 50 т., на 2-й и 3-й по 25 т.). Теперь явился вопросъ о томъ, какимъ образомъ собирать эти средства — и тутъ возникли кое какія недоразумѣнія и затрудненія. Многіе жертвовали охотно, по доброй волѣ, но были и такіе, которые не имѣли внутреннихъ побужденій къ пожертвованіямъ и старались дать какъ можно меньше. Государь требовалъ, чтобы жертвы были добровольныя и неотяготительныя. И вотъ ахтырское дворянство рѣшило избрать такой путь, который повидимому наиболѣе соответствовалъ этимъ требованіямъ — оно устроило *добровольную личную подписку*. Мы имѣли въ своихъ рукахъ этотъ подписной листъ; онъ очень любопытенъ. Насъ поражаютъ въ немъ скромныя цифры пожертвованій (фигурируютъ суммы въ 3, 5, 10, 15, максимумъ 45 р.); но справедливость требуетъ назвать тѣхъ, которые сдѣлали необычайно крупныя пожертвованія. Таковы — надворные совѣтники *Василій Марковъ* и *Василій Лосевъ*, подписавшіе каждый по 1000 р.; нѣкоторые жертвовали сообразно

съ количествомъ душъ своихъ крестьянъ (напр. тип. совѣтникъ Анолипарій Шагаровъ, внесшій 200 р.); другіе же, очевидно, давали меньше, чѣмъ выпало на ихъ долю по принятой потомъ раскладкѣ; всего собрано было среди присутствовавшихъ въ засѣданіи ахтырскихъ дворянъ 2505 р. 50 коп. (нужно впрочемъ замѣтить, что явились далеко не всѣ дворяне). По раскладкѣ же ахтырское дворянство должно было доставить 10340 рублей. Въ основу этой раскладки положено было количество душъ крѣпостныхъ крестьянъ. За всѣми слободско-українскими помѣщиками числилось тогда свыше 200000 крестьянъ (201800)—такъ что за каждую душу приходилось внести въ три года 50 коп. Богучарское дворянство вступило въ прямое пререканіе по поводу наложенной на него суммы въ размѣрѣ 2747 р. 50 к.; оно собрало только 2018 р. 60 коп., а отъ взноса остальныхъ 728 р. 90 коп. отказывалось. Надворный же совѣтникъ Николай Васильевичъ Бедрыга и вовсе не захотѣлъ „дѣлать новыхъ взысканій со своихъ крестьянъ“. Харьковскій губернскій предводитель дворянства отправилъ по этому поводу въ Богучаръ заявленіе, въ которомъ указывалъ на отсутствіе усердія въ Богучарскомъ дворянствѣ къ заведенію новаго училища въ Харьковѣ. Скоро впрочемъ, къ удовольствію мѣстнаго дворянства Богучарскій уѣздъ отошелъ къ Воронежской губерніи. Вообще въ это время (въ 1802 г.) произошли значительныя измѣненія въ предѣлахъ слободскоукраїнской губ.—и это привело къ затрудненіямъ при сборѣ денегъ; первоначальная раскладка оказалась теперь несправедливою, потому что многія помѣщичьи имѣнія отошли къ сосѣднимъ уѣздамъ. Все это тормозило сборъ пожертвованій. Нужно впрочемъ замѣтить, что нашлись такіе дворянскіе корпораціи и отдѣльныя лица, которые обнаружили особенное сочувствіе и усердіе къ дѣлу. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Куянскій предводитель дворянства Дмитрій Розальонъ-Сошальскій: „по предмету Высочайшаго рескрипта о заведеніи въ г. Харьковѣ дворянскаго военнаго училища Куянскаго уѣзда господа дворяне сего октября 19 числа будучи въ общемъ собраніи и выслушавъ Высочайшій рескриптъ по безпредѣльному къ Государю Императору усердію за счастье поставили споспѣшествовать въ премудрыхъ Всеавгустѣйшаго Государя Императора намѣреніяхъ и потому соображаясь съ опредѣленною Государемъ Императоромъ на содержаніе ежегодно училищъ и на заведеніе оныхъ знатною суммою положили на сіе заведеніе къ вспоможенію дать съ Куянскаго округа единовременно 20000 р., о чемъ Васѣ увѣдомляя покорнѣйше прошу извѣстить меня о пріѣздѣ ген. м. Вігичева, ибо я располагаю быть въ Харьковѣ къ выборамъ въ уголовную и гражданскую палаты засѣдателей и прочихъ

чиновниковъ къ 10-му числу ноября, въ прочемъ съ моимъ къ вамъ почтеніемъ буду какъ и есть“ (такой то).

Уѣздный предводитель Сумскаго дворянства писалъ: „спѣшу при семъ доставить вамъ конію съ предположенія, учиненнаго въ нашемъ собраніи вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта о учрежденіи дворянскихъ училищъ. Вы усмотрѣть изволите, съ какою благодарностью дворянство Сумскаго уѣзда пріемлетъ сію Высокомонаршую щедроту и съ какою ревностью готово способствовать. Исполняя Вашу волю, я предлагалъ въ собраніи господамъ дворянамъ и ваши мысли на тотъ же предметъ и похвальные труды ваши съ достойнымъ уваженіемъ и признаніемъ были приняты“. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Харьковской губ. князь Александръ Куракинъ (у него было тутъ 2975 д. крестьянъ) въ отвѣтъ на обращеніе къ нему губернскаго предводителя дворянства, сдѣлалъ немедленно же распоряженіе своей старобѣльской вотчинѣ о выдачѣ въ 3 срока 1487 р. 50 к. Государь, узнавъ о пожертвованіи слободско-украинскаго дворянства, обратился къ губернатору съ слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ: „Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ Зильбергаринъ! Усмотря изъ донесенія вашего расположеніе дворянства слободскоукраинской губерніи взнестъ отъ усердія ихъ на устроеніе предполагаемаго въ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища сто тысячъ рублей въ извѣстные сроки, пріемлю сей ихъ подвигъ доказательствомъ благонамѣренныхъ ихъ видовъ и любви къ отечественнымъ пользамъ и поручаю вамъ объявить имъ за сіе совершенное мое удовольствіе и вмѣстѣ удостоить ихъ въ соизволенія моемъ, чтобъ сходно ихъ желанію дѣти ихъ, воспитываемые въ казенныхъ Харьковскихъ училищахъ и особо на содержаніи родителей, по надлежащемъ экзаменѣ пользовались правомъ воспитанниковъ учреждаемаго военнаго училища. Что принадлежитъ до представленія Вашего объ обращеніи на сіе заведеніе недостроеннаго корпуса, предназначеннаго для присутственныхъ мѣстъ и о постройкѣ для сихъ послѣднихъ новаго, не оставляю на сіе означить вамъ впредь мою волю. Впрочемъ пребываю вашъ благосклонный, На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Высочества рукою такъ: Александръ. 6 дек. 1801 года“.

Проектъ открытія въ Харьковѣ военнаго училища вполне соответствовалъ потребностямъ мѣстнаго дворянскаго общества въ новыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Объ этой потребности между прочимъ свидѣтельствуетъ и намѣреніе его устроить дворянскій пансіонъ при Харьковскомъ казенномъ училищѣ на 25 человекъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Харьковѣ было бы открыто военное дворян-

ское училище. Назначенный для осмотра тѣхъ городовъ, гдѣ намѣчено было устройство военныхъ училищъ, ген. м. Бѣгичевъ пріѣзжалъ даже въ Харьковъ и получалъ тутъ свѣдѣнія о цѣнѣ разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Съ другой стороны собрано было уже не мало денегъ въ счетъ ассигнованной дворянствомъ суммы. Но въ 1802 г. идея военного училища была замѣнена несравненно болѣе грандіознымъ планомъ—устройства университета. Виповникомъ этой перемѣны былъ депутатъ слободскоукраинскаго дворянства Вас. Наз. Каразинъ, доставившій ему въ это время новую грамоту съ разными важными привилегіями. Эта грамота и послужила исходнымъ пунктомъ для возбужденія вопроса о пожертвованіяхъ на университетъ,

Здѣсь мы подошли къ вопросу объ основаніи Харьковскаго университета, но займемся разрѣшеніемъ его во 2-й главѣ своего „Опыта“.

Изъ цѣлаго ряда собранныхъ нами фактическихъ данныхъ можно было видѣть, что почва въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ для открытія университета была въ значительной степени подготовлена предшествующими просвѣтительными вліяніями и образовательными учрежденіями; нельзя, слѣдовательно, сказать, чтобы университетъ осѣлъ на непочатомъ нетронутомъ грунтѣ. Большое вліяніе имѣлъ Гр. Саввичъ Сковорода и литературный кружокъ А. А. Палицына; оказали свое дѣйствіе и Харьковскій collegіумъ съ духовными училищами, и казенное, и главное народное училище, и разбѣянные по всей губерніи народныя церковноприходскія школы и такъ называемыя малыя народныя училища. Они въ совокупности своей дѣйствовали на *всю слои* мѣстнаго общества и приготовили это послѣднее къ воспріятію мысли о высшемъ разсадникѣ науки—университетѣ. Вотъ гдѣ источникъ отзывчивости не только мѣстнаго духовенства и дворянства, но и горожанъ, и войсковыхъ обывателей на призывъ В. Н. Каразина къ пожертвованіямъ! Даже неосуществившійся проектъ заведенія въ Харьковѣ военного училища имѣлъ важное вліяніе на открытіе въ Харьковѣ университета: обращеніе импер. Александра къ Харьковскому дворянству подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, вдохнуло въ него патріотическую мысль о пользѣ пожертвованій на дѣло народнаго образованія; оно захотѣло раздѣлить со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ „честь“ устройства въ Харьковѣ новаго училища и пособіями своими принять участіе „въ расходахъ на него“. Военное училище послужило какъ бы мостомъ, переходною подготовительною ступенью къ университету. Трудно было

сдѣлать первый шагъ, нарушить инертность, подвинуть на первый жертвы... Но разъ общество проснулось, разъ оно перешло отъ покоя въ состояніе подъема душевной энергіи, нуженъ былъ только энергичный горячій энтузіастъ, чтобы оно проявило выдающуюся дѣятельность на пользу общую. Такимъ именно человекомъ былъ В. И. Каразинъ.

Основаніе Харьковскаго университета (1802—1805 гг.).

(Посвящается историкамъ Харьковскаго университета
академикамъ М. И. Сухомлинову и П. А. Лавровскому).

Основаніе Харьковскаго университета самымъ тѣснымъ образомъ связано съ личностью Василя Назаровича Каразина. Онъ является истиннымъ виновникомъ его существованія: ему принадлежитъ *первая* мысль объ этомъ; онъ подвинулъ Харьковское дворянство на пожертвованія; онъ долженъ былъ преодолѣть множество затрудненій, чтобы добиться Высочайшаго соизволенія на учрежденіе университета въ Харьковѣ; онъ же, наконецъ, вмѣстѣ съ другими лицами, заслуга которыхъ будутъ отмѣчены нами въ своемъ мѣстѣ (почетителемъ Потоцкимъ, проф. Тимковскимъ, Рижскимъ) не мало поработалъ и въ трудномъ дѣлѣ первоначальнаго устроенія университета. Еще въ іюнѣ 1802 г. шло своимъ обычнымъ ходомъ дѣло объ устройствѣ въ Харьковѣ военнаго училища — а Василій Назаровичъ 2-го мая того же года пишетъ замѣчательное письмо къ Харьковскому священнику Фотіеву, изъ котораго ясно видно, что онъ всецѣло тогда уже былъ поглощенъ мыслью объ университетѣ. „Бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ-бы образованъ лучше Московскаго и достойнъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась послѣ перваго его письма къ Имп. Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. „Любимая его Малороссія, го-

ворить его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища“. Въ первое время онъ готовъ былъ довольствоваться заведеніемъ въ Харьковѣ военнаго училища, которое очень хотѣло имѣть у себя мѣстное дворянство. Но назначеніе на вліятельный постъ правителя дѣлъ въ комитетѣ, гдѣ разсматривались уставы двухъ академій и московскаго университета (въ началѣ 1802 г.), павсло его на мысль объ учрежденіи въ родномъ ему Харьковѣ вмѣсто средняго высшаго учебнаго заведенія. И онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы осуществить эту мысль на практикѣ. Бесѣда съ государемъ была первымъ шагомъ его въ этомъ дѣлѣ. Но впереди предстояло самое трудное—добиться отъ харьковскаго дворянства пожертвованія на учрежденіе университета, ибо только такимъ путемъ В. Н. Каразинъ надѣялся склонить мнѣнія въ пользу Харькова, города, который самъ по себѣ имѣлъ для этого мало давнихъ и уступалъ не только Кіеву, но и многимъ другимъ южнымъ городамъ (напримѣръ, Чернигову). „Сія мысль (объ университетѣ), пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать“. Онъ руководился въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми побужденіями—желаніемъ просвѣщенія своей родины. „Не для чего описывать пользу сего учрежденія, продолжаетъ онъ далѣе, и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украинны произтекти имѣеть. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состояніи разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая творить прямыхъ гражданъ“.

Василій Назаровичъ Каразинъ пользовался довѣріемъ Харьковскаго дворянства. Случай, поставившій „этого богодуховскаго помѣщика“ такъ близко къ престолу, долженъ былъ возвысить его даже въ глазахъ тѣхъ людей, которые раньше относились къ нему съ недовѣріемъ и называли прямо юнымъ школьникомъ (потому что онъ не оставлялъ научныхъ занятій). Извѣстно, что Императоръ Александръ торжественно подтвердилъ права, дарованныя дворянству жалованною грамотой его бабки Екатерины II-й и отчасти ограниченныя Императоромъ Павломъ. На 31-е мая 1801 г. въ Харьковѣ назначено было чрезвычайное губернское собраніе, на которомъ рѣшено было отпратить ко двору депутатовъ для принесенія по этому поводу благодарности и для ходатайства передъ Высочайшею властью о подтвержденіи специальныхъ привилегій слободско-украинскаго дворянства. Въ качествѣ депутатовъ изъ Харь-

кова были отпавлены губернскій предводитель Василій Донецъ-Захаржевскій и Оеодоръ Куколь-Яснопольскій; къ нимъ также долженъ былъ присоединиться проживавшій въ Петербургѣ и стоявшій близко къ государю В. Н. Каразинъ. Грамота, въ отвѣтъ на ихъ прошеніе, была дѣйствительно пожалована 29 декабря 1801 г. (она хранится въ подлинномъ видѣ въ архивѣ Харьк. депутатскаго собранія). Въ ней говорится слѣдующее: „дворянство слободско-украинской губ. въ лицѣ предводителя своего Василія Донца-Захаржевскаго и депутата своего Оеодора Куколя-Яснопольскаго принесли намъ всеподданнѣйшее прошеніе о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Божѣ почитающими Великими Государями Предками Нашими; и Мы Всемилоостивѣйше снисходи на сіе прошеніе и въ ознаменованіе всегдашняго благоволенія Нашего къ непоколебимой вѣрности, усердію и заслугамъ слободско-украинскаго дворянства, всѣ права и преимущества въ различные времена ему присвоенныя и доселѣ безъ отмѣны существующія, покольку они сходны съ общими государственными узаконеніями, признали за благо утвердить и на всегда удостовѣрить, яко же симъ утверждаемъ и удостовѣряемъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности; во увѣреніе чего и сію нашу подтвердительную жалованную грамоту собственною рукою подписали и укрѣпить ее государственною печатью повелѣли“ ¹⁾.

Милостивое вниманіе государя къ нуждамъ дворянства должно было, естественно, вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Явилась мысль о необходимости ознаменовать это радостное событіе пожертвованіемъ на какое либо общепольное дѣло; выразителемъ этой мысли явился губ. предводитель дворянства Василій Михайловичъ Донецъ-Захаржевскій, который написалъ по этому поводу письмо ²⁾ къ одному изъ уѣздныхъ предводителей.

¹⁾ Ильшевича. Краткій очеркъ исторіи Харьк. дворянства. Харьк. 1885 г., стр. 68—69.

²⁾ Вотъ подлинный текстъ этого письма: „препровожденную отъ находящагося въ С.-Петербургѣ здѣшней губерніи дворянскаго депутата госп. кол. сов. Василія Назаровича Каразина подлинную Его Императорскаго Величества Высочайше пожалованную подтвердительную правъ и привилегій слободско-украинскому дворянству грамоту я имѣлъ счастье получить и для изъясненія глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему монарху принесеніемъ Всевышнему о здравіи Его Императорскаго Величества публичнаго молебствія, о сѣздѣ гг. дворянъ въ губернскій городъ Харьковъ на 12-е число будущаго августа испрашиваю позволеніе отъ начальника губерніи; а потому и прошу васъ, мил. гос. мой, оповѣстить о семъ господъ депутата и дворянъ вашего уѣзда. Я увѣренъ, что каждый дворянинъ при семъ случаѣ, ощути всю цѣну и особливую милость высо-

Въ припискѣ Василій Михайловичъ прибавляетъ, что если дворянство не согласится устроить больницу, въ такомъ случаѣ можно было бы пожертвовать капиталъ, на проценты съ котораго можно содержать при Харьковскихъ училищахъ 20 питомцевъ изъ дворянъ; а если бы не согласились и на это, тогда внести извѣстную сумму на бѣдныхъ въ приказъ общественнаго призрѣнія ¹⁾.

Изъ этого письма видно, что у Василя Михайловича, по случаю полученія грамоты, явилась первоначально мысль о постройкѣ больницы или устройствѣ дворянскаго пансіона при Харьковскихъ училищахъ, или, наконецъ, о простомъ пожертвованіи на бѣдныхъ; очевидно, у него не было увѣренности, что дворянство пожертвуетъ очень большую сумму и потому онъ вноситъ очень скромныя предложенія; объ университетѣ здѣсь нѣтъ и помину. Тогдашній губернаторъ Андрей Кондратьевичъ Артаковъ не счелъ возможнымъ разрѣшить предложеннаго съѣзда дворянъ въ Харьковъ для раскладки извѣстной суммы съ благотворительною цѣлью. Нужно думать, что онъ такъ дѣйствовалъ по инструкціи, полученной изъ Петербурга. Государь, какъ это мы видѣли изъ рескрипта его по поводу устройства въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, былъ противъ подобныхъ раскладокъ, могшихъ имѣть принудительный характеръ, и потому ходатайство губернскаго предводителя о созывѣ дворянъ въ Харьковъ не было уважено. Въ это то время, какъ намъ думается, Василій Назаровичъ Каразинъ и вступилъ въ переписку съ Донцомъ-Захаржевскимъ о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій въ средѣ Харьковскаго дворянства на открытіе въ Харьковѣ университета. Въ письмѣ къ Фотіеву (отъ 2-го мая) Каразинъ писалъ, что мысль объ университетѣ заняла всю его душу и что для приведенія ея въ исполненіе онъ ожидаетъ только дворянскаго собранія. Послѣ

комонаршую къ сему краю, по мѣрѣ того и общаго усердія понщеть и средствъ оказать благодарность соотвѣтственно чувствованіямъ нашимъ къ щедротамъ всемилостивѣйшаго государя. Мой совѣтъ, чтобы дворянство согласилось на постройку больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей 40 человекъ и на содержаніе ихъ и лѣченіе составить капиталъ, изъ коего бы все вышеписанное можно произвести, о чемъ подробнѣе въ полномъ собраніи дворянству предложить имѣю; желательно, чтобы сей памятникъ сооруженъ былъ для напоминанія потомству нашему въ грядущія времена Высокомонаршаго къ намъ благоволенія, заслуженнаго у Высочайшаго престола предками нашими, и сія единая только жертва можетъ пріятна и принята быть Всемилоостивѣйшимъ Государемъ, любящимъ подданныхъ своихъ, испрося позволеніе у Его Величества наименовать таковую больницу Александровскою“ (20 Іюня 1802 г.).

¹⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковского университета (на 2575 листахъ).

отправки этого письма онъ вступилъ въ переписку по поводу своего проекта объ основаніи въ Харьковѣ университета съ 2-мя самыми вліятельными лицами среди Харьковскаго дворянства—Василіемъ Михайловичемъ Донецъ-Захаржевскимъ и Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ. Донецъ-Захаржевскій, очевидно, склонился къ мнѣнію Василя Назаровича Каразина (объ устройствѣ университета) и просилъ его исхodataйствовать у государя разрѣшеніе на созывъ дворянъ для добровольныхъ сборовъ на этотъ предметъ. Просьба на этотъ разъ была уважена и государь самымъ нагляднымъ образомъ выразилъ свое сочувствіе новому проекту Харьковскаго дворянства, внушенному В. Н. Каразинымъ. Все это подтверждается письмомъ губернскаго предводителя къ Каразину и отвѣтною бумагою генераль-прокурора Беклешова. Каразину Василій Михайловичъ писалъ: „Сиѣшу васъ увѣдомить, что дворянство Слободско-украинской губерніи, всегда готовое къ изъявленію глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему Монарху, предположило съѣхаться въ губернскій городъ на 12 августа для принесенія Всевышнему о здравіи Его Величества публичнаго молебствія по поводу полученія Высочайше пожалованной Государемъ Императоромъ подтвердительной правъ и привиллегій дворянской грамоты и для иныхъ положеній, о коихъ я васъ предварялъ, но начальникъ губерніи на таковой съѣздъ дать своего согласія не рѣшилъ, о чемъ отзывъ его въ копіи прилагая, покорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, въ разрѣшеніе испросить предписаніе поспѣшнѣе, дабы предположеннаго времени намъ не упустить; симъ много обяжете всѣхъ“ (20 іюня). О какихъ „положеніяхъ“ здѣсь идетъ рѣчь, ясно видно изъ предписанія Беклешова, которое выхлопотано было Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ. „Хотя отъ 10-го сего іюля, писалъ Беклешовъ Харьковскому губернатору, сообщалъ я вашему превосходительству, что Государь Императоръ, не желая сборомъ дворянства дѣлать какого либо принужденія, на собраніе онаго Высочайшаго соизволенія не изъясвилъ. Но, какъ увѣриють здѣсь, что желаніе дворянства явиться въ г. Харьковъ имѣетъ главною цѣлю, дабы при семъ случаѣ сдѣлать произвольную складку суммы на постройку предполагаемаго университета, то Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобы при произведеніи въ дѣйствіе столь похвальнаго со стороны дворянства предположенія не чинить оному не малѣйшихъ препятствій“. Письмо это написано всего 4 дня спустя послѣ перваго и прямо въ отъѣзду его. Характерно въ немъ выраженіе—*какъ увѣриють здѣсь* (т. е. въ Петербургѣ); это несомнѣнно прямое указаніе на В. Н. Каразина, б. м. даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ непріятнаго чувства къ нему со сто-

ропы Беклешова, поставленнаго теперь въ необходимость отмѣнить распоряженіе, сдѣланное почти наканунѣ. Губернаторъ Артаковъ, получивъ это предписаніе, съ своей стороны спѣшилъ заявить, что онъ готовъ всячески содѣйствовать устроенію столь общепользнаго заведенія. Губернскій предводитель, въ письмахъ къ уѣзднымъ предводителямъ, извѣщалъ, что сѣздъ переносится на 30-е августа (дабы имѣть возможность извѣстить всѣхъ) и совѣтовалъ явиться въ Харьковъ къ 27 августа, чтобы 27, 28 и 29 августа посвятить предварительному обсужденію этого дѣла, и 30-го устроить самое торжество. 26-го августа губернскій предводитель извѣстилъ объ этомъ и городского голову Егора Егоровича Урюнина въ такихъ выраженіяхъ: „По Всевысочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію дворянство здѣшней губерніи имѣетъ сѣзхаться для составленія суммы на университетъ, предполагаемый въ губернскомъ городѣ Харьковѣ, и сего августа 27, 28 и 29 чиселъ трактовать будетъ о способахъ къ составленію таковой суммы; а какъ учрежденіе таковаго пространнаго училищнаго мѣста не только можетъ быть украшеніемъ города, но и просвѣщеніемъ гражданъ науками и благородными художествами послужить, а при томъ отъ сѣзда и умноженія иногороднихъ ожидать можно распространенія и самой коммерціи ихъ, то о семъ васъ, милостивый государь мой, увѣдомляя, уловаю, что вы съ гражданами, по усердію и ревности къ пользамъ отечества, возжелаете участвовать при семъ благопотребномъ случаѣ соотвѣтственно чувствованіямъ и воли, для споспѣшествованія великимъ благотворнымъ намѣреніямъ Всемилоствѣйшаго Государя. При семъ за необходимое считаю васъ увѣдомить, что дворянство 30-го августа имѣетъ торжественно принести священную жертву въ соборной церкви пролітіемъ моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и праздновать подтвержденіе Его Величествомъ правъ и привилегій здѣшнему дворянству, на какой случай учиненный со стороны его порядокъ при семъ вамъ прилагаю ¹⁾, освѣдомляя, что отъ меня и Его Превосходительству слободско-украинскому гражданскому губернатору при донесеніи таковой же препровожденъ и лично испросилъ я отъ него позволенія гражданамъ прилично сему торжеству яллюминовать городъ и дома“ ²⁾. Здѣсь уже, какъ мы видимъ, вопросъ о пожертво-

¹⁾ Въ „дѣлѣ“ церемоніала не сохранилось, но онъ напечатанъ г. Устиновымъ, и мы воспользуемся имъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

ваніяхъ на устройство университета въ Харьковѣ поставленъ очень прочно, при чемъ къ этимъ пожертвованіямъ приглашаются и горожане.

Увѣдомляя уѣздныхъ предводителей о назначеніи общаго дворянскаго съѣзда на 30-е число, губернский предводитель просилъ ихъ довести до свѣдѣнія дворянъ, проживавшихъ въ уѣздахъ, о проэктѣ сбора добровольныхъ суммъ на университетъ. И эта мысль была встрѣчена сочувственно, очевидно, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго жалованной грамотой. Впрочемъ уѣздное дворянство не подвергало вопроса о пожертвованіяхъ разсмотрѣнію у себя на мѣстѣ, а хотѣло его рѣшать на общемъ собраніи. Исключеніе составляютъ только валковскіе дворяне, которые обсуждали этотъ вопросъ на мѣстѣ и представили свой собственный проэктъ, въ которомъ послѣ изъявленія патріотическихъ чувствъ къ государю, между прочимъ говорится: „дворянство валковского округа, озаряясь лучами изливаемаго милосердія некушагося отца отечества о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, почитаетъ пристойнѣйшимъ ознаменовать день празднованія нашего о пожалованной намъ Высочайшей грамотѣ заведеніемъ въ г. Харьковѣ университета, который, изливая просвѣщеніе, оставитъ вѣчный памятникъ достоюлжной благодарности Его Императорскому Величеству, коею преисполнено дражайшее отечество наше просвѣщеннѣйшему своему монарху. Для сего заведенія уполномочиваемъ гг. предводителя Михаила Романовича Шидловскаго и депутата Николая Ефимовича Зварыкина представить на общемъ съѣздѣ дворянству мнѣніе наше—взнести имѣющіяся деньги наши за фуры, намъ подлежащія, которыя дополнить, что причтется, по состоянію каждаго изъ собственныхъ доходовъ нашихъ, составляя капиталъ отъ губерніи сто тысячъ рублей дать единойды и, если будетъ сіе удостоено общаго мнѣнія, то отъ господина губернскаго предводителя принести о семъ всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству или если что на общемъ съѣздѣ по предмету сему дворянствомъ изобрѣтено будетъ полезнѣйшее, въ томъ и наше согласіе подписать уполномочиваемъ“. Такимъ образомъ, валковское дворянство въ своемъ проэктѣ предварило рѣшеніе общаго дворянскаго съѣзда; оно назначило даже сумму пожертвованій со всего дворянства Харьк. губ. въ размѣрѣ 100000 р.; при чемъ считало возможнымъ и увеличить ее въ случаѣ общаго согласія; сумма эта составлялась изъ денегъ, которыя имъ должна была казна за подводы, и добровольныхъ пожертвованій. 27, 28 и 29 августа дѣйствительно происходили предложенныя губернскимъ предводителемъ дворянства частныя совѣщанія съѣхавшагося въ Харьковѣ дворянства. для опредѣленія размѣра пожертвованій на университетъ и

способовъ ихъ собранія. Къ сожалѣнію въ официальныхъ документахъ не сохранилось (да и не могло сохраниться) подробностей этихъ заступаній. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ извѣстіе объ одной чрезвычайно важной резолюціи, принятой въ одномъ изъ такихъ частныхъ собраній дворянъ 29 августа 1802 г. ¹⁾. Тутъ было рѣшено ввести изъ дворянскихъ имѣній слободско-украинской губерніи 1000000 рублей „способомъ, установленнымъ въ учрежденіи 20-ти лѣтняго банка“ ²⁾. Этотъ приговоръ подписали слѣдующія лица, очевидно, наиболѣе сочувствовавшія идеѣ Каразина объ учрежденіи въ Харьковѣ университета: ген. лейт. Неклюдовъ, майоръ Петръ Ковалевскій, майоръ Александръ Палицынъ, предводит. дворянства Алексѣй Алферовъ, кан.-лейт. флота Александръ Красовскій, ст. сов. Григорій Шидловскій, прапорщикъ Георгій Квитка, тит. сов. Дмитрій Квитка, поручикъ Гаврило Коросниинъ, кол. сов. Федоръ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попеч. № 1 (по архиву), № 1 (по картону); сохранилась любопытная приписка карандашомъ на этомъ документѣ, писанная, какъ кажется, рукою Каразина: „нѣтъ никакого сомнѣнія“ — подвигнуть все дворянство къ согласію на сіе положеніе, коль скоро патриотизмъ ихъ ободренъ будетъ. Все остановилось потому, что дѣйствовали человѣкъ, оставленный безъ малѣйшаго подкрѣпленія, однимъ однимъ; тиетно убѣждалъ онъ государственныхъ чиновниковъ тогдашнихъ помочь ему хотя строкою“.

²⁾ А вотъ самое расписаніе взносовъ примѣнительно къ 20-лѣтнему банку для полученія 1 мил. съ дворянскихъ имѣній слоб.-украинск. губерніи: „отъ 50 душъ крестьянъ ежегодный взносъ 20 р., который обезпечивается залогомъ въ 4 души,

со	100 д.	40 р.	съ залогомъ	7 д.
„	200	80	„	14
„	300	120	„	20
„	400	160	„	27
„	500	200	„	34
„	600	240	„	40
„	700	280	„	47
„	800	320	„	54
„	900	360	„	60
„	1000	400	„	67

„Такимъ образомъ, полагая въ обезпечиваніе содержанія университета на 75 р. одну душу м. п. съ землею, по расчисленію выходитъ, что въ продолженіе 20 лѣтъ только самая малая часть недвижимаго имѣнія дворянъ будетъ служить залогомъ, т. е. въ 1-й—годъ отъ $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{15}$; но потомъ на правилахъ упомянутаго банка годъ отъ года будетъ уменьшаться такъ, что изъ имѣнія, на которомъ 100 душъ, чрезъ 10 лѣтъ неболѣе 3 д. останутся несвободными; взносъ же въ пользу сего заведенія ни въ какомъ случаѣ не будетъ превышать $\frac{1}{12}$ дохода. Впрочемъ можно обезпечить содержаніе университета и таковымъ имѣніемъ, которое состоитъ въ одной землѣ и угодьяхъ безъ крестьянъ (ibidem).

Квитка. Это, какъ мы уже говорили выше, были лица, близко стоявшіе къ Г. С. Сковородѣ, А. А. Палицыну и В. Н. Каразину. Самое постановленіе о столь щедромъ пожертвованіи было вызвано, какъ видно изъ протокола, чтеніемъ „предначертанія о Харьковскомъ университетѣ“, составленнаго В. Н. Каразинымъ.

Это „предначертаніе“ было прочитано также въ общемъ собраніи Харьковскаго дворянства 30 авг. и въ связи съ рѣчью Каразина вызвало приговоръ о пожертвованіи 400000 р. на университетъ. Такъ какъ оно имѣло важныя практическія послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отступало отъ утвержденнаго впоследствии устава Харьковскаго университета, то мы считаемъ необходимымъ познакомить здѣсь читателей въ наиболѣе существенныхъ чертахъ съ его содержаніемъ.

Совершенно справедливо замѣчаніе сына Василія Назаровича—Филадельфа Васильевича, что „университетъ его отца былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище“. По „предначертанію“ Василія Назаровича, это дѣйствительно должно было быть „всеучилище“—соединеніе различныхъ академій (наукъ, искусствъ, военной, инженерной, духовной), университета и низшихъ профессиональных школъ. Вмѣсто четырехъ факультетовъ онъ проектировалъ 9 отдѣленій:—1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; сверхъ того для низшихъ классовъ—училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Въ поясненіе этого „предначертанія“ Василій Назаровичъ составилъ для Министерства Народнаго Просвѣщенія записку и въ ней указалъ на мысли, которыми руководствовался, составляя планъ столь грандіознаго учебнаго заведенія. Россія, по его словамъ, находится въ такомъ счастливомъ положеніи, что ей удобнѣе создать новое, чѣмъ исправлять старое; этимъ правиломъ нужно руководствоваться и въ дѣлѣ устроенія университетовъ; ей незначѣмъ заимствовать готовые образцы съ запада, тѣмъ болѣе, что и тамъ уже они отжили свой вѣкъ. „Патріотическое приношеніе 70000 рублей ежегоднаго дохода, сдѣланное слободско-украинскою губерніей въ кассу правительства, съ единственною цѣлью имѣть возможность получать у себя многостороннее, высшее образованіе, неоспоримо доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно, для того чтобы поддерживать нѣсколько спеціальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое я и назвалъ университетомъ, чтобъ не придумывать другаго названія“. В. Н. Каразинъ имѣлъ съ теоретической точки зрѣнія серьезные мотивы, чтобы соединить въ

одномъ городѣ нѣсколько училищъ. При огромномъ разстояніи между населенными пунктами въ Россіи, удобнѣе всего было создать одинъ общій просвѣтительный центръ для нѣсколькихъ губерній; такимъ путемъ достигалось бы и нѣкоторое соединеніе сословія, столь сильно разобщенныхъ въ то время, развивался бы духъ товарищества и уменьшались бы издержки, необходимыя на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища. „Наполнивъ, такъ сказать, цѣлый городъ учащимися, образовавъ изъ нихъ какъ бы особую колонію, я, говорилъ Василій Назаровичъ, думалъ тѣмъ усилить любовь къ занятіямъ взаимными примѣрами членовъ этой колоніи и распространить чрезъ то уваженіе къ образованію, облегчая въ то время и выборъ специальностей, смотря по природнымъ наклонностямъ каждаго“. Понятно, что при такихъ условіяхъ „Харьковскій университетъ могъ дѣйствовать на просвѣщеніе и пользу всего полудеиного края Россіи“. „Можетъ ли произойти отъ того какой либо вредъ, спрашиваетъ Василій Назаровичъ, что изъ-подъ одной кровли будутъ выходить и филологи, и юристы, и математики, и богословы, и ученые воины, и художники, словомъ, люди всевозможнѣйшихъ специальностей?“ Для того чтобы поддерживать общеніе между профессорами, Каразинъ предлагалъ устроить при университетѣ ученое общество, въ которомъ могли бы принимать участіе и адъюнкты, и даже лучшіе студенты. „Ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ; иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ, другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, иной разъ о литературѣ и искусствахъ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ, для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ и пр. Всякій приносилъ бы въ эти собранія плоды своихъ занятій, своихъ опытовъ, сдѣланныхъ уже или только еще предполагаемыхъ, и былъ бы проникнутъ желаніемъ научить и научиться. Всякій приходилъ бы въ нихъ какъ бы въ общество своихъ друзей или родныхъ; время проводилось бы съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пользою для общаго просвѣщенія края; это были бы настоящіе свободные лица или академіи безъ принужденія, безъ имени, безъ школьныхъ строгостей“. Понятно, что на содержаніе *такого* университета нужны были огромныя средства—и В. Н. Каразинъ находилъ ихъ въ своемъ проэктѣ безъ обремененія государственнаго казначейства. Ежегодно, по его расчету, нужно было 200000 рублей; эта сумма должна была составиться такъ: 1) 20000 р. процентовъ съ 400000 р., пожертвованныхъ Харьковскимъ дворянствомъ, 2) 50000 ежегоднаго сбора съ купечества и гражданства (по $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ и половина откупной суммы), 3) 25000 р., назначенныхъ на

содержаніе военного училища, 4) 30000 процентовъ съ 600000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской, 5) 75000 ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ всякаго обремененія получено правительствомъ изъ слѣдующихъ двухъ источниковъ: 50000 р. составлять винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей слободско-украинской губерніи и 25000 р. процентовъ получитсѣ изъ вымороченнаго имѣщества Кантемировъ (оно стоитъ 450000 р.). Казна, такимъ образомъ, по предположенію В. Н. Каразина, въ сущности не затрачивала бы ничего, и Харьковскій университетъ, по его плану, могъ бы явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Англіи, Америки. Общественный характеръ новаго университета проявился бы и въ его управленіи. Университетъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи комитета изъ профессоровъ, а во главѣ комитета стоять директоръ, избираемый Харьковскимъ дворянствомъ. Кромѣ этого комитета, обязаннаго руководить учебной стороною дѣла, избиралась бы еще дворянствомъ особая коммиссія для завѣдыванія хозяйствомъ.

Обширность предпріятія должны были соответствовать и самымъ размѣрамъ *зданій*. В. Н. Каразинъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ серединѣ—садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія“ ¹⁾. Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ письмо покойнаго Филадельфа Васильевича Каразина къ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, гдѣ повторяется почти тоже самое: „по плану университетскихъ построекъ, говорится тутъ, который былъ составленъ, по его идеямъ, архитекторомъ Васильевымъ, эти постройки должны были занимать огромное пространство на бывшемъ тогда еще пустомъ мѣстѣ за р. Харьковомъ (?) и составлять особый, такъ сказать, городъ, въ которомъ должны были жить и профессоры, и студенты (числомъ по крайней мѣрѣ до 3000) и всѣ сколько нибудь прикосновенные къ университету люди; планъ представлялъ четырехугольникъ, внутри котораго садъ съ бассейнами и фонтанами, а по сто-

¹⁾ Рус. Старина, 1875, октябрь, стр. 270.

ронамъ трехъ-этажныя зданія; на фасадѣ церкви: русская, католическая и лютеранская; позади четырехъугольника разныя строенія для необходимыхъ, при такомъ множествѣ жильцовъ, потребностей“ ¹⁾. Въ другомъ письмѣ Филадельфъ Васильевичъ дѣлаетъ поправку, говоря, что все это предполагалось построить не за р. Харьковомъ, а на Сумскомъ шоссе, на томъ мѣстѣ, которое и перешло вскорѣ въ собственность университета и гдѣ теперь университетскій садъ, ветеринарный институтъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ ²⁾; это мѣсто, пространствомъ въ 318000 кв. саженъ, уступали В. Н. Каразину за 6000 р. ³⁾.

Таково было „предначертаніе“ В. Н. Каразина о Харьковскомъ университетѣ, его планъ и смѣта. Въ нихъ сказался весь Каразинъ со всѣми его достоинствами и недостатками—смѣлымъ, оригинальнымъ умомъ и широкими, но не практичными замыслами. Его творческій разумъ не удовлетворялся обычною колеєю и всегда стремился къ грандіознымъ предпріятіямъ; у него былъ постоянно слишкомъ широкій размахъ, котораго онъ не соразмѣрялъ съ условіями живой дѣйствительности. Невольно приходитъ здѣсь на мысль великолѣпный князь Тавриды Потемкинъ и его планъ грандіозныхъ построекъ во вновь возникшемъ Екатеринославѣ; тамъ между прочимъ долженъ былъ быть „университетъ купно съ академіей музыкальной или консерваторіей“. Но была и существенная разница въ проэктахъ того и другого: Потемкинъ все это хотѣлъ создать по мановенію державной воли Императрицы, для ея славы, совершенно внѣ всякихъ условій мѣстной живой дѣйствительности, въ только что строящемся городѣ, въ слабо заселенной еще территоріи; Василій же Назаровичъ основывалъ свой проэктъ на реальномъ фактѣ—сочувствіи южно-русскаго общества къ дѣлу просвѣщенія и только, по свойству своего характера, преувеличивалъ размѣръ этого сочувствія. Сочувствіе это выразилось въ осязательномъ дѣлѣ—пожертвованіи 400000 р. дворянствомъ одной Харьковской губ. Онъ вѣрилъ, что такъ же сочувственно отнесутся и другія сословія, и жители другихъ сосѣднихъ губерній—и опять таки будущее оправдало его ожиданія, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, на какіе онъ рассчитывалъ. Наконецъ, существовала огромная разница между „городомъ будущаго“ Екатеринославомъ (конца XVIII в.) и Харьковомъ (нач. XIX ст.). Теоретическія основанія проэкта В. Н. Каразина также заслуживаютъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ—можно было основательно познакомиться

¹⁾ Сборникъ писемъ Фил. Вас. Каразина къ Н. А. Лавровскому (рукопись).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 270.

съ устройствомъ университетовъ въ Германіи, но не переносить ихъ безъ всякихъ почти измѣненій на русскую почву; тамъ они представляли органическій продуктъ мѣстныхъ историческихъ условій; у насъ же являлись чужеземнымъ растеніемъ, не вполне приспособленнымъ къ русской дѣйствительности. Трудно возражать (съ теоретической точки зрѣнія) и противъ мысли В. Н. Каразина о соединеніи подъ одной кровлей нѣсколькихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній. Въдѣ и наши университеты въ своихъ факультетахъ соединяють въ себѣ 4 высшихъ специальныхъ школы; по мысли В. Н. Каразина, такихъ школъ было бы 8 или 9—разница количественная, а не качественная. И кто знаетъ? Быть можетъ, мы современемъ и перейдемъ къ такому именно типу университета. Во всякомъ случаѣ *тогда* осуществить его было легче потому, что естественныя науки не требовали такого количества кабинетовъ, лабораторій и т. п., въ какомъ нуждаются теперь. Припомнимъ кстати, что и въ настоящее время въ заграничныхъ университетахъ имѣется богословскій факультетъ (котораго добивался В. Н. Каразинъ), а у насъ въ Россіи предполагается устройство при университетахъ агрономическихъ институтовъ; что же касается военного отдѣленія, то оно должно было замѣнить военный корпусъ, который предполагалось, какъ мы знаемъ, устроить въ Харьковѣ; наконецъ, въ настоящее время Харьковъ имѣетъ и технологическій институтъ, и консерваторію, и профессиональныя школы. Слѣдовательно, Василій Назаровичъ только *слишкомъ рано* мечталъ обо всемъ этомъ; но въ своихъ мечтаніяхъ онъ, можно сказать, прозрѣвалъ будущія потребности г. Харькова...

Мысль В. Н. Каразина объ учрежденіи ученаго общества при университетѣ заслуживаетъ, конечно, самой полной симпатіи. Она вошла въ министерскій уставъ Харьковскаго университета и практически осуществилась съ открытіемъ „Общества наукъ“. Нельзя не воздать ему также должнаго уваженія за горячую вѣру въ общественныя силы тогдашней интеллигентной Россіи. Но едва ли будетъ справедливо объяснять эту вѣру исключительно личными, индивидуальными свойствами В. Н. Каразина—его увлеченіями и пылкой фантазіей: тутъ оказало свое вліяніе и само время. Невозможно описать того энтузіазма, который былъ вызванъ воцареніемъ Императора Александра и первыми шагами его государственной дѣятельности въ духѣ свободы и покровительства просвѣщенію: для этого нужно прочесть признанія современниковъ. Даже самые осторожные, практичные люди, умудренные житейскимъ опытомъ, въ родѣ Г. Р. Державина, исполнены были самыхъ розовыхъ надеждъ на новую эпоху. Понятно, какъ долженъ былъ по-дѣйствовать на увлекающагося Каразина этотъ нынѣшній расцвѣтъ „про-

свѣтительной эры“ либеральныхъ идей. Ему казалось, что Россія можетъ и должна сдѣлать гигантскій шагъ впередъ по пути прогресса, въ особенности на полѣ просвѣщенія, гдѣ она сильно отстала отъ Европы; облеченный безграничнымъ довѣріемъ государя, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно энергія и силъ, чтобы всею душою отдаться служенію этой великой идеѣ. Надежда подвинуть южнорусское общество на пожертвованіе окрыляла его, тѣмъ болѣе что такое пожертвованіе на просвѣтительныя дѣла могло бы доказать, такъ сказать, политическую зрѣлость общества. Особенныя надежды онъ возлагалъ на слободско-украинское дворянство, которому онъ оказалъ огромныя услуги въ качествѣ депутата, ископотававшего подтвердительную грамоту. Харьковскому же дворянству онъ хотѣлъ предоставить высшую роль въ дѣлѣ управленія университетомъ; онъ исходилъ тутъ, какъ намъ кажется, не изъ узко сословныхъ исключительныхъ дворянскихъ интересовъ, а изъ убѣжденія, въ значительной степени справедливаго, что дворянство тогда было единственнымъ интеллигентнымъ слоемъ свѣтскаго общества, могущимъ принять на себя попеченіе объ общемъ благѣ. Впрочемъ Василій Назаровичъ былъ во всякомъ случаѣ не правъ передъ другими сословіями слободско-украинской губ.: онъ устранялъ ихъ отъ управленія университетомъ, между тѣмъ какъ они должны были, по его же проекту, внести значительныя пожертвованія; неправъ онъ былъ и передъ населеніемъ другихъ губерній, желая привлечь его къ крупнымъ пожертвованіямъ и въ тоже время устраняя отъ всякаго вліянія на дѣла университета. Наконецъ, В. Н. Каразинъ ошибся даже и въ своихъ надеждахъ на Харьковское дворянство: оно повидимому относилось довольно равнодушно къ вопросу о прямомъ участіи своемъ въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета. Мы увидимъ далѣе, въ какой скромной степени оправдались надежды В. Н. Каразина на общественныя пожертвованія; несомнѣнно, что его расчеты были слишкомъ оптимистическіе, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что цифра пожертвованій была бы несравненно значительнѣе, если бы „предначертаніе“ Каразина не было такъ сильно видоизмѣнено и если бы его собственное положеніе такъ сильно не пошатнулось. Интересно, что извѣстный профессоръ и академикъ Парротъ, къ которому Василій Назаровичъ отправилъ на просмотръ свой проектъ, отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. „Проектъ вашъ, отвѣчалъ Парротъ Каразину, доказываетъ, что вы глубоко обдумали вашу задачу и освободились отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись уставы другихъ университетовъ, не исключая и нашего (Дерптскаго), самаго новѣйшаго; и я вполне сочувствую идеѣ вашей

обойтись безъ факультетовъ“. Отъ сужденія о 9 отдѣленіяхъ Каразина Парротъ воздержался, къ проекту о директорѣ изъ неуниверситетской среды отнесся повидимому съ очень тонкой и скрытой ироніей, а мысль объ ученomъ обществѣ горячо одобрилъ.

Вотъ это то „предначертаніе“ В. Н. Каразинъ читалъ и въ частномъ кружкѣ Харьковскихъ дворянъ, и въ общемъ собраніи 31 августа 1802 г., которое является исходнымъ моментомъ въ исторіи основанія Харьковского университета. Тутъ дѣйствительно рѣшалась судьба и самого В. Н. Каразина, и его проекта. Это былъ истиннѣ историческій моментъ: наканунѣ, 30 августа, происходило празднество пожалованія Харьковскому дворянству подтвердительнои грамоты на его прежнія привиллегіи. Оно было обставлено въ высшей степени пышно и торжественно, какъ это видно изъ сохранившагося его церемоніала ¹⁾. 29 августа губернскій предводитель лично попросилъ оповѣстить о предстоящемъ торжествѣ чиновниковъ, именитыхъ гражданъ и всѣхъ Харьковскихъ жителей; въ распоряженіе губернатора онъ командировалъ по одному молодому дворянину отъ каждаго уѣзда; онъ же просилъ черезъ двухъ дворянскихъ депутатовъ преосв. Христофора Сулиму, чтобы тотъ соборнѣ отслужилъ вечеромъ наканунѣ всенощное бдѣніе, а въ день торжества божественную литургію и молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ 7 часовъ утра 30-го августа дворянство собралось по первому сигналу изъ пушки въ генераль-губернаторскій домъ; въ 8 часовъ утра, по прибытіи туда губернатора и послѣ 2-го выстрѣла изъ пушки, были произнесены приличные случаю рѣчи. Затѣмъ открылось торжественное шествіе въ Успенскую соборную церковь: впереди шель губернаторъ съ чиновниками; за ними четыре бывшихъ губернскихъ предводители несли на подушкѣ изъ малиноваго бархата Высочайшую грамоту, въ сопровожденіи оркестра духовой музыки и хора, исполнявшаго сочиненныя на сей случай капты, 50 пѣтомцевъ казеннаго училища со значками и губернскаго предводителя съ 10 депутатами; далѣе шло по 10 малолѣтнихъ дворянъ отъ каждаго уѣзда (харьковскаго, валковскаго, богодуховскаго, ахтырскаго, лебединскаго, сумскаго, змѣевскаго, изюмскаго и волчанскаго), со значками, гдѣ былъ изображенъ вензель государя съ девизомъ: блаженство всѣхъ и каждаго... Шествіе заключали уѣздные предводители, выступавшіе по парно со своимъ дворянствомъ и городской голова въ сопровожденіи гражданъ со значкомъ, на которомъ изображены были гербы губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Процессія сопровождалась пушечною паль-

¹⁾ См. Устинова. Харьковская Старина (Хар. Губ. Вѣд. 1878, № 19).

бою и колокольнымъ звономъ, а когда подошла къ собору, то была истрѣчена въ оградѣ преосвященнымъ, окропившимъ грамоту святою водою. Въ церквѣ грамота была положена на заранѣе приготовленное мѣсто, послѣ чего губернскій предводитель далъ ее для прочтенія въ слухъ секретарю дворянства. Затѣмъ отправленъ былъ молебенъ и сказано подобающее слово; послѣ него литургія, а вслѣдъ за нею опять благодарственный царскій молебенъ. На обоихъ молебнахъ, при многолѣтніи, было сдѣлано по 101 выстрѣлу изъ пушекъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ. Изъ церкви въ такомъ же порядкѣ процессія отнесла грамоту въ дворянскій домъ, гдѣ она была положена въ особомъ ковчегѣ. Затѣмъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ былъ обѣдъ съ участіемъ преосвященнаго, губернатора, чиновниковъ, городского головы и именитыхъ гражданъ. Во время стола играла музыка, пѣли канты и производились залпы изъ пушекъ. Вечеромъ былъ фейерверкъ и иллюминаціи во всемъ городѣ, при чемъ особенно роскошно иллюминированы были генераль-губернаторскій дворецъ и дворянскій домъ; тутъ были щиты, вензеля и прозрачныя картины; тогда же устроенъ балъ для чиновниковъ и гражданъ опять съ пушечною пальбою. Празднество 30 августа должно было, конечно, еще болѣе поднять настроеніе дворянъ. Но все таки положеніе В. Н. Каразина было очень затруднительное. По свойственному ему увлеченію, онъ уже довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи Харьковскаго дворянства сдѣлать пожертвованіе на университетъ. Между тѣмъ среди съѣхавшихся на празднество дворянъ оказались и такіе, которые испугались крупной цифры взноса и готовы были энергично выступить противъ широкой „затѣи“ Каразина. Да и многихъ дѣйствительно могло смутить обязательство въ 1000000 р., котораго домогался В. Н. Каразинъ и которое ровно въ 10 разъ превосходило цифру, опредѣленную валковскимъ дворянствомъ.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей достопамятнаго засѣданія 31 августа. Наши попытки найти ихъ въ архивныхъ документахъ Харьковскаго депутатскаго собранія не увѣнчались успѣхомъ; ихъ не сохранилось и въ томъ дѣлѣ объ основаніи Харьковскаго университета, которое является теперь для насъ главнымъ источникомъ. Но за то до насъ дошла рѣчь В. Н. Каразина, имѣвшая рѣшительное вліяніе на благоприятный исходъ всего дѣла. Она воспроизведена, очевидно, самимъ Василиемъ Назаровичемъ на страницахъ „Молодыка“ ¹⁾ и потому текстъ ея можетъ быть признанъ вполне достовернымъ.

¹⁾ Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 245—250; ср. Рус. Стар. 1875, февраль, стр. 333—336.

В. Н. Каразинъ былъ высокаго мнѣнія о естественныхъ богатствахъ Харьковской губ. и способностяхъ ея обитателей. „Мѣстное положеніе нашей губерніи, говорилъ онъ, дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній—сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей, не можетъ дѣлать съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ, въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, способенъ прельстить самихъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода—науки и искусства водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомнутъ священную для нихъ Грецію, которая первоначально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утонала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ“. Таковы естественныя богатства края; но они сильно приумножатся съ открытіемъ университета: Харьковская губернія можетъ быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ были Аѣны для Греціи.

Тогда, говорилъ далѣе Василій Назаровичъ, „отъ насъ имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и правахъ; мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; кушцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпнуть у насъ познанія; изыдутъ вѣтѣи, ствхотворцы прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей російскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго дастъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться“. За тѣмъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ надеждъ или, правильнѣе говоря, мечтаній болѣе общаго характера—о будущемъ развитіи Харькова, о богатствахъ, которыя польются въ него рѣкою и, наконецъ, о славѣ, которая будетъ прочнѣе мраморныхъ памятниковъ. Чтобы возбудить духъ соревнованія, ораторъ указываетъ на скудную природу сѣверной Россіи и требуетъ у своихъ земляковъ, чтобы они по крайней мѣрѣ сравнялись съ жителями Великой Россіи въ образовательныхъ средствахъ, имъ болѣе доступныхъ. Онъ заявляетъ, что у него нѣтъ никакихъ личныхъ мотивовъ въ этомъ дѣлѣ и что имъ руководитъ исключительно желаніе принести пользу своему краю, благо котораго

въ его представленіи было неразрывно связано съ пользами всей Россіи. „Моя жизнь, говорилъ онъ, принадлежитъ всему отечеству, но въ особенности краю, бывшему колыбелью моихъ понятій. Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполинской Россіи“... Наконецъ, въ заключеніе В. Н. Каразинъ кается передъ дворянствомъ, что нѣсколько превысилъ свои полномочія—объявилъ уже Государю о желаніи Харьковскихъ дворянъ сдѣлать пожертвованіе на университетъ, до официального постановленія, которое должно состояться въ нынѣшнемъ засѣданіи; и Государь позволилъ ему сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый Харьковскимъ дворянствомъ, пріятенъ ему.. „Исполнители его человѣколюбивыхъ и мудрыхъ вѣлѣній увѣрили меня, говорилъ Василій Назаровичъ, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя губерніи“. „Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, такъ заключилъ свою рѣчь Каразинъ, оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника“.

Чтобы правильно понять значеніе этой рѣчи, нужно судить о ней не по нашему нынѣшнему впечатлѣнію, а по тому дѣйствию, которое она могла произвести (и дѣйствительно произвела) на тогдашнихъ слушателей; намъ она представляется теперь слишкомъ искусственной, напыщенной; по присутствіе въ ней реторики и гипербола объясняется съ одной стороны тогдашними литературными вкусами, съ другой—спеціальною ея цѣлью: В. Н. Каразину нужно было во чтобы то ни стало склонить Харьковское дворянство къ пожертвованіямъ, чтобы оправдать заявленіе, сдѣланное Государю; приподнятый тонъ считался необходимою принадлежностью всякой ораторской рѣчи;—и его старались держаться всѣ. Припомнимъ кстати, что реторика была предметомъ университетскаго преподаванія и что слава Рижскаго главнымъ образомъ основывалась на чтеніи этой именно науки. За тѣмъ само дворянство было настроено тогда чрезвычайно патріотично вслѣдствіе полученія подтвердительной грамоты. И Василій Назаровичъ удачно затронулъ въ своей рѣчи эту чувствительную струну: онъ говорилъ, что нужно достойно возблагодарить монарха, возвратившаго имъ права, „которые время пачало уже заглаживать“. Патріотическое настроеніе отражалось на литературномъ стилѣ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя приходилось дѣлать дворянамъ; вспомнимъ протоколъ валковскаго дворянства: какимъ возвышеннымъ стилемъ написанъ онъ! Такимъ же характеромъ отличается отчасти, какъ увидимъ далѣе, и протоколъ общаго дворянскаго собранія 1-го

сентября 1802 года. Наконецъ, эта рѣчь Каразина соотвѣтствуетъ и особенностямъ личной психологіи его самого: въ его устахъ, при тогдашнемъ его пастроеніи, она была совершенно естественна и натуральна; всегда онъ отличался восторженностью, въ засѣданіи же 31 августа для него, можно сказать, рѣшался вопросъ—быть или не быть; тутъ шло дѣло о дальнѣйшемъ довѣріи къ нему Государя, которое являлось для него залогомъ всей будущей общественной дѣятельности; откажись дворянство отъ своего намѣренія сдѣлать пожертвованіе на университетъ—его, конечно, выставили бы, какъ лицо, посягнувшее обмануть Государя, который читалъ къ нему полное довѣріе. Конечно, съ его стороны не было обмана—тутъ дѣйствовало только увлеченіе и горячая увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла; онъ опирался на письменныя заявленія губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, Щидловскаго и др.; онъ получалъ, очевидно, аналогичныя извѣстія и отъ командированнаго имъ въ Харьковъ Ушинскаго, и отъ свѣщ. Фотіева. „Воля ваша, говорилъ онъ въ своей рѣчи, изображенная въ *отзывахъ*, которыхъ я былъ удостоенъ, не должны ли была меня уполномочить дѣйствовать предварительно?“ Но онъ все таки не имѣлъ формальнаго права говорить съ Государемъ, прежде чѣмъ пожертвованіе не было рѣшено на общемъ собраніи дворянъ. Между тѣмъ тутъ возникла оппозиція—и В. Н. Каразинъ долженъ былъ наперечъ всѣ свои силы, чтобы сломить эту оппозицію. Можно представить себѣ то душевное состояніе, въ какомъ онъ находился въ то время; можно понять и объяснить себѣ всѣ тѣ средства убѣжденія, которыми онъ пустилъ въ ходъ, по словамъ записки его сына. И въ концѣ концовъ онъ восторжествовалъ благодаря своему увлеченію. Мы не сомнѣваемся, что самъ онъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ—вотъ гдѣ тайна огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго его рѣчью на слушателей. Извѣстно, что такимъ пылкимъ, искреннимъ фантазеромъ являлся онъ и въ другихъ случаяхъ своей жизни. Вотъ почему слушатели не замѣчали его преувеличеній: его пастроеніе общалось и имъ. Изложенное имъ грандіозное „предначертаніе“ новаго университета должно было произвести сильное впечатлѣніе, подкупить его слушателей, склонить ихъ къ большимъ жертвамъ. Оно стояло въ полномъ соотвѣтствіи съ его горячими надеждами на то благотворное вліяніе, которое новое учрежденіе должно было произвести во всѣхъ сферахъ мѣстной жизни. Это не были одни только слова; Василій Назаровичъ глубоко вѣрилъ во все это и высказывалъ такія же мысли самому Государю. Нельзя не согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Н. А. Лавровскаго: „имъ руководило страстное воодушевленіе идей и горячее желаніе добра родной сторонѣ; а такія побужденія не осужда-

ются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было-бъ и университета въ Харьковѣ“¹⁾... „Двадцать пять лѣтъ спустя, говорить Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ то объ этой рѣчи при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ“²⁾...

Оппозиція была посрамлена; главнѣйшій представитель ея—изюмскій предводитель дворянства Капустянскій-Захаревичъ,—даже самовольно ушелъ изъ залы засѣданій, чтобы такимъ образомъ помѣшати законности рѣшеній. По поводу этого оскорбительнаго для всѣхъ дворянъ выхода Донецъ-Захаржевскій потребовалъ отъ него объясненія, которое было дано Капустянскимъ. Оно составлено очень искусно и указываетъ на руку, изощрившуюся въ составленіи канцелярскихъ крючкотворныхъ отписокъ. Здѣсь изюмскій предводитель заявлялъ, что онъ не имѣлъ довѣренности отъ своихъ дворянъ принять за нихъ участіе въ подпискѣ на такую громадную сумму какъ 400000 р., тѣмъ болѣе что въ изюмскомъ уѣздѣ имѣется не мало дворянскихъ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ мужей и отцовъ, убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ и умершихъ естественною смертію; имѣнія ихъ находятся въ опеку и безъ согласія опекуновъ палатать на нихъ сбора нельзя; да и вообще для такого обложенія нужно общее согласіе всѣхъ изюмскихъ дворянъ, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ прапорщикомъ.

Въ Харьковѣ же пріѣхало всего нѣсколько человѣкъ крупныхъ владѣльцевъ; правда, одинъ изъ нихъ доказывалъ ему, Капустянскому, что онъ можетъ подписаться за всѣхъ дворянъ своего уѣзда, но онъ считалъ это незаконнымъ, такъ какъ „Всемилюстивѣйшій Государь не требуетъ жертвы, отягощающей судьбу и единого изъ его вѣрноподданныхъ“; и потому пусть выдадутъ ему копію съ общаго постановленія, а онъ его доложитъ и разсмотритъ на сѣздѣ изюмскаго дворянства“³⁾. Само собою разумѣется, что такое требованіе, при всей его кажущейся основательности, было совершенно незаконно, ибо въ корнѣ подрывало право общаго дворянскаго собранія принимать обязательныя для дворянства всей губерніи постановленія и ставило рѣшеніе уѣзднаго собранія выше губернскаго.

1) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 65.

2) Укр. Стар. стр., 124—125.

3) Архивъ Харьк. Депут. Собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. Университета.

Рѣшеніе общаго дворянскаго собранія выразилось въ извѣстномъ протоколѣ отъ 1-го сентября 1802 г., который былъ напечатанъ уже нѣсколько разъ ¹⁾ и потому мы напомнимъ только его сущность. „Дворянство, говорится тутъ, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, увѣковѣчить неопѣнимыми къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ“. Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ 9 отдѣленій и 2 школы для людей низшихъ состояній. Для основанія его и въ обезпеченіе его существованія, дворянство изъ своихъ имѣній внесетъ 400,000 р., при чемъ въ составъ этой суммы, входитъ 100,000 р., ассигнованныхъ раньше на дворянскій корпусъ; остальные 300 т. руб. нужно будетъ собрать въ теченіе 6 лѣтъ. „Упомянутою суммою признають украинскіе дворяне себя должными государству отъ сегодня“. Но такъ какъ обширность университета не совмѣстима со средствами одной губерніи и въ него будутъ поступать воспитанники изъ училищъ другихъ сосѣднихъ губерній, то харьковское дворянство предполагаетъ пригласить къ участию въ пожертвованіяхъ курскую, орловскую, воронежскую, новороссійскую, полтавскую и черниговскую губ., а также гражданъ другихъ сословій въ Слободской Украинѣ, испросивъ на это разрѣшеніе у Государя черезъ своего депутата В. Н. Каразина. Первоначальное устройство дѣла дворянство предполагало поручить университетской комиссіи въ составѣ трехъ членовъ, избранныхъ дворянствомъ. Вас. Наз. Каразинъ долженъ былъ ходатайствовать передъ Ими. Александромъ о слѣдующихъ пунктахъ: 1) чтобы харьковскому дворянству былъ уплаченъ причитающійся отъ казны за поставленныя въ турецкую войну 1789 г. подводы долгъ въ размѣрѣ 66,910 р., имѣющій войти въ составъ 400,000 р. суммы на устройство университета, 2) чтобы позволено было для ускоренія дѣла занять подъ университетъ недостроенный домъ, предполагавшійся для присутственныхъ мѣстъ, 3) чтобы Высочайше пожалованная подтвердительноя грамота (отъ 29 дек. 1801 г.) была распространена и на тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ раньше она не коснулась (владѣльцевъ *четвертныхъ земель*)—и тогда они охотно будутъ вносить въ казну

¹⁾ См. Молодыкъ на 1844 г., стр. 251—253; Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 68—70; Украинская Старица Г. П. Данилевскаго, стр. 125—126; Русская Старица 1875, февраль, стр. 337—338, май, стр. 61—63; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20.

откупную сумму. Такова общая воля всего дворянства; „но дворянамъ, желающимъ въ большей мѣрѣ содѣйствовать къ приращенію пазнаваемой нынѣ суммы, предоставляется право изъявить согласіе и избрать къ тому средства, въ полной увѣренности, что они таковымъ подвигомъ сдѣлають предъ лицомъ Всемилоствѣйшаго Государя честь словію, коего они члены“. Подписались: губ. предводитель, 8 уѣздныхъ, 81 дворянинъ и прочіе ¹⁾.

Въ этомъ протоколѣ замѣтно отразилось вліяніе В. Н. Каразина: тутъ идетъ рѣчь и о дворянской комиссіи для устройства университета, и о 9 отдѣленіяхъ его, и о приглашеніи сосѣднихъ губерній къ пожертвованіямъ. Душею всего дѣла былъ, несомнѣнно, В. Н. Каразинъ, которому общее дворянское собраніе тогда же (1-го сентября) выразило чувства глубокой признательности за университетское дѣло особымъ адресомъ слѣдующаго содержанія: „Слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, рассмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника В. Н. Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъясненіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испро-

¹⁾ Вотъ фамиліи подписавшихъ протоколъ: Губ. пред. двор. Вас. Донецъ-Захаржевскій, Харьк. уѣзд. предв. Дмитрій Щербининъ, Валков. уѣзд. пред. Мих. Шидловскій, Лебединскій—Алексѣй Алферовъ, Богодуховскій—надв. сов. Иванъ Куликовскій, Ахтырскій—Мих. Кондратьевъ, Волчанскій—кол. ас. Романъ Поклонскій, Купянскій—Райзеліонъ-Сомальскій, Сумской—кол. ас. Николай Куколь-Яснопольскій, двор. сум. у. майоръ Александръ Палицынъ, депутатъ харьк. у. Вас. Тихоцкій, ген. отъ кавал. Дунинъ, бригад. кн. Петръ Волконскій, кол. ас. Ив. Зарудный, депутатъ куп. у. Іосифъ Абаза, помѣщ. волч. и изюм. уу. майоръ Петръ Гересевановъ, пом. богодух. у. майоръ Иванъ Чижевъ, шт.-ротм. Карповъ, майоръ Егоръ Райковичъ, майоръ Яковъ Черкасовъ, ротм. Дмитрій Хруцовъ, пом. ахтыр. у. кол. ас. Иванъ Боярскій, майоръ Дмитрій Райковичъ, тит. сов. Шагаровъ, валк. депутатъ майоръ Ник. Зварыкинъ, пом. змiev. у. Петръ фонъ-Мейеръ, пом. змiev. у. Ник. Шидловскій, изюм. пом. кап. Евграфъ Хлоповъ, пом. кун. у. кап. Петръ Абаза, двор. богодух. у. Павелъ Крыской, депутатъ ахтыр. у. подп. артил. Иванъ Ямпольскій, поруч. Иванъ Крымка, надв. сов. Ст. Абаза, надв. сов. Давило Шенгелидзе, надв. сов. Василій Лосевъ, стат. сов. и кавал. Григорій Шидловскій, ген.-лейт. Неклюдовъ, поруч. Иванъ Земборскій, пран. Георгій Квитка, изюм. пом. кол. ас. Николай Шидловскій, тит. сов. Дмитрій Квитка, ротм. Андрей Захаржевскій, шт.-ротм. Гр. Ковалевскій, надв. сов. Ефимъ Пономаревъ, майоръ Яковъ Огроновичъ, поруч. Ник. Быковский, кол. ас. Гр. Рышковъ, поруч. Гр. Огроновичъ, пор. Мартинъ Куликовъ, тит. сов. Павелъ Гевличъ, тит. сов. Антонъ Аксюкъ, пор. Мих. Грошовъ, майоръ Петръ Ковалевскій, кол. ас. Алексѣй

сить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу сочлену, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства¹⁾.

Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи харьковскаго городского общества²⁾. Оно собралось на засѣданіе съ тѣмъ, чтобы выслушать и обсудить извѣстное уже намъ отношеніе губернскаго предводителя дворянства отъ 27 августа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и среди городского общества шла предварительная агитація въ пользу идеи объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Въ ней могъ принимать участіе и самъ Василій Назаровичъ, и въ особенности городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, относившійся съ искреннимъ доброжелательствомъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Онъ, очевидно, игралъ такую же роль въ городскомъ собраніи, какую Каразинъ въ дворянскомъ. Въ началѣ протокола отмѣчается тотъ фактъ, что на основаніе университета въ Харьковѣ воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Затѣмъ говорится: „видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обя-

Краснокутскій, кол. ас. Ник. Драгомиръ, подпор. Ив. Назаренковъ, ротм. Петръ Иваничій, надв. сов. Григорій Полтавцевъ, пор. Ник. Валка, маіоръ Ив. Бутовичъ, пор. Александръ Дискій, депутатъ канит. Ив. Пустовойтовъ, маіоръ Степанъ Лесевицкій, кол. ас. Фома Елишерлевъ, пор. Ник. Ковалевскій, полк. графъ Оед. Подгоричани, маіоръ графъ Мих. Подгоричани, надв. сов. Андрей Донецъ-Захаржевскій, дѣйств. стат. сов. Дмитрій Хорватъ, пом. Ник. Куликовскій, кап. Ник. Ковалевскій, депутат. Ник. Донецъ-Захаржевскій, надв. сов. Ник. Калининъ, Евтихій Катрухинъ, Александръ Катрухинъ, кол. ас. Ив. Тихоцкій, ген.-лейт. Бердяевъ, кол. сов. Оедоръ Зайковскій, тит. сов. Ник. Колядинъ, маіоръ Адрианъ Лесевицкій, кап. лейтен. Александръ Красовскій, поруч. Алекс. Лизогубъ, надв. сов. Вас. Стремоуховъ, надв. сов. Андрей Роштокъ, премьеръ маіоръ Боярскій, кол. сов. Оедоръ Квитка, кол. ас. князь Дмитрій Кудашевъ, прап. Матвій Клишинскій, полк. Павелъ Тихоцкій, тайн. сов. Петръ Сабуровъ, и прочіе. Секретарь дворянства Иванъ Тихоцкій. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канцеляріи, № 1 по архиву, № 1 по картоцу).

¹⁾ См. мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“, стр. 11.

²⁾ См. Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 253—256 (тутъ онъ напечатанъ съ пропусками); Ж. М. Н. П. 1872, январь, ст. 70—72; Рус. Стар. 1875, май, стр. 64—65; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20. Мы имѣли въ своихъ рукахъ официальный списокъ его въ „Дѣлѣ объ учрежденіи Харьковскаго Университета“.

занностью соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрнопопдаиической благодарности Всемилостивѣйшему Государю и единодушно, по силамъ своимъ, опредѣляетъ¹⁾: вносить въ пользу университета въ теченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати съ капиталовъ, т. е. $1\frac{1}{4}\%$; 2) эта сумма впослѣдствіи можетъ быть увеличена, а кромѣ того болѣе зажиточныя лица изъ купческаго сословія готовы будутъ и на частныя добровольныя взносы; 3) ходатайствовать черезъ дворянскаго депутата В. Н. Каразина передъ Государемъ о разрѣшеніи имъ предоставить половину откупной суммы, идущей въ пользу города, на нужды университета; 4) пусть на ту же цѣль идетъ и весь наличный остатокъ этой суммы, накопившійся съ 1781 года; 5) просить г. губернатора пригласить къ пожертвованію всѣ уѣздные и заштатные города харьковской губ., такъ какъ и они несомнѣнно почувствуютъ выгоды отъ расширенія промысловъ и торговли. Въ заключеніе горожане просятъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ постоевъ и постоянныхъ воинскихъ командъ. „По неимуществу большей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ, заявляли они, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постои крайне отягощительны, какъ о семъ отъ городского головы 7 окт. 1801 г. во время Высочайшаго пребыванія въ Москвѣ уже прошеніе подано; особливо несовмѣстны будутъ постои тогда, какъ прежде, нежели умножатся дома, должно будетъ помѣщать великое число студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнятъ сей городъ, коль скоро университетъ откроется; по сей причинѣ не соблагоизволить ли Всемилостивѣйшій Монархъ изъ особеннаго милосердія своего, изъ уваженія къ сооружаемому, по благодѣтельной волѣ Его, великому сему училищу, и къ скудости и малонаселенности города, уволить оный отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно“. Всѣ эти заявленія граждане поручали своему городскому головѣ Урюпину сообщить депутату В. Н. Каразину, съ тѣмъ, чтобы онъ довелъ ихъ до свѣдѣнія Государя.

Чрезвычайно любопытно вычислить сумму, пожертвованную купцами и гражданами, такъ какъ прежніе изслѣдователи не рѣшали этого вопроса,—за исключеніемъ г. Шугурова, который однако не приводитъ никакихъ данныхъ въ пользу своего расчета ¹⁾, и отчасти г. Устино-

¹⁾ Кіевская Старина 1891, авг., 223; онъ полагаетъ, что она превышала 100000 руб.

ва ¹⁾. Намъ же удалось найти подлинную официальную вѣдомость пожертвованій купечества и гражданъ, доставленную губернаторомъ Бахтинимъ ²⁾.

По 1-му пункту—сумма, равная государственной подати или $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ, составляла ежегодно 2312 р. 60 к., а въ 10 лѣтъ—23,126 руб.; по 2-му—половина доходовъ съ виннаго откупа въ размѣрѣ 4314 р. $29\frac{1}{4}$ к., а въ 10 лѣтъ 43,142 р. $92\frac{1}{2}$ к.; по 3-му—остатокъ той же суммы за прежніе годы—7832 р. 25 к. ³⁾. Въ совокупности сумма пожертвованія должна была въ теченіе 10 лѣтъ составить такимъ образомъ капиталъ въ 72, 101 р. $17\frac{1}{2}$ к., который впрочемъ не опредѣляетъ точнаго размѣра городского пожертвованія: выдача откупной суммы не была ограничена десятилѣтнимъ срокомъ; съ другой стороны взыскать со всѣхъ остатокъ откупного капитала за прежніе годы было невозможно. Но кромѣ этой вѣдомости, доставленной губернаторомъ 9-го апрѣля 1804 г., мы имѣемъ еще другую, составленную университетскимъ казначеемъ 4 авг. 1806 г., которая нѣсколько расходится съ предыдущей ⁴⁾. Въ этой послѣдней мы находимъ слѣдующія цифры: по 1-му пункту (съ капиталовъ) слѣдовало получать по 2488 р. 35 к. въ годъ; по 2-му—получалось въ 1803 г.—4314 р. $49\frac{1}{2}$ к., въ 1804 г.—1605 р. $7\frac{1}{2}$ к., въ 1805 г.—1281 р. 32 к.; такимъ образомъ, приходъ по этой статьѣ постепенно уменьшался; по 3-му—5832 р. 25 к. ⁵⁾. Во всякомъ слу-

¹⁾ Г. Устиновъ дѣлаетъ подсчетъ по 1-й статьѣ— $1\frac{1}{4}\%$ съ капиталовъ и опредѣляетъ ее въ 4476 руб. $6\frac{1}{4}$ коп. годовыхъ. Всѣхъ купеческихъ капиталовъ въ 1802 г., говоритъ онъ, числилось 152, въ томъ числѣ: 1-й гильдіи всего 2 (Борисъ Каменевъ и Ѳеодоръ Карповъ), 2-й гильдіи—4 (Павловъ, Карпова Пелагея, Аникѣевъ и Курдюмовъ), 3-й гильдіи—146. См. Устинова. Харьк. Старина. X. Г. В. 1878, № 40.

²⁾ Харьк. универ. архивъ. Дѣла канц. поечит. № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

³⁾ Впослѣдствіи открылось, что на самомъ дѣлѣ этого капитала было на 2 тыс. меньше, именно 5832 р. 25 к. (Ibidem).

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Сохранился любопытный именной списокъ харьковского купечества, подписавшаго приговоръ 1-го сентября 1802 г., о пожертвованіи на университетъ: „Андрей Аникѣевъ съ капитала 8005 р. $1\frac{1}{4}\%$ —100 р. $6\frac{1}{4}$ к., Ст. Курдюмовъ съ 2050—25 р. $62\frac{1}{2}$ к., Пв. Кушинниковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Сем. Мухинъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Авр. Бакуменковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Мак. Жариковъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Вас. Скибицкій съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ник. Проскуринъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Тим. Давыденко съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Вас. Ломакинъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Мат. Даріоновъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ив. Шишамовъ съ 2010—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Ив. Ворожейкинъ съ 2005 р.—25 р. $6\frac{1}{4}$ к., Вас. Зыкѣевъ съ 2010 р.—25 р. $12\frac{1}{2}$ к., Пв. Селива-

чаѣ поступленія отъ харьковскаго общества въ теченіи 10 лѣтъ должны были равняться отъ 50 до 70 т. рублей.

Постановленіе купечества и гражданства состоялось, какъ мы замѣтили выше, 1-го сентября, но было передано Урючинымъ губ. предводителю дворянства только 6 октября. Виновникомъ замедленія впрочемъ былъ не Урючинъ, а какія то постороннія обстоятельства, отъ него не зависѣвшія; по крайней мѣрѣ самъ онъ получилъ протоколъ только 4 октября. Тутъ дѣйствовало вліяніе мѣстной администраціи въ лицѣ тог-

повъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ав. Антоновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Егоръ Урючинъ съ 2025 р.—25 р. 31¹/₄ к., Вас. Животовскій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ал. Ивановъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дм. Барышовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Еф. Медвѣдевъ съ 2010 руб.—25 р. 12¹/₂ к., Як. Комлевъ съ 2010 руб.—25 р. 12¹/₂ к., Тим. Спасскій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ст. Онофріевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ан. Золотаревъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Сем. Ильишенко съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Як. Высоцкій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Бор. Фаворовъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Козьма Горяиновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Як. Лемокъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Фастовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Катонъ Берко съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Масловъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ан. Лежебоковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Никулинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Гончаровъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мих. Бутенковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Андр. Папковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дав. Мытинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Прок. Неретинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Косолоновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ант. Цисаревъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Глуховъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Ал. Бековцевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., харьковскій купецъ Федоръ Карповъ, объявивши капитала 16,050 р., далъ согласіе взносить ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ по 50 р., Мина Кушниковъ съ 2050 р.—25 р. 62¹/₂ к., Мих. Мясляниновъ съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Ал. Свѣтлинковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Бор. Гувескій съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мак. Угольской съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Петръ Вѣляевъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Кон. Карловъ съ 8050 р.—100 р. 62¹/₂ к., Е. Горемыкинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Пант. Панченковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мих. Литвиненко съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ос. Калашниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Согаиковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Мак. Рындинъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Ващенко съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Гр. Соляниковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Ворожейкинъ съ 2050 р.—25 р. 62¹/₂ к., Пант. Московъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Дм. Ковалевъ съ 2005 р.—25 р. 6¹/₄ к., Ал. Ханайченковъ съ 2010 р.—25 р., 12¹/₂ к., Е. Соловьевъ съ 2010 р.—25 р., 12¹/₂ к., Ан. Болгаръ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., П. Лашеевъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Андреянъ Картавовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Угрюмовъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ст. Смирновъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Гр. Стриковъ съ 2010 р.—25 р. 12¹/₂ к., Вас. Клейменовъ съ 2012 р.—25 р. 12¹/₂ к., Ив. Павловъ съ 8010 р.—100 р. 12¹/₂ к., Верейскій купецъ Дм. Щелковъ съ 2008 р.—25 р. 10 к., харьковскій Борнсъ Каменевъ съ 16100 р.—201 р. 25 к.; сверхъ же того онъ, Каменевъ—200 р.

А всего съ 181008 р.—2462 р. 60 к.

дашняго губернатора Артакова, который находился въ сильной враждѣ съ городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Вопросъ о военныхъ постояхъ былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и служилъ предметомъ настойчивыхъ ходатайствъ и представленій со стороны городской думы. Губернаторъ не хотѣлъ давать ему движенія; тогда горожане рѣшились воспользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и связать его съ дѣломъ открытія университета или иначе съ личностью сильнаго тогда своимъ вліяніемъ на Имп. Александра Вас. Наз. Каразина; нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній съ своей стороны обѣщаль имъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Артаковъ въ свою очередь 11 октября 1802 г. протестовалъ противъ внесенія въ протоколъ горожанъ и купцовъ пункта объ отигощеніяхъ, причипяемыхъ воинскими командами. Въ засѣданіи губернскаго правленія (17 октября) онъ даже кричалъ и угрожалъ Урюпину, такъ что тотъ долженъ былъ внести протестъ объ этомъ въ городскую думу ¹⁾. И нужно сознаться, что харьковскіе граждане были дѣйствительно доведены до крайности военными постоями при Имп. Павлѣ. Съ первыхъ же дней его царствованія были введены въ Харьковъ 3 кавалерійскихъ полка—малороссійскій, харьковскій легкоконный и александрійскій гусарскій. „Для квартирнаго размѣщенія и устроенія этихъ полковъ въ городѣ была учреждена тогда же особая контора. На ея обязанность возложено было построеніе каменныхъ казармъ; шефамъ и командирамъ были куплены, отдѣланы и меблированы частные дома—Мордвинова, Чайковского, Титова, Солнцева и др. Въ городѣ устроились заставы, шлагбаумы, ордонансъ-гаузъ кордегардіи, манежи, часовые, будки и гауптвахты. До постройки казармъ размѣщеніе самыхъ войскъ по преимуществу было сосредоточено за р. Харьковомъ въ заселенныхъ участкахъ Вознесенскаго прихода и Немышлинской пригородной слободы“ ²⁾. „Такая постоянная повинность, говорить г. Устиновъ, обременительная по своимъ размѢрамъ въ высшей степени, дѣлалась невыносимою вслѣдствіе неравномѣрнаго и пристрастнаго распредѣленія ея для городскихъ жителей. Несмотря на то, что законъ прямо требовалъ размѣщенія военныхъ чиновъ по всѣмъ обывательскимъ дворамъ безъ исключенія, размѣщали ихъ только по дворамъ бѣднѣйшихъ и безчиновныхъ. Понятно, что при несоразмѣрно большомъ составѣ квартировавшихъ тогда въ Харьковѣ войскъ и при отно-

¹⁾ Устинова. Харьковск. Старина (Харьк. Губ. Вѣд. 1878, № 23).

²⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 80—81).

сительно незначительномъ числѣ жилыхъ домовъ (1983 дома)¹⁾ въ городѣ, постояи, соединенные съ обязанностью давать еще даромъ дрова, свѣчи и т. п., могли разорить въ конецъ и безъ того небогатыхъ горожанъ тогдашняго Харькова“²⁾. Неудивительно, что съ воцареніемъ Имп. Александра харьковскіе обыватели послали въ Москву депутатомъ своего городского голову Урюпина и поручили ему ходатайствовать передъ новымъ Государемъ объ уничтоженіи постоянныхъ повинностей; это же ходатайство они внесли и въ протоколъ, касающійся университетскаго дѣла, и твердо стояли на своемъ законномъ правѣ входить съ ходатайствами къ верховной власти, несмотря на прямое противодѣйствіе губернатора. А власть губернатора надъ городской думой была тогда очень сильная. Эта послѣдняя должна была быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи. Объ этомъ между прочимъ свидѣлствуетъ слѣдующій фактъ. Шефъ драгунскаго полка Глазенахъ пожаловался на думу губернатору Сабурову (въ 1799 году) и этотъ послѣдній обратился къ ней съ предписаніемъ исполнить желаніе Глазенаха не позже какъ черезъ два дня, не отзываясь „недѣльными отзывами“, иначе „если послѣдуетъ хотя малѣйшее промедленіе, то присутствующіе думы не только отрѣшены будутъ отъ должности, яко неспособные, но и переданы сужденію по законамъ, какъ не исполнители предписаній начальства“³⁾. Такимъ энергичнымъ языкомъ считалъ возможнымъ губернаторъ говорить съ представителями „именитаго гражданства и купечества“! Губернаторъ Артаковъ заговорилъ съ Урюпинымъ такъ энергично, что тотъ долженъ былъ искать защиты сначала въ городской думѣ, а потомъ и у министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея. Сохранился текстъ жалобы, поданной Урюпинымъ министру внутреннихъ дѣлъ на Артакова, результатомъ которой была отставка этого послѣдняго⁴⁾ (въ ноябрѣ 1802 г.), а въ іюлѣ

1) Всѣхъ жителей мужеск. пола въ 1802 г. въ Харьковѣ было 5373, которые по сословіямъ распадались такъ: купцовъ 406, мѣшанъ и цеховыхъ—876, разнаго званія казенныхъ поселянъ—3415, помѣщичьихъ крестьянъ—413, неплатящихъ податей—дворянъ, священно-служителей—263 (см. изданное мною „Опис. Слоб. Укр. губ.“ 1802 г., стр. 16—17).

2) Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

3) Ibidem, стр. 82.

4) Ibidem, стр. 102—104. Пок. проф. Борисякъ, по воспоминаніямъ старика А. А. Абазы, лично присутствовавшего при открытіи университета, сообщаетъ о существованіи нѣкотораго недовѣрія у харьковскаго купечества „къ дворянской затѣѣ“. Не отрицая вполнѣ этого факта, тѣмъ не менѣе не считаемъ возможнымъ принять цѣликомъ рассказъ Абазы, потому что онъ изобилуетъ неточностями и анахронизмами; пожертвованіе отнесено къ 1804 г., между тѣмъ какъ на

1803 г. были отменены Имп. Александромъ и пресловутые плагбаумы, кордегардіи и т. п. ¹⁾).

Но въ сентябрѣ и октябрѣ 1802 г. Артаковъ былъ еще въ полной силѣ и рѣшительно подавлялъ всякій протестъ противъ воинскихъ постоевъ.

Представленіе объ освобожденіи Харьковскаго купечества и мѣщанства отъ воинскихъ постоевъ на 10 лѣтъ со времени основанія университета было дѣйствительно сдѣлано Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, но Императоръ Александръ не считалъ возможнымъ его удовлетворить въ полной силѣ, хотя и объявилъ все таки, что „во уваженіе не обстроенаго еще положенія сего города и во вниманіе къ заводимому въ немъ университету, при расположеніи войскъ по квартирамъ, всегда будетъ наблюдаемо со стороны правительства, чтобы городъ безъ крайней нужды не былъ отягчаемъ воинскимъ постоемъ, о чемъ сообщено и военному министру (13 декабря 1803 г.) ²⁾. Въѣздъ съ симъ, согласно разъясненію губернатора Артакова, государь нашелъ затруднительнымъ для Харьковскаго купечества обязательный ежегодный взносъ половины винной откупной суммы, такъ какъ это обязательство могло бы впоследствии поставить городъ въ затруднительное положеніе, и предложилъ, чтобы опредѣленіе объ этомъ дѣлалось ежегодно въ зависимости отъ городскихъ доходовъ и расходовъ ³⁾ (25 мая 1803 г.).

Цеховые и мѣщане, еще болѣе обремененные этой тяжелой повинностью не сочли возможнымъ сдѣлать пожертвованія на университетъ и отклонили предложеніе, сдѣланное имъ въ этомъ смыслѣ городской думой. Въ

самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто въ 1802 году; городскимъ головою названъ Карповъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ былъ Урюпинъ; малолѣтній сынъ купца Спасскаго (крошка Иванъ) будто бы произнесъ передъ публикой рѣчь, которая произвела огромное впечатлѣніе и вызвала пожертвованія..., между тѣмъ какъ въ извѣстномъ намъ официальномъ собраніи купцовъ и гражданъ (1-го сент.) малолѣтній Спасскій вовсе не могъ говорить никакой рѣчи; купечество, вопреки утвержденію автора воспоминаній, приняло на себя обязательство дѣлать взносы въ теченіе 10 лѣтъ (кромя частныхъ пожертвованій). Быть можетъ, рассказъ имѣетъ какое либо реальное основаніе, но только относится къ другому (болѣе позднему) моменту и происходилъ при другой обстановкѣ. См. статью Н. Д. Борисяка „Изъ прошедшаго“ (Х. Г. Вѣд., 1873 г., № 140). О купцѣ Спасскомъ документально извѣстно только, что онъ въ 1804 году пожертвовалъ на университетъ 500 руб. (Харьк. Унив. архивъ. Дѣла канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

¹⁾ Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

²⁾ Харьк. университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя, № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

³⁾ Ibidem.

отвѣтъ на обращеніе городской думы магистратъ писалъ, что цеховое общество понимаетъ очевидную пользу отъ учрежденія въ Харьковѣ университета; оно знаетъ, что вслѣдствіе этого умножится городское населеніе, увеличится торговля, обороты денегъ, промыслы; но, отбывая лично и общественно разнообразныя повинности (государственныя и городскія) и въ особенности содержа постой, они едва въ состояніи пропитать самихъ себя и потому денежнаго пособія на университетъ сдѣлать не могутъ. Подписались—ратманъ Иванъ Бутенковъ и секретарь Егоръ Майстренко (20 октября 1802 г.) ¹⁾. Точно въ такомъ же смыслѣ отозвалось и мѣщанское общество въ отвѣтъ на предложеніе городничаго ²⁾. Тутъ, какъ мы видимъ, было сочувствіе благому дѣлу, но не было ни малѣйшей возможности оказать ему матеріальной поддержки. О сочувствіи низшихъ слоевъ Харьковского общества къ учрежденію университета краснорѣчиво и наглядно свидѣтельствуетъ пожертвованіе *войсковыхъ обывателей*, т. е. потомковъ бывшихъ слободскихъ казаковъ. Подражая примѣру дворянъ и гражданъ, они уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 десятинъ по Сумскому шоссе изъ дачи, пожалованной предкамъ ихъ, слободскимъ казакамъ, и обмежеванной къ городу Харькову ³⁾. Земли эта еще въ 1-й половинѣ

¹⁾ Устинова. Харьковская Старина (Х. Г. В. 1878, № 23).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Вотъ сдѣланный нами списокъ съ подлиннаго крѣпостного акта, хранящагося при дѣлахъ университета.

По указу Его Императорскаго Величества въ слободо-украинской палатѣ гражданскаго суда по выслушаніи предложенія г. дѣйств. статск. сов. здѣшняго гражданскаго губернатора, коимъ прописывается: харьковское общество войсковыхъ обывателей прошлаго 1804 г. апрѣля 8-го числа заключило приговоръ такого содержанія, что какъ дворянство слободо-украинской губ., купечество и мѣщанство учинили приношеніе въ пользу Харьковского университета, первые изъ собственности, а послѣдніе изъ городскихъ доходовъ и добровольныхъ складокъ и удостоено оное всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества благоволенія, то и они, чувствуя Высокомоушнія милости, изливаемые на здѣшній край, ознаменованныя и самимъ учрежденіемъ здѣсь для народнаго просвѣщенія университета, ревностно желаютъ подражать примѣру дворянъ и купечества, въ засвидѣтельствованіи ихъ усердія и всеподданнѣйшаго повиновенія, но будучи неумиши составить отъ себя денежную сумму, полагаютъ, буде строеніе университета назначится въ урочищѣ помѣткахъ по Сумской дорогѣ, то землю подъ оный въ дачѣ, обмежеванной къ городу Харьковъ въ ихъ владѣніе, пожалованной предкамъ ихъ слободскимъ казакамъ, отвѣсть не требуя никакого удовлетворенія съ вершины оврага Глибокаго отъ дороги, лежащей изъ слободы Лозовой въ Харьковъ, шириною до межи помѣщика Бондаревского и хутора Клочковского, а длиною отъ

оврага Глибокаго до предѣловъ города, не распространяя однакожъ того приговора на законныя помѣщичьи полосы, лежащія внутри той земли, каковой приговоръ и поручили волостному ихъ головѣ и двумъ изъ войсковыхъ обывателей представить къ нему господину губернатору и просить: буде означенное мѣсто признано будетъ способнымъ, не оставить куда надлежитъ представленіемъ, что самое оной голова съ обывателями и исполнили. Онъ г. губернаторъ, удостовѣривъ о единодушномъ согласіи на сіе приношеніе наличнаго харьковскихъ обывателей общества, писалъ о томъ къ г. попечителю университета. Получа же отъ него отзывъ, что онъ рѣшился избрать оное для расположенія университета и всѣхъ зданій къ оному принадлежащихъ, доносилъ объ ономъ г. министру внутреннихъ дѣлъ его сіятельству графу Виктору Павловичу Кочубею, съ представленіемъ при томъ и плана означенной земли, лежащей по Сумской изъ Харькова дорогѣ въ урочищѣ помѣркахъ и содержащей въ себѣ кромѣ помѣщичьихъ полосъ, внутри ея состоящихъ, всего сто двадцать пять десятинъ шестьсотъ тридцать девять сажень, испрашивая касательно отвода ея подъ университетъ разрѣшенія. Въслѣдствіе чего и имѣлъ счастье получить въ 12-й день іюня 1804 г. Высочайшее именное Его Императорскаго Величества повелѣніе о объявленіи Харьковскимъ войсковымъ обывателямъ, уступающимъ въ пользу Харьковского университета землю, особеннаго Его Величества благоволеніе и объ отдачѣ оной земли въ распоряженіе университета по принятіи ее надлежащимъ образомъ. Нынѣ жъ правленіе онаго университета относится къ нему г. губернатору о доставленіи оному на объясненную уступленную обывателями землю слѣдующаго укрѣпленія; въ разсужденіи чего онъ г. губернаторъ предлагаетъ сей палатѣ о выдачѣ университету на ту землю на законномъ основаніи данной учинить свое опредѣленіе и его о послѣдующемъ увѣдомить. Въслѣдствіе чего по заключенной въ сей палатѣ резолюціи истребована чрезъ Харьковского городничаго съ приговора, учиненнаго Харьковского общества войсковыми обывателями кошія, изъ которой явствуетъ, что они, обыватели, выше прописанную землю по согласію общества отдали подъ построеніе Харьковского университета. Изъ присланной же Харьковскимъ пжинымъ земскимъ судомъ оцѣнки, учиненной посторонними дворянами оной землѣ, значить, что по личному той земли обозрѣнію имѣется въ числѣ оной не малое количество песчаной, а на нѣкоторой части порыты ямы во время дѣланія кирпича, въ иныхъ же мѣстахъ отъ полой воды подѣлались глубокіе и обширные рвы, то хотя сія земля по состоянію ея близъ города стоитъ вышей цѣны противъ прочихъ мѣстъ, по въ разсужденіи немалаго числа вышеозначенной неудобной, полагають цѣновщики всей оной, сколько по приговору отдано, равную по сложности цѣну каждой десятинѣ по десяти рублей, почему и составитъ за сто двадцать пять десятинъ съ саженьми всего тысяча двѣсти шестьдесятъ рублей. Потомъ правленіе Императорскаго Харьковского университета отношеніемъ сей палаты дало знать, чтобы слѣдующую университету на упомянутую землю данную выдать подъ росписку синдика адъюнкта Васильева, которому на совершеніе оной данной и пошлинные деньги вручены; для того въ палатѣ 1805 г. іюня 30-го опредѣлено: какъ указомъ 1774 г. января 27 дня повелѣно: „Давные выдавать во всемъ на таковомъ основаніи, на какомъ даются обыкновенныя крѣпости, то есть на бумагахъ такихъ цѣнъ, какія по количеству суммы на крѣпости употребляются, и при совершеніи оныхъ пошлины взыскивать; для того на упо-

XVII вѣка представляла изъ себя *дикое поле*; его отвоевали, а потомъ грудью защищали отъ татаръ предки жертвователей ¹⁾). Конечно, когда они дѣлали свое пожертвованіе, земля эта стоила не дорого, но въ настоящее время цѣнность этихъ 600000 квадратныхъ сажень городской и пригородной земли равняется сотнямъ тысячъ рублей, а въ послѣдствіи должна возрасти еще больше; но еще важнѣе то, что, благодаря этому дару, университетъ имѣетъ возможность нынѣ расширить свои учебно-

манутую отданную Харьковскими обывателями здѣшнему университету землю ко владѣнію па имя онаго университета во всемъ на основаніи онаго 1774 г. указа отъ крѣпостныхъ сей палаты дѣлѣ данную со взятѣмъ съ цѣны тысячи двухъ сотъ шестидесяти рублей указныхъ пошлинъ на бумагѣ по цѣиѣ той суммы съ запискою въ крѣпостной книгѣ съ роспискою адъютнту Васильеву выдать, почему ему Васильеву изъ упомянутой палаты и выдана іюля 3 дня 1805 г. Свѣдѣніи Григорій Полтавцевъ“.

1) При этомъ владѣльцевъ этихъ участковъ пришлось удовлетворить изъ другихъ дачъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій актъ: „1808 г. іюля 1-го дня мы нижеподписавшіеся выбранные отъ общества повѣренные Степанъ Демьяненко и Иванъ Панамаренко дали сію сказку Харьковскому войсковому обывателю Павлу Рохману, съ братьями его въ томъ, что въ сходство учиненнаго въ Харьковскомъ волостномъ правленіи прошлаго 1805 года мая въ 8-й день письменнаго приговора за отшедшую его Павла съ братьями ихъ Рохмановыхъ *старозаимочной* землѣ одного загопа, состоящей въ урочищѣ помѣркахъ, поднесенной въ даръ для построенія Императорскаго Харьковского университета, отдали мы ему Рохману съ братьями его въ замѣнѣ изъ числа общественной земли первый загонъ, состоящій въ урочищѣ за Мокрымъ Жихоромъ по надѣ дорожкой, пролагаемой отъ Безлюдовской межи до хуторовъ Федѣрцевыхъ вдоль до лощины, которая пролагаетъ теченіе до Драгомироваго хутора; въ немъ мѣры длиннику 94, поперечнику 52 треаршинныхъ саженей, которымъ загономъ владѣть имъ Рохмановымъ и наслѣдникамъ ихъ вѣчно и безъ всякаго и отъ кого противорѣчія, а намъ равно по прописанному приговору и вѣрителямъ нашимъ Харьковскаго общества обывателямъ кромѣ ихъ Рохмановыхъ до того загона не втручаться и дѣла не имѣть, въ чемъ и даемъ сію сказку и подписуемся (слѣдуютъ ихъ подписи). Здѣсь любопытно указаніе на старозаимочныя участки, вмѣсто которыхъ владѣльцамъ отводятся другіе въ полную вѣчную собственность. Очевидно, что и прежними старозаимочными клочками войсковые обыватели также владѣли въ качествѣ собственниковъ; отчужденіе же ихъ послѣдовало, по согласію всего общества и ихъ владѣльцевъ. (Документъ этотъ находится въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ). Пришлось также снести усадьбы многихъ собственниковъ и за нихъ уплатить имъ деньги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ „вѣдомость дворамъ близъ г. Харькова въ выселкѣ, называемомъ Пески, съ показаніемъ, кто именно за какую цѣну согласился снести свою усадьбу на другое мѣсто весною 1805 года“. Всего изъявило согласіе 45 владѣльцевъ и получило вознагражденіе 3017 р. (отъ 250 до 7 р.). Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Всего предполагено было затратить на отчужденіе земель 5965 руб.

вспомогательныя учрежденія. Государь, по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, велѣлъ выразить жертвователямъ свое благоволеніе ¹⁾.

Дворянство Екатеринославской губ. сдѣлало также добровольное пожертвованіе на Харьковскій университетъ въ размѣрѣ 108260 р. 12½ к., распредѣливъ выдачу этой суммы на 10 лѣтъ (ежегодно по 10103 р. 11¼ коп. и 722 р. 90 к. процентов); а помѣщики Павлоградскаго уѣзда полк. Хандалѣвъ, кап. Протопоновъ, поручикъ Товбичевъ и прапорщикъ Суковкинъ опредѣлили ежегодно вносить 1-й по 10 коп. съ души (пока имѣніе будетъ въ его родѣ), а другіе по 20 к. въ теченіе 10 лѣтъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ на дворянскомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ въ январѣ 1803 года.

„Дворянство Екатеринославское, пишетъ въ письмѣ своемъ къ попечителю Потоцкому Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства, ощущая съ благоговѣніемъ величайшее и всемилостивѣйшее Е. И. В. покровленіе къ учрежденію въ полуденномъ краю Россіи Харьковского университета, открывающее путь ко всеобщему просвѣщенію и сносиѣ-

¹⁾ Сохранилось любопытное письмо—прошеніе жертвователей къ попечит. Потоцкому (отъ 23 мая 1804 г.). „Въ повелѣніи г. слободскаго украинскаго гражданскаго губернатора имѣли мы счастье получить, что жертва наша земли въ урочищѣ помѣркахъ по Сумской дорогѣ съ вершинѣ Глибокаго оврага отъ дороги, идущей изъ слободы Лозовой въ Харьковъ, шириною до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Ключковскаго, а длиною отъ оврага Глибокаго до предѣловъ города, подъ Харьковскій университетъ, которая сподобилась благоволенія вашего сіятельства и что вы, милостивѣйшій государь, не оставите доложить о томъ, чрезъ кого слѣдуетъ, Всемилостивѣйшему Государю Императору, таковое милостивѣйшее вниманіе вашего сіятельства на насъ извлекаетъ изъ душъ нашихъ всечистѣйшую благодарность и осмѣливаетъ робкія сердца наши пролить всенекоривѣйшія молебны о многомощномъ представительствѣ Вашемъ у г. Внутреннихъ Дѣлъ Министра, дабы благоволилъ по поданнымъ отъ насъ къ нему жалобамъ о нарушеніи откуномъ законнаго нашего виннаго права, о разореніи насъ безпрогонными подводами, о налогахъ для города, не по закону съ насъ взимаемыхъ, и о законахъ улицъ и дворовъ нашихъ, скорое и милостивое учинить законное и прочное окончаніе. Знаемъ, сіятельнѣйшій графъ, что молебны наши не легки, но опытами увѣрены уже мы въ благодушіе и правдолюбіе вашего сіятельства и въ томъ, что вы болѣе насъ свѣдомы, колѣно мы обижены и притѣснены не правосудно въ правахъ нашихъ и въ собственности. Съ благоговѣйнымъ молчаніемъ и преданностью имѣемъ счастье быть потомственно, ваше сіятельство, всенижайшіе слуги (общество захарьковскихъ, залопанскихъ и Ивановскихъ слободъ войсковыхъ обывателей: волостной голова Иванъ Покозѣй, Лаврентій Коврига, Иванъ Решитьковъ, Иванъ Фостыковъ, Иванъ Леусъ, Ѳеодоръ Панамаренко, Ѳеодоръ Клименко, Герасимъ Головченко, Григорій Шведовъ, Марко Клименко, Василій Сѣрикъ, Степанъ Рѣпка, Навель Ключка, Григорій Горбань, Дорофей Мотузокъ, Филиппъ Боровой, Максимъ Олеференко)“. Харьк. унив. архивъ. Дѣло

шествуя Высочайшимъ намѣреніямъ, возжелало показать искреннее участіе въ заведеніи семъ пособіемъ денежнымъ безъ налога на крестьянъ, но отъ собственныхъ своихъ избытковъ и опредѣлило дать отъ имѣній дворянскихъ по числу душъ ревизскихъ и послѣ оной причисленныхъ отъ каждой по 1 рублю въ теченіе 10 лѣтъ, внося оную ежегодно въ капиталъ по 10 коп. Каковое положеніе дворянскаго собранія не приводя въ дѣйство по небытію всѣхъ вообще дворянъ въ собраніи пре-
провождено было отъ меня на основаніи опредѣленія дворянскаго собра-
нія къ гг. уѣзднымъ дворянскимъ предводителямъ—Екатеринославскому, Новомосковскому, Павлоградскому, Ростовскому и Бахмутскому для оповѣщенія онаго всему въ губерніи пребывающему дворянству и при-
глашенія ихъ въ участіи семъ, дабы тутъ ознаменовалась каждого дво-
рянина добрая воля, а не одно положеніе дворянскаго собранія.

Содѣйствіемъ гг. уѣздныхъ дворянскихъ предводителей дворянство, и въ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ съѣхавшееся, по приглашенію предводителя подтвердило подписками положеніе сіе, въ чемъ гг. пред-
водители отзывами своими ко мнѣ удостовѣрили, опредѣливъ—первые
четыре уѣзда внести таковую сумму по числу крестьянскихъ душъ отъ
имѣній дворянскихъ не сборомъ каковымъ либо, но отъ собственныхъ

канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Мы нарочно привели въ подлинномъ видѣ этотъ документъ, любопытный и по содержанію, и по языку. Откупная система дѣйствительно существеннымъ образомъ нарушала ихъ искон-
ныя права по части свободнаго винокурения и они надѣялись добиться такой же подтвердительной грамоты, какую получило Харьковское дворянство, такъ какъ въ старину этой привилегіей они пользовались наравнѣ со своей старши-
ной, превратившейся теперь въ дворянство. Добиваться обычнымъ порядкомъ
возстановленія своихъ правъ они не могли; оставался тотъ экстраординарный
способъ, какимъ пользовалось уже гражданство: дѣйствовать при посредствѣ но-
ваго училищнаго начальства и связать свое ходатайство съ пожертвованіемъ на
университетъ. Они сами прекрасно сознавали, что дѣло ихъ не легкое, но уто-
пающій хватается за соломинку; такой соломинкой былъ для нихъ графъ Потоц-
кій, къ которому они и обратили свои „робкія сердца“. Высочайшая благодар-
ность черезъ министра внутреннихъ дѣлъ была передана имъ 9-го іюня 1804 г.;
такую же благодарность одновременно съ этимъ получили гр. Подгоричани, кол.
сов. Квитка и дворяне Павловы, уступившіе даромъ свои земельные участки подъ
будущій университетъ 12-го сентября 1804 г. Министръ внутреннихъ дѣлъ извѣ-
щалъ Потоцкаго о выраженіи Высочайшаго благоволенія ген. Хорвату (за по-
жертвованнаго имъ 5000 тысячъ р.) и о назначеніи изъ кабинета Высочайшихъ
подарковъ тремъ старшинамъ войсковыхъ обывателей и губернскому землемѣру
Драгомиру; старшины получили сукна на кафтаны съ галунами, а что было дано
землемѣру Драгомиру, мы къ сожалѣнію не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ ока-
залъ въ дѣлѣ отвода земли университету очень важныя услуги.

помѣщичьихъ доходовъ ежегодно по 10 к. съ однимъ процентомъ, а Бахмутскіе вмѣсто расположенія на души отъ земли по числу состоянія оной за помѣщиками отъ каждой десятины удобной по $4\frac{1}{16}$ коп. въ теченіе 10 лѣтъ; каковой и причитается ко взносу ежегодно по числу душъ отъ уѣздовъ—Екатеринославскаго съ 22095 д. 2430 р. 45 к., Новомосковского съ 17898 д. 1968 р. 78 к., Павлоградскаго съ 27647 д. 3041 р. 17 к., Ростовскаго съ 4650 д. 511 р. 50 к. и Бахмутскаго отъ земли 2874 р. $17\frac{1}{4}$ к., а всего въ годъ капитала 10103 р. 11 коп., процентовъ 722 р. 90 к., а въ 10 лѣтъ капитала и процентовъ 108260 р. $12\frac{1}{2}$ коп. Сія сумма по назначенію отъ начальства вноситься будетъ ежегодно въ то мѣсто, куда опредѣлено будетъ. О чемъ донесено было всеподданнѣйше Е. И. В. отъ управляющаго здѣшней губерніей г. вице-губернатора П. И. Невѣровскаго, а я имѣлъ честь представить о всемъ томъ мин. внутр. дѣлъ Е. С. В. П. Кочубею и въ соотвѣтствіи того, каковы послѣдовали къ нему г. Невѣровскому и ко мнѣ высочайшіе рескрипты, имѣю честь представить Вашему Сіятельству копій.

Покровительство и попеченіе Вашего Сіятельства на распространеніе народнаго просвѣщенія удостовѣряетъ Екатеринославское дворянство, что оно восчувствуетъ ваше благодѣяніе распространеніемъ и на здѣшнее губернское народное училище въ открытіи предложенной по высоч. конфирмованному прошлаго 1803 г. января 24 доклада гимназіи. Ананій Струковъ (5 апрѣля 1804 г.). Съ подлиннымъ свѣрять кол. сов. В. Каразинъ ¹⁾. Суммы собирались уѣздными предводителями и отсылались въ университетъ.

Даръ Екатеринославскаго дворянства былъ принять съ благоволеніемъ государемъ и оно удостоилось слѣдующаго милостиваго рескрипта: „принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Екатеринославскаго благороднаго дворянства, опредѣлившаго въ пользу учреждаемаго въ Харьковѣ университета составить единственно отъ избытковъ своихъ, безъ отягощенія крестьянъ налогомъ, довольно значущее приношеніе, я поручаю вамъ изъявить за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію отличное мое благоволеніе, какъ всему Екатеринославскому дворянству вообще, такъ и въ особенности предводителямъ онаго, въ знакъ уваженія моего къ сему похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ вашего въ качествѣ предводителя, я призналъ за благо пожаловать васъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, коего знаки при семъ для возложенія на васъ препровож-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло № 19 (по архиву), № 2 (по картону); ср. Дѣло поп. канц. № 1 (по архиву) и № 1 (по картону), стр. 41—42.

даю“ ¹⁾. Въ указѣ на имя губернатора государь прибавлялъ: „что же принадлежить до распространенія па дѣтей Екатеринославскаго дворянства тѣхъ преимуществъ, какія для Харьковскаго благороднаго юношества по части ученія будутъ предоставлены, то какъ на основаніи общихъ о просвѣщеніи постановленій, такъ и особенно приносимымъ нынѣ въ пользу онаго пожертвованіемъ Екатеринославское благородное юношество неоспоримое прибрѣтаетъ на нихъ право (30 января 1804 г.)“ ²⁾.

Сборы дѣйствительно и стали поступать, хотя правильность ихъ нѣсколько нарушалась сложностью самой процедуры: университетъ долженъ былъ слѣдить за исправнымъ поступленіемъ ихъ отъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

Херсонское дворянство откликнулось на призывъ только 21 мая 1806 г., т. е. тогда, когда университетъ былъ уже открытъ, ассигновавъ для него 40500 р., какъ это видно изъ слѣдующаго его протокола: „хотя мы и въ немаломъ нынѣ изнеможеніи отъ неурожаевъ, которые чрезъ многіе прошедшіе годы потеряли, и чувствуемъ отъ бывшихъ особливо же въ истекшемъ годѣ существовавшаго недорода, саранчи и жестокихъ зимъ, истребившихъ знатнымъ числомъ скотоводство и доведшихъ крестьянъ нашихъ до разстроеннаго состоянія, но при всѣхъ нашихъ истинныхъ чувствованіяхъ монаршихъ благодѣяній, усердствуя къ исполненію воли Государи Императора къ заведенію сихъ училищъ, общую дворянскую выгоду и пользу составить имѣющихъ, взнестъ единойды на всегда съ каждаго мужскаго пола души за дворянами въ здѣшней Херсонской губерніи нынѣ состоящія по одному рублю, что и составитъ 81000 р., распредѣляя оныя по равной половинной части на военное училище и Харьковскій университетъ, т. е. по 40500 р., по сборъ оныхъ не съ душъ и не вдругъ, а изъ собственныхъ хозяйственныхъ доходовъ и стяжаній произвести въ теченіе 10 лѣтъ, взнеся ежегодно въ капиталъ по числу состоящихъ за помѣщиками душъ за каждую по 10 коп., не отнимая воли, ежели кто пожелаетъ, и всѣ слѣдующія съ нихъ деньги взнестъ, начавъ сборъ сей съ будущаго 1-го января 1807 г.“ ³⁾.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву) и № 1 (картона).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Впрочемъ, скоро Херсонское дворянство раскаялось въ назначеніи суммъ Харьковскому университету и желало обратить ихъ на устройство уѣздныхъ училищъ въ губерніи (ibidem).

Значительно раньше, подражая примѣру Харьковскаго гражданства, ассигновали извѣстныя суммы, въ зависимости отъ своихъ скромныхъ средствъ, и нѣкоторые уѣздные города Харьковской губерніи. Балковское купечество и гражданство обязалось вносить въ пользу университета со дня приговора (18 ноября 1802 г.) ежегодно изъ доходовъ за винный откупъ по 1000 р. и сверхъ того остатокъ прежней суммы, которой накопилось 4027 р.; Богодуховское купечество и гражданство—1000 р. ежегодно и 7549 р. 50³/₄ к. остатка; Ахтырское купечество также 1000 р. ежегодно; Лебединское единовременно 300 р.; Сумскіе жители положили ежегодно давать по 148 р. да единовременно ¹⁾ 10; Зміевскіе единовременно 35 р.; Купянское купечество постановило взнести въ пользу университета 2000 р., причитающихся имъ за домъ, купленный въ Харьковѣ у Мордвинова г. губернаторомъ Тепловымъ; итого ежегодно выходило по 3148 р. и единовременно 9921 р. 50³/₄ к. ²⁾.

Въ теченіе 10 лѣтъ такимъ путемъ должна была составиться сумма свыше 40 т. рублей.

Наконецъ, кромѣ сословія отделились на призывъ къ пожертвованіямъ и отдѣльныя личности; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже отмѣчены прежними изслѣдователями; я же имѣю возможность представить полный списокъ этихъ „благодѣтелей“. Слоб. Укр. губернский предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій пожертвовалъ въ 1805 г. 500 р., Харьковскій купецъ Снасскій—500 р. (въ 1804 г.), Харьковскій купецъ Каменевъ—200 р. (въ 1803 г.), обыватель Купянскаго уѣзда Юшковъ—200 р. (въ 1805 г.) ³⁾, коллежская асессорша Суровцова—150 р. (въ 1806 г.), Калуж. купецъ Мишуковъ—100 р. (въ 1804 г.); итого единовременно 1650 р.; ген.-лейтен. Осипъ Ивановичъ Хорватъ—5000 р. (въ 1803 г.) (въ теченіе 5 лѣтъ), Харьковскій именитый гражданинъ Аникѣевъ—3000 р. (въ 1803 г.), изъ коихъ 1000 р. немедленно, а 2000 р. въ 4 года по 500 р. ⁴⁾; всего отъ

¹⁾ Вотъ имена болѣе крупныхъ жертвователей: тит. сов. Ал. Гродницкій—15 р., Ел. Солодченковъ—15 р., прапорщикъ Як. Ефремовъ—10 р., затѣмъ идетъ рядъ лицъ, внесшихъ по 5 р., по 2 р. и по 50 коп.; всѣхъ 32 чел., въ томъ числѣ одна женщина Авдотья Чечулина (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 по архиву, № 1 по картону).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Войсковой обыватель Куп. уѣзда, писалъ Донецъ-Захаржевскій, Василій Юшка, въ изъявленіе усердія своего къ народному просвѣщенію представилъ въ пользу Харьк. Университета 200 р., а по истеченіи 4-хъ лѣтъ будетъ вносить по 50 р. пожизненно (ibidem).

⁴⁾ Харьк. унив. арх. Дѣла попеч. канц., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

частныхъ благотворителей—9650 р. Были пожертвованія отъ частныхъ лицъ и землями—именно отъ графини Подгоричани, кол. сов. Квитки, дворянъ Павловыхъ. Они находятся въ связи съ уступкою обществомъ войсковыхъ обывателей участка земли по Сумскому шоссе. О нихъ можетъ дать понятіе слѣдующее письмо графини Подгоричани на имя попечителя Сев. Осип. Потоцкаго: „Господинъ губернской землемѣръ Драгомиръ объявилъ мнѣ, писала графиня, что чрезполосная земля моя, лежащая близъ города Харькова, за кантемировскимъ садомъ, можетъ быть для университета нужною, ежели мѣсто для строенія его избрано будетъ въ той части; вслѣдствіе чего честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, ежели дѣйствительно земля сія для университета будетъ надобна, то я съ великимъ удовольствіемъ въ пользу онаго ее отдаю безъ всякаго удовлетворенія. Мнѣ весьма пріятно, что при семъ имѣю случай засвидѣтельствовать вашему сіятельству отличное мое къ вамъ почтеніе и преданность, съ которыми честь имѣю быть. Варвара Подгоричани (14 апрѣля 1804 г.)“¹⁾.

Такимъ образомъ, сумма всѣхъ денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658000 р. (400000 р. отъ Харьковскаго дворянства, 108260 р. отъ Екатеринославскаго, 60000 р. отъ Харьковскаго городского общества, 40500 р. отъ Херсонскаго дворянства, 40000 р. отъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губ. и 9650 р. отъ частныхъ благотворителей). Сюда не входитъ земля, пожертвованная войсковыми обывателями въ количествѣ 125 дес., такъ какъ она не поддается болѣе или менѣе вѣрной оцѣнкѣ (оцѣнка ея въ крѣпостномъ актѣ представляется слишкомъ пизкой).

Такими значительными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ почти всѣ сословія—дворянство, купечество и гражданство, войсковые обыватели. Университетъ съ своей стороны отплатилъ имъ за это сочувствіе, воспитавъ нѣсколько поколѣній жителей г. Харькова, Харьковской губ. и всей полуденной Россіи; цеховые и мѣщане, какъ мы видѣли, также сочувствовали предпріятію В. Н. Каразина. Наконецъ, и духовенство, какъ мы увидимъ далѣе, отнеслось къ новому просвѣтительному учрежденію съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

И такъ, В. Н. Каразинъ достигъ поставленной цѣли: всѣ сословія Харьковской губ. и дворянство сосѣднихъ отнеслись сочувственно къ его плану; дворянство, и купечество и гражданство сдѣлали значительныя

¹⁾ Ibidem.

пожертвованія на университетъ, его „предначертаніе“ было одобрено украинцами; ему выдали благодарственный адресъ, довѣренности и копии протоколовъ; его избрали депутатомъ по университетскому дѣлу и даже ходатаемъ передъ престоломъ Императора Александра по нѣкоторымъ важнымъ сословнымъ нуждамъ. Теперь оставалось только ѣхать въ Петербургъ и дѣйствовать на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, не смотря на то, что онъ около этого времени (8 сентября 1802 г.) получилъ важный постъ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, личное довѣріе и расположеніе къ нему Императора Александра пошатнулось еще въ августѣ мѣсяцѣ до отъѣзда его въ Харьковъ, какъ это ясно видно изъ письма его къ Государю отъ 8 августа 1802 г. ¹⁾.

Пріѣхавши въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ хотѣлъ представить лично государю всѣ документы по дѣлу объ основаніи Харьковскаго университета, но доступъ во дворецъ былъ для него закрытъ—онъ долженъ былъ передать ихъ въ главное правленіе училищъ ²⁾. Дѣло Харьковскаго университета, по мѣткому замѣчанію одного изъ біографовъ В. Н. Каразина, „пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ“ ³⁾.

Начались справки, запросы въ разные вѣдомства; сношенія министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго съ мин. внутрен. дѣлъ Кочубеемъ. В. Н. Каразина все это замедленіе волновало, беспокоило; онъ пишетъ пространное и горячее письмо гр. Кочубею, гдѣ умоляетъ его сдѣлать докладъ государю о Харьковскомъ университетѣ ⁴⁾. Въ началѣ января 1803 года Каразинъ написалъ Кочубею новое письмо съ просьбою

¹⁾ Письмо это приведено Филадельфомъ Вас. Каразинымъ. (См. Рус. Стар. 1875, май, 79).

²⁾ Рус. Стар. 1875, май, стр. 79—80; тутъ помѣщено и письмо его къ Государю, гдѣ онъ указываетъ на пожертвованіе и проситъ Государя „рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи“.

³⁾ Ibidem, стр. 80.

⁴⁾ 4-го декабря 1802 г.; см. Рус. Стар. 1875, сент., 186; тутъ же между прочимъ говоритъ: „слишкомъ годъ неусыпно занимался я сею мечтою, двѣ тягостныя поѣздки предпринималъ я для нея. Наконецъ, она перешла въ событіе, она принята благосклонно монархомъ. Всѣ члены прежняго комитета, вмѣстѣ съ идеею учрежденія университетовъ, единогласно полагали одинъ изъ нихъ въ Харьковъ, руководствуясь къ сему мѣстнымъ лишь его положеніемъ; дворянство и гражданство сей губерніи не только предварили сіе мнѣніе особъ, но обнаружили неожиданный и понынѣ въ своемъ родѣ единственный порывъ патріотизма“. Въ заключеніе Каразинъ замѣчаетъ, если это пожертвованіе будетъ оставлено втунѣ, то это только докажетъ, что попытки частныхъ лицъ, клонящіяся къ общественному благу, суть ничто иное какъ безразсудство.

ускорить докладъ. Наконецъ, докладъ государю дѣйствительно состоялся и былъ имъ утвержденъ. 24 января 1803 г. состоялось Выс. опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета; тогда же созданъ Харьковский учебный округъ и опредѣленъ попечителемъ его графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

Въ промежутокъ же времени съ сентября 1802 г. по конецъ января 1803 г. были разрѣшены многіе вопросы, представленные Каразиннымъ отъ имени Харьковскихъ сословій. Еще 30-го сентября Харьковскій губернаторъ получилъ отъ государя рескриптъ слѣдующаго содержанія: „усмотрѣвъ изъ донесенія вашего расположеніе Слободскаго украинскаго дворянства взнести на устройство предполагаемаго въ Харьковѣ университета 400000 р., поручаю вамъ объявить дворянству за сей благонамѣренный его подвигъ мою признательность. Увѣрьте его, что мнѣ пріятно видѣть въ семъ новый опытъ любви его къ просвѣщенію и общественной пользѣ, но въ то же время изъясните ему упованіе мое, что вносящая на сіе заведеніе сумма составитъ единственно изъ избытковъ съ настоящихъ ихъ собственныхъ доходовъ и никакъ не обратится въ новый налогъ на поселянъ, ими владѣемыхъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ при отягощеніи крестьянъ не могу я согласиться на принятіе пожертвованій дворянства. Въ С.-П. сентября 30 дня 1802 года. На подлинномъ подписано собственною рукою Е. И. В. Александръ“ ¹⁾. Этотъ рескриптъ является еще новымъ доказательствомъ заботливости государя объ интересахъ крестьянъ. Въ связи съ нимъ нужно, конечно, поставить и запросъ министра внутр. дѣлъ гр. Кочубея, адресованный также Харьковскому губернатору. О немъ мы узнаемъ изъ отношенія губернатора къ губ. предводителю дворянства ²⁾.

¹⁾ Архивъ Харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета.

²⁾ „Его сіят. г. министръ внутр. дѣлъ въ предписаніи ко мнѣ изъясняетъ, что министръ просвѣщенія сообщалъ ему, что при общемъ соображеніи плана о заведеніи университетовъ, разсматривая предложеніе на установленіе университета въ Харьковѣ, кол. сов. Каразиннымъ представленное, находитъ онъ нужнымъ знать, на какомъ точно основаніи дворянство сей губерніи расположило добровольную на заведеніе сіе складку и что изъ имѣющихся донѣшъ о томъ у него свѣдѣній, не былъ онъ въ возможности удовлетворительно отвѣтствовать на сей вопросъ, а потому требуетъ доставить къ нему точное и подробное свѣдѣніе, какимъ образомъ дворянство къ сему предложенію приступило: изъ доходовъ ли своихъ собственныхъ положило оно составить сію складку и расчисленіе оной по душамъ, каждымъ помѣщикомъ владѣемымъ, не означаетъ ли новаго какого либо на крестьянъ налога или принято только для означенія той части, каковую каждый добровольно взнести обязался. Вслѣдствіе сего, изъясняя вамъ

Губернаторъ прекрасно зналъ, какъ должна составиться сумма пожертвованій въ 400000 рублей, и видѣлъ, что губернский предводитель ничего новаго сообщить ему не можетъ; тѣмъ не менѣе онъ требовалъ новыхъ объясненій...

Тутъ оказали свое дѣйствіе два обстоятельства—дѣло, поднятое предв. двор. Изюм. уѣзда Капустянскимъ, и тайное нерасположеніе губернатора къ предиріятію Харьковцевъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ приводимыя ниже письма губ. предводителя къ губернатору и В. Н. Каразину. „Сего числа, писалъ Донецъ-Захаржевскій Артакову, доставя вашему превосходительству на требованіе ваше о суммѣ, для университета въ Харьковѣ составляемой, свѣдѣніе, почитаю нужнымъ дополнить неоднократно мои донесенія. На счетъ переписки по сему Изюмскаго г. предводителя Капустянского я озабочиваюсь В. Пр. утрудить въ необходимости всею объ ней подробностію, дабы избѣжать могущихъ встрѣтиться непріятностей. Ваше превосходительство имѣвъ отъ меня точную копію съ приговора въ полномъ собраніи дворянства, бывшемъ по случаю добровольной складки для предполагаемаго университета въ Харьковѣ, общемою волею утвержденнаго, сказать мнѣ первоначально изволили, что Изюмскій предводитель сдѣлалъ доносъ противу онаго здѣшнему г. губернскому прокурору Евецкому, у котораго я просилъ о семъ свѣдѣніи, но онъ отвѣчалъ, что доноса не имѣетъ, а потомъ черезъ три дня В. Пр. сказать изволили, что и вы отъ Капустянского оный получили и напослѣдокъ неоднократно требовать изволили у меня свѣдѣнія, почему приговоръ дворянства названъ полнымъ собраніемъ, который доставленъ къ вамъ, никѣмъ даже и Капустянскимъ не возражаемый.

Г. Капустянский имѣлъ мое предложеніе, съ доставленіемъ отъ В. Пр. мнѣ присланной копіи съ предписанія бывшаго г. прокурора А. А. Беклешова, дабы онъ ѣхавъ въ Харьковъ предварительно на

такое г. министра внутрен. дѣлъ требованіе, прошу васъ доставить противу онаго полное и ясное свѣдѣніе (24 декабря 1802 г.)“. Въ отвѣтъ на это губ. предводитель объяснилъ: дворянство на предполагаемый университетъ въ Харьковѣ положило составить сумму 400000 р. собственно изъ своихъ доходовъ, а дабы каждый владѣлецъ по мѣрѣ своего имуществу равно участвовалъ, расчисленіе, что кому платить причитается, означено по числу душъ за каждымъ написанныхъ, какъ то въ приговорѣ, въ полномъ собраніи дворянства по предмету сему бывшемъ сентября 1-го числа подписанномъ, означено, съ коего копію къ вашему превосходительству доставилъ (декабря 30 1802 года). (Ibidem). Губернаторъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ, потребовалъ прямого отвѣта на запросъ министра. Предводитель дворянства далъ ему прежній отвѣтъ (4 января 1803 года).

дому своему въ уѣздѣ трактовалъ съ дворянствомъ о составленіи добровольной складки; то могъ ли онъ безъ нарушенія должности, не подписавъ приговора или не возража оному, буде былъ на то уполномоченъ, ѣхать изъ собранія, а потомъ собирать безъ позволенія дворянства и дѣлать въ уѣздѣ приговоръ на положеніе цѣлой губерніей учиненное. Неподписаніе Капустянскимъ общаго приговора въ собраніи относилъ я къ строптивости и неприличному его поведенію, которое укротить на основаніи высокой грамоты, пожалованной дворянству, не затрудняя правительства, предоставлялъ я предложить при первомъ съѣздѣ дворянства; непозволенный же созывъ дворянства и учиненная нѣкоторымъ числомъ подписка противу общаго положенія, отъ которой и подписавшіе съ нимъ оную отрекаются, отписывая ко мнѣ нѣкоторые, что они вовлечены г. предводителемъ къ подпискѣ по сокрытію отъ нихъ общаго въ губерніи согласія, что есть преступленіе его должности, которое и болѣе было бы обнаружено требуемыми отъ Капустянского бумагами, коихъ онъ по многимъ моихъ требованіяхъ не доставляетъ собранію дворянства; о чемъ уже двукратно утруждать я ваше превосходительство. Послѣ всего сего и когда ваше превосходительство сами видѣли Капустянского совершенно неприличные въ вамъ и даже самому себѣ обидные отзывы, мнѣ остается просить еще о строжайшемъ предписаніи г. предводителю Капустянскому доставить требуемая собранію отъ него бумаги, которыя раскроютъ разнорѣчіе въ донесеніяхъ (30 дек. 1802 г.)¹⁾.

Гораздо откровеннѣе выражался Донецъ-Захаржевскій въ конфиденціальномъ письмѣ къ В. Н. Каразину. „Васъ, конечно, удивить, писалъ онъ къ нему, столько-жъ, какъ и меня, благорасположеніе г. губернатора нашего къ Капустянскому, которое я нахожу о немъ въ перепискахъ, ибо то, что только служить къ одобренію Капустянского, все, даже и съ собственныхъ его бумагъ и моихъ выпущено или-же переображено и какъ таковыхъ свѣдѣній я не могу имѣть формально, то прилагаю къ вамъ точныя копія съ моихъ къ г. губернатору отношеній и Капустянского; прошу васъ, мил. гос., яко депутата нашего сообразить оныя и буде найдете противурѣчія съ оными, или приданный тонъ видамъ, представить подлежащія его сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ объясненія, для чего и копія съ писемъ, потребныя къ сему, вклячаю. Я подозрѣваю весьма въ согласіи съ Капустянскимъ по отзывамъ о немъ г. прокурора Евецкаго тѣмъ паче, что онъ и при подрядахъ на города здѣшніе имѣлъ подставнаго съ аттестатами своего

¹⁾ Ibidem.

тестя и соглашалъ на кондиціи, противныя правамъ, пожалованнымъ здѣшнему краю, ибо какъ возможно, вѣдая поступки Канустянского и когда онъ неоднократно видѣлъ его въ развращенномъ состояніи, говорить о немъ съ одобреніемъ. Мнѣ очень прискорбно, что я васъ затруднить долженъ, равно и вы пожалѣйте меня, что я озабочиваюсь тогда, когда только бы ожидать долженъ благоволенія за усердіе къ общему благу, которому вамъ извѣстная партія Хорвата съ Максимовичемъ въ самомъ началѣ дѣлала возраженія, а напоследокъ и г. губернаторъ, и прокуроръ протестируютъ. Закрываю все искреннѣйшимъ почтеніемъ и предапостыю¹⁾.

31 января 1803 г. послѣдовалъ новый Высочайшій милостивый рескриптъ Харьковскому дворянству уже безъ той оговорки, которая была въ первомъ. „Принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Слободско-украинскаго дворянства, опредѣлившаго на заведеніе въ Харьковѣ университета составить отъ избытковъ своихъ, *безъ умноженія налоговъ*, столь знатное приношеніе, за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію“ государь изъявлялъ отличную признательность дворянству, предводителямъ 9 уѣздовъ (они были поименно перечислены) и Изюмскому помѣщику Николаю Романовичу Шидловскому, дѣйствовавшему въ этомъ полезномъ дѣлѣ отъ имени большинства Изюмскихъ дворянъ.

Губернскому предводителю дворянства пожалованъ былъ орденъ Анны 2-й степени, секретарю дворянскаго собранія Тихоцкому подарокъ²⁾. Тогда же объявлена была Высочайшая благодарность и Харьковскому гражданству въ особомъ письмѣ на имя губернатора. Указавъ на приведенный нами выше рескриптъ дворянству, государь продолжаетъ: „поручаю вамъ изъяснить такую же благодарность и Харьковскому купечеству за содѣйствіе отъ избытковъ его въ семъ полезномъ заведеніи; въ знакъ благоволенія Моего къ купечеству, градскаго голову, именитаго гражданина Урюпина пожаловалъ Я въ коллежскіе ассессоры, а именитаго гражданина Аннѣева отличилъ золотою медалью, которая вслѣдъ за симъ доставлена будетъ³⁾“. Пожалованіе чина 8-го класса купцу 3-й гильдіи (какимъ былъ Е. Е. Урюпинъ) являлось въ то время экстраординарнымъ отличіемъ и оно объясняется дѣйствительно крупными услугами, оказанными Е. Е. Урюпинымъ дѣлу основанія Харьковского университета. Къ чести его нужно замѣтить, что онъ не тщеславился

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Устинова. Харьк. старина (X. Г. В. 1878, № 37).

полученнымъ чиномъ. „Въ теченіе всего времени, какъ Урюпинъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, говоритъ г. Устиновъ, онъ только 2 раза подписалъ свой чинъ при своемъ должностномъ званіи. Въ первый разъ эта подпись встрѣчается у Урюпина только въ сообщеніи думѣ о своемъ пожалованіи. Затѣмъ я ей нигдѣ уже не встрѣчалъ, такъ что изъ этого нельзя не заключать, что Урюпинъ высоко цѣнилъ свое должностное положеніе и вообще, будучи человѣкомъ по своему времени очень образованнымъ, дорожилъ дѣломъ, а не внѣшностью. Изъ всей пересмотрѣнной мною дѣловой его переписки, веденной имъ въ большинствѣ случаевъ собственноручно, нельзя не заключать, что онъ, будучи купцомъ 3-й гильдіи и, слѣдовательно, человѣкомъ не сильнымъ въ торговомъ мірѣ, былъ весьма вліятельнымъ лицомъ не только въ купеческой средѣ, но и въ высшемъ обществѣ“¹⁾. Такимъ же живымъ, общественнымъ дѣятелемъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ не только въ своей духовной средѣ, но и въ дворянскомъ обществѣ, былъ извѣстный уже намъ священникъ О. Фотіевъ. Онъ держалъ лучшій въ Харьковѣ пансіонъ, изъ котораго вышли первые студенты Харьковскаго университета. Ему былъ пожалованъ золотой наперсный крестъ²⁾.

Но В. Н. Каразинъ остался не совсѣмъ доволенъ такимъ распределеніемъ наградъ. Придавая имъ большое значеніе, въ качествѣ важнаго рычага при общественной дѣятельности, онъ подалъ даже государю особую докладную записку по этому вопросу, гдѣ между прочимъ заявлялъ, что награжденіе одного губернскаго предводителя недостаточно, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно, какъ слабо и косвенно дѣйствовалъ онъ на пользу этого дѣла въ теченіе 1½ лѣтъ. „Въ пожертвованіяхъ Харьк. дворянства, писалъ онъ, проявилась искра *общественнаго духа*, столь необходимаго и столь мало у насъ, увы! примѣтнаго. Цѣлыя общества никогда не дѣйствуютъ массою, всегда должны быть инициаторы и правительство должно отличить ихъ отъ толпы, оцѣнить ихъ труды. Я умалчалъ даже о такихъ полезныхъ дѣятеляхъ, продолжаетъ далѣе Каразинъ, какъ Палицынъ, и назвалъ всего 5 лицъ, изъ коихъ прошу уѣздныхъ предводителей Щербинина и Алферова отличить чинами, а дворянъ Ковалевскаго и Кондратьева орденами“. Его ходатайство было уважено³⁾. Образъ дѣйствій Изюмскаго предводителя Капустянскаго въ сущности, какъ мы видѣли, было высказано косвенное неодобреніе со стороны Верховной власти и объ этомъ узнало все дворянство, такъ

¹⁾ Харьк. старина (Х. Г. В. 1878, № 40).

²⁾ Рус. Стар. 1875, сентябрь, стр. 190.

³⁾ Ibidem, стр. 193.

какъ Высочайшій рескриптъ былъ разосланъ во все уѣзды. Но Капустянскій своей оппозиціей все таки сильно тормозилъ и дальнѣйшій ходъ дѣла, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Шидловскаго къ Донцу-Захаржевскому.

„Любезный другъ Василій Михайловичъ!—Жаль мнѣ очень, что не могу выполнить желанія твоего, а благодарю за довѣренность. Ей, истинно, не знаю, что со мной будетъ, но мнѣ очень худо и въ болѣзни сей старой припадокъ мой весьма меня беспокоитъ. Сообщаю вамъ мнѣніе мое. Вы препоручаете, чтобы я испросилъ у дворянства нашего уѣзда довѣренность на избраніе меня обще со всеміи предводителями для составленія членовъ въ комиссіи университета. Удобно ли мнѣ сіе выполнить,—посудите сами! когда по первому предложенію вашему я сдѣлалъ мое отношеніе къ предводителю—и онъ мнѣ нагрубилъ только и написалъ много дерзостей неприличныхъ. Я вамъ приносилъ жалобу, но остаюсь я безъ свѣдѣній, что вы на сіе предприняли: къ тому же и неудовольствіе я, чтобы дворянство яко частному человѣку по позыву его и по соглашенію что-либо предприняло. Созывъ дворянства въ посылаемыхъ къ нимъ отношеніяхъ долженъ быть поименный, а я, не имѣя списковъ дворянскихъ и въ требованіи оныхъ получа отказъ отъ предводителя, не могу сего выполнить. Да и созывъ сдѣлать, какъ я вамъ уже и писалъ, безъ особливаго вашего предписанія въ сихъ словахъ—„предписую вамъ гг. дворянъ Изюмскаго уѣзда, созвавъ въ г. Изюмъ, предложить имъ“ и такъ далѣе—не могу безъ подверженія себя одному только посмѣянію, ибо навѣрно никто не поѣдетъ на позывъ мой, а сіе послужитъ дальнѣйшимъ непріятностямъ. Я вамъ совѣтовалъ и теперь совѣтую чрезъ предводителя сдѣлать созывъ дворянъ въ г. Изюмъ и самимъ пріѣхать сюда. Вы все успѣете сдѣлать навѣрно, а безъ сего, ей, ничего не будетъ кромѣ безпокойствъ вамъ въ непредвидимыхъ случаяхъ. Я не отрекаюсь быть въ комиссіи университета, если Богу угодно продлить жизнь мою; если же умру, не оставьте сиротъ моихъ“¹⁾. Изъ этого видно, что губернскій предводитель потерялъ всякое самообладаніе и хотѣлъ прибѣгнуть къ очень непрактичному и рискованному средству, чтобы устранить Капустянского отъ участія въ университетской комиссіи, въ которой онъ, очевидно, не могъ приносить ничего кромѣ вреда. Нужно думать, что трезвое, основательное письмо Шидловскаго заставило Донца-Захаржевскаго отказаться отъ его неудачнаго плана борьбы съ Капустянскимъ и избрать болѣе подходящій путь—именно перенести это дѣло на рѣшеніе собранія всехъ уѣздныхъ

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

предводителей дворянства. Между тѣмъ, добившись путемъ самыхъ горячихъ настояній благопріятнаго движенія дѣла Харьковскаго университета въ Петербургѣ, Вас. Наз. Каразинъ рѣшился отправиться въ Харьковъ, чтобы устроить университетское дѣло на мѣстѣ. Недавно передъ тѣмъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа гр. Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Но семейныя дѣла (въ Вѣнѣ умеръ его отецъ) принудили его отправиться за границу и поручить исправленіе своей должности попечителю Петербургскаго округа и президенту академіи наукъ Н. Н. Новосильцеву.

Передъ отправленіемъ своимъ въ чужіе края, Потоцкій избралъ двухъ лицъ, которые должны были позаботиться о скорѣйшемъ открытіи университета въ Харьковѣ; это были—назначенный профессоромъ во вновь учрежденный университетъ Илья Ѳедоровичъ Тимковскій и В. Н. Каразинъ. Первому поручались визитаціи училищъ и устройство университета, второму—только это послѣднее. О Тимковскомъ Потоцкій писалъ министру еще 31 декабря 1802 г., гдѣ говорилъ между прочимъ о необходимости имѣть въ Харьковѣ, при заведеніи и устройствѣ университета, человека, который-бы, „принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ особами, избранными дворянствомъ, увѣдомлялъ-бы обо всемъ, что будетъ нужно и что будетъ соответствовать видамъ главнаго правленія училищъ“. Главное правленіе училищъ вполне одобрило выборъ Потоцкаго (7 февраля 1803 г.). Тогда же сдѣлано было представленіе и о В. Н. Каразинѣ.

Въ виду намѣренія этого послѣдняго отправиться немедленно въ Харьковъ, Сев. Ос. Потоцкій писалъ въ правленіе: „пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправления В. П. Каразина въ Харьковъ, полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ, вѣроятно, много споспѣшествовать можетъ Тимковскому“. Представленіе было уважено—и Василю Назаровичу было дано Потоцкимъ вѣрующее письмо, въ которомъ поручалось „принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устройства Харьковскаго университета“ для открытія его въ возможно скоромъ времени; „въ распоряженіяхъ вашихъ, говорилъ Потоцкій, будутъ намъ вспомошествовать съ одной стороны г. профессоръ Тимковскій, котораго я не умею отправить отсюда въ качествѣ визитатора по училищной части всего Высочайше мнѣ ввѣреннаго учебнаго округа, съ другой—коммиссія тамошняго благороднаго дворянства и купечества, какъ скоро она по избранію составлена будетъ. Доносить о своихъ дѣйствіяхъ

и получать распоряженія Каразинъ долженъ былъ отъ Новосильцева; этому же послѣднему онъ обязанъ былъ и отсылать суммы патріотическаго фонда. Изъ этого видно, что Каразину были предоставлены широкія полномочія, какъ довѣренной особѣ попечителя: Тимковскій и комиссія должны были только помогать ему въ его начинаніяхъ; онъ же былъ подчиненъ прямо Новосильцеву¹⁾. И такія полномочія объясняются, конечно, тѣмъ, что Каразинъ, во 1-хъ, въ это время занималъ важный постъ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, которое вѣдало тогда почти всѣми дѣлами Мин. Нар. Просв., а во 2-хъ, его руководящей ролью въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета.

Въ письмѣ къ Харьковскому губернатору А. К. Артакову Потоцкій писалъ: „Ваше Превосходительство предупреждены уже отъ министра Народнаго Просвѣщенія о новыхъ Высочайшихъ постановленіяхъ относительно до сей части, равно и о томъ, что Всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно было меня наименовать попечителемъ округа, къ коему въ отношеніи общественнаго воспитанія принадлежитъ Высочайше вѣренная вамъ губернія. Въ семъ званіи имѣю честь поручить въ благорасположеніе ваше г. кол. сов. Каразина, коему, какъ участнику въ предположеніи дворянъ Слободской Украинской губ. соорудить университетъ, удостоенномъ Высочайшаго благоволенія, вѣриль я мысли мои и начальныя распоряженія по сему предмету, совмѣстно съ профессоромъ Тимковскимъ, который отправленъ бывши визитаторомъ училищъ, такъ же не умедлитъ къ вамъ явиться. Удостоивъ г. Каразина милостиваго вашего вниманія и руководства, вы лично обязать изволите того, который въ нынѣшней своей должности не упуститъ никакого случая увѣрить васъ опытами въ истинномъ почитаніи, съ какою-вѣмъ честь имѣетъ пребыть навсегда, такой то²⁾ (17 февр. 1803 г.)“.

Василій Назаровичъ выѣхалъ въ Харьковъ 18-го февраля, а Тимковскій остался пока въ Петербургѣ. И Каразинъ сталъ широко пользоваться предоставленною ему властью, тѣмъ болѣе что Тимковскаго пока еще не было, а дворянская комиссія, какъ увидимъ далѣе, вовсе не была избрана. Такимъ образомъ нѣкоторое время онъ оставался единоличнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ. Прежде всего онъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбой о высылкѣ изъ *патріотическаго приношенія* 10000 руб. въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева. Деньги эти предназначались на покупку библіотеки, на доставку ея въ Харьковъ, а также для вновь назначен-

¹⁾ Рус. Старина, 1875, сентябрь, стр. 195—196.

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университет.

ныхъ и утвержденныхъ профессоровъ. Библіотеку подбиралъ въ Петербургѣ самъ Каразинъ, а приглашенія профессоровъ устраивалъ, повидимому, Потоцкій. 26 марта В. Н. Каразинъ писалъ губ. предводителю Донцу-Захаржевскому.

„На основаніи врученнаго уже Вамъ отношенія отъ попечителя Харьковского университета и округа его, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и письма Его Сіятельства ко мнѣ, уполномочивающаго меня дѣйствовать здѣсь по сему предмету, о содержаніи коего изъ прилагаемой при семъ копіи судить изволите, за обязанность поставлю немедленно приступить къ исполненію мнѣ порученнаго. И прежде всего извѣстить васъ честь имѣю: 1) что я доставилъ Его Превосходительству, господину гражданскому губернатору, подобно-же порученныя мнѣ отношенія отъ графа Потоцкаго и отъ Министра внутреннихъ дѣлъ, коихъ копіи равнымъ образомъ у сего прилагаю, перваго подъ литерою В, а втораго подъ литерою С. Изъ полученныхъ свѣдѣній сужу я, что Высочайше назначена на Харьковскій народнаго просвѣщенія округъ сумма до ста тысячъ рублей на сей 1803 годъ, изъ коихъ большая часть безъ сомнѣнія обращена будетъ въ пользу университета.

Но отпускъ оной суммы еще не ассигнованъ, и вѣроятно нѣсколько времени пройдетъ еще, пока она можетъ быть получена. Въ разсужденіи чего, дабы, сколько способовъ нашихъ достанетъ, поспѣшить открытіемъ сего важнаго училища, не разсудите-ли Вы согласно со мною, отправить немедленно въ С.-Петербургъ къ занимающему нынѣ должность попечителя за отсутствіемъ графа Северина Осиповича, господину президенту академіи наукъ и члену главнаго училищъ правленія, дѣйствительному камергеру Николаю Николаевичу Новосильцову, нѣкоторую сумму денегъ, заимообразно изъ кассы патріотическаго приношенія? По исчисленію моему, сдѣланному въ Петербургѣ и извѣстному обоимъ упомянутымъ членамъ главнаго училищъ правленія, довольно будетъ десяти тысячъ рублей. Отъ Васъ, милостивый государь, зависитъ взять для сего самыя пристойнѣйшія мѣры и отнести къ господамъ уѣзднымъ предводителямъ. Съ моей стороны я въ доставленіи сей суммы въ распоряженіе Его Превосходительства Новосильцова не только не вижу ни малѣйшаго неудобства, но нахожу сіе совершенно согласнымъ съ 20-ю и 46-ю статьями *предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія* Высочайше изданныхъ по сей части; упомянутыя статьи не оставляютъ никакого сомнѣнія, что распоряженіе всѣми суммами на устроеніе и содержаніе училищъ принадлежитъ исключительно и единственно главному училищъ правленію и его членамъ каждому по своей части.

Сказанная сумма десять тысяч рублей употреблена будетъ на первоначальную покупку бібліотеки, доставленіе ея, также на доставленіе сюда принятыхъ уже и Ею Императорскимъ Величествомъ утвержденныхъ профессоровъ, коимъ немедленно слѣдуетъ выдать на проѣздъ деньги и за треть жалованья впередъ.

За симъ, бывши всегда готовымъ съ таковою жъ откровенностію сообщать вамъ, и чрезъ васъ почтеннѣйшему корпусу Слободского Украинскаго дворянства каждое изъ моихъ дѣйствій, по данному мнѣ довѣрію, имѣющихъ составлять мою должность, имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

Вашимъ, Милостивый Государь,
всепокорнымъ слугою Василій Каразинъ.

Марта 26-го дня
1803 года. Харьковъ.

Губернскій предводитель дворянства изъ 10000 собралъ 6000 (изъ валковского уѣзда 2600 р., богодуховскаго 1300, ахтырскаго 1450, зміевского 650) и отправилъ ихъ въ Петербургъ. Тогда же Василій Назарьевичъ обратилъ вниманіе и на помѣщеніе для вновь учреждаемаго университета. Дѣло о ген.-губернаторскомъ домѣ для временнаго помѣщенія въ немъ университета началось еще въ февралѣ 1803 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ харьковскому губернатору Артакову: „главное правленіе училищъ, получивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе въ Харьковѣ университета и располагаясь вслѣдствіе того приступить къ построенію приличнаго ему дома, между тѣмъ, дабы не медлить открытіемъ университета, отнеслось ко мнѣ о назначеніи для него на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія. Предполагая съ одной стороны, что университетъ помѣщенъ быть можетъ въ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ и зная съ другой, по дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, что если домъ сей нынѣ занять, дворянство, усердствуя скорѣйшему открытію училища, приметъ на себя замѣнить сіе помѣщеніе приличною квартирою, если другимъ образомъ распорядить сего будетъ не можно, я прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, находите ли вы, по мѣстному вашему познанію, таковое предположеніе удобнымъ и можно ли будетъ въ непродолжительномъ времени привести его въ дѣйство“¹⁾.

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

Губернаторъ Артаковъ, нежелая идти противъ воли своего министра, высказался по этому вопросу въ смыслѣ благопріятномъ для университета. „Для помѣщенія на 1-й случай университета, писалъ онъ, не нахожу я съ моей стороны удобнѣйшаго въ Харьковѣ дома кромѣ дома ген.-губ., а посему самому и сдѣлалъ я распоряженіе о выводѣ приказа общественнаго призрѣнія, губернской чертежной и аукціона, кои помѣщены въ нижнемъ этажѣ вышеупомянутаго дома; во флигелѣ казеннаго-жѣ дома, построеннаго на случай открытія намѣстничества и занимаемаго нынѣ г. вице-губернаторомъ, каковой домъ въ разсужденіи его величій и пространной залы въ случаѣ надобности также можетъ быть занятъ съ удобностію для университета, ибо отъ дома ген.-губ. отдѣленъ онъ одною только улицею; самъ же я не умею очистить верхній этажъ, нынѣ мною занимаемый, коль скоро дороги въ городѣ просохнутъ“ ¹⁾.

Въ письмѣ губернаторъ соглашался на уступку университету обоихъ домовъ; но несомнѣнно, что дѣлалъ онъ это крайне не охотно; въ данномъ случаѣ нарушались его собственные интересы: въ ген.-губ. домѣ помѣщались его квартира и присутственные мѣста, которые нужно было переводить въ другое зданіе; а между тѣмъ подходящихъ домовъ въ то время въ Харьковѣ почти вовсе не было. Губернскій предводитель дворянства былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, такъ какъ этотъ послѣдній поддерживалъ изюмскаго предводителя Капустянского, который своей оппозиціей тормозилъ дѣло пожертвованій. Это неудовольствіе ясно выразилось въ отвѣтѣ Донца-Захаржевскаго на обращеніе къ нему Артакова по дѣлу о генераль-губернаторскомъ домѣ. „Честъ имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, писалъ Захаржевскій Артакову, что въ Харьковѣ есть два казенныхъ дома, купленныхъ изъ винной суммы для двухъ квартировавшихъ здѣсь шефовъ. Впрочемъ я не виравъ одинъ безъ согласія дворянства располагать дворянскою суммою, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще; при томъ надѣюсь, что и Вы захотите сохранить въ цѣлости въ пользу университета безъ отвлеченія на посторонніе предметы всю дворянскую сумму; а потому не благоугодно-ли вамъ будетъ занять 2 вышеуказанные дома, нынѣ теперь не занятые: въ избѣжаніе же дальнѣйшихъ переписокъ препровождаю конію дворянскаго протокола, котораго Вы 4 раза требовали отъ меня по одному неосновательному донесенію Капустянскаго, который и попытѣ не отстраненъ вами отъ должности и не преданъ суду за свои упущенія по должности уѣзднаго предводителя“ ²⁾. Очевидно

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

В. Н. Каразинъ долженъ былъ исполнять свою миссію при очень неблагоприятныхъ условіяхъ. Между прочимъ ему предстояло убѣдить Донца-Захаржевскаго въ томъ, о чемъ писалъ тому губ. Артаковъ, и онъ это сдѣлалъ въ томъ письмѣ, отрывокъ изъ котораго мы привели уже раньше. „Получилъ и согласіе, писалъ онъ Донцу-Захаржевскому, на то, чтобы генераль-губернаторскій домъ служилъ для временнаго помѣщенія университета до того, пока приличное ему зданіе соорудится. Но какъ извѣстно мнѣ, что министръ къ сей толико благосиѣшествующей для новаго заведенія мѣрѣ наипаче подвигнуть былъ увѣреніемъ, что дворянство приметъ на себя замѣнить нынѣшнее помѣщеніе господина губернатора приличною квартирою, или будетъ къ сему способствовать другимъ образомъ, то за долгъ мой почитаю представить на разсужденіе ваше, не должно ли по крайней мѣрѣ на счетъ дворянской суммы, хотя изъ кассы патріотическаго припошенія, привести въ жилое состояніе тотъ домъ, который господинъ губернаторъ нынѣ занять располагаетъ. Оной купленъ на счетъ общественныхъ сего города доходовъ и принадлежалъ прежде г-ну Мордвинову. Внутренняя починка и нѣкоторая дополнительная меблировка дому сего не можетъ, кажется, большаго стоить и нужна будетъ конечно только на первой разъ. Такимъ образомъ, какъ благородное общество, такъ и городское, оба содѣйствовали бы къ скорѣйшему исполненію желаній министра и попечителя“. Письмо возымѣло свое дѣйствіе: 8 мая В. Н. Каразинъ уже принялъ въ свое вѣдѣніе этотъ домъ (нынѣшняя канцелярія совѣта, правленія и квартиры г. попечителя) ¹⁾. Сохранилась пріемная опись этого дома, изъ которой видно, что онъ дѣйствительно требовалъ большого ремонта и при томъ по размѣрамъ далеко не соответствовалъ своему новому назначенію (въ немъ было всего 32 комнаты) ²⁾. В. Н. Каразинъ потре-

¹⁾ Въ описаніи г. Харькова 1802 г. читаемъ: „домъ 2-хъ этажный со службами и флигелями, обведенный каменной оградой, построенный для жительства губернатору“.

²⁾ Въ виду того, что университетъ и теперь отчасти находится въ этомъ *временномъ* своемъ помѣщеніи, приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный „расписной списокъ“: каменный корпусъ съ погребами о двухъ этажахъ подъ желѣзною крышею и стропилахъ таковыхъ же о 32 покояхъ, изъ коихъ въ нижнемъ этажѣ прихожія парадныя сѣни, а изъ нихъ въ правую сторону 7 покоевъ и 1 корридоръ, оставя-жъ оныя съ первыхъ сѣней влѣво другія сѣни, изъ коихъ ходъ на верхній этажъ и нижній залъ, изъ котораго въ правую сторону жилыхъ 7 покоевъ и маленькія сѣни съ лѣстницею на верхній этажъ и выходъ во дворъ, влѣво-жъ того зала полукруглый покой и изъ оного другія маленькія сѣни также съ лѣстницею въ верхній этажъ и выходъ во дворъ; особо съ сихъ сѣней ходъ прямо въ 4 покои. Во всѣхъ тѣхъ нижняго этажа покояхъ мебели кромѣ висящаго въ пер-

бываль, чтобы къ этому ген.-губ. дому былъ присоединенъ еще находившійся противъ него вице-губернаторскій (гдѣ нынѣ церковь и ак-

выхъ сѣняхъ ветхаго большаго въ желѣзныхъ рамахъ фонаря никакихъ не имѣется; въ нихъ одинъ очагъ и 16 изразцовыхъ печей, при коихъ затворокъ 14, дверей двойныхъ 22, при коихъ замковъ безъ ключей 13, оконъ 33, въ коихъ разбитыхъ стеколъ 12.

Въ верхнемъ этажѣ изъ первыхъ сѣней ходъ въ правую сторону 6 покоевъ съ корридормъ и маленькими сѣнями, въ коихъ лѣстницы вверхъ и внизъ; изъ первой же комнаты ходъ въ парадный залъ; изъ оного вправо 4 покоя, а лѣво полукруглый одинъ покой и при немъ маленькія сѣни съ лѣстницами на верхъ и внизъ да особо изъ первыхъ сѣней на лѣвую сторону 4 покоя; во всѣхъ сихъ покояхъ изразцовыхъ печей 19, къ нимъ затворокъ 15, оконъ 34, въ коихъ разбитыхъ стеколъ 10, дверей 25, замковъ 23 и къ онымъ ключей 13; замки и задвижки по большей части требуютъ починки, равно и нѣкоторые оковечныя рамы.

Мебелей:

Хрустальныхъ *люстры* съ позолоченными чашками и съ разбитыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣчными уставками 3; зеркала двойныхъ большихъ въ красныхъ рамахъ съ вызолоченными краями 3, въ вызолоченныхъ рамахъ большихъ же двойныхъ, изъ коихъ въ одномъ край отбитъ—5; сѣнныхъ покровѣшниковъ мѣдныхъ вызолоченныхъ тройныхъ, изъ коихъ въ 6 по одной ручкѣ не имѣется—10, двойныхъ, изъ коихъ въ первомъ трубки пѣть—11, малыхъ двойныхъ 2. *Гардины* бѣлыхъ миткальныхъ съ таковыми-же подзорами 8, шелковыхъ зеленого полуобъяру худыхъ съ подзорами 4, изъ коихъ подзоры при двухъ того жъ цвѣту, а при двухъ миткальные. *Диванъ* съ ситцевою большою подушкою. *Столъ* ломберныхъ худыхъ съ наклейкою краснаго дерева 4, полуциркульный съ мѣдною бронзою, наклеенный разнымъ цвѣтнымъ деревомъ—1, наугольныхъ краснаго дерева, изъ коихъ одинъ худой—3, пшучныхъ большихъ—2, простыхъ сосновыхъ 2, комодъ старый, наклеенный чернымъ деревомъ. *Кресла*—обитое малиновымъ бархатомъ съ таковою жъ подушкою 1, обитыхъ краснымъ бараканомъ 20, круглыхъ стульевъ, обитыхъ таковымъ же бараканомъ 3, табуре, обитое таковымъ же бараканомъ 1, овальный софа, обитая краснымъ же бараканомъ 1, капане, обитое таковымъ же бараканомъ съ подушкою таковою-же въ родѣ дивана 1, шкаף простаго дерева съ дверцами новый бѣлый 1, шкаף простаго-же дерева большой выкрашенный съ 3 дверцами 1, шкаף съ разбитымъ однимъ стекломъ 1, стульевъ простыхъ съ кожаными подушками 5, большихъ фонарей на ножкахъ 2.

При ономъ домѣ флигелей каменныхъ подъ желѣзною крышею и на таковыхъ же стропилахъ два, изъ коихъ одинъ съ правой стороны: въ немъ каретный сарай съ поломъ и потолкомъ и съ двумя двойными воротами, въ коемъ шкаף деревянный старый безъ задней стѣнки одинъ; при немъ людскихъ избъ 2 безъ половъ и съ худыми 7 окнами, въ коихъ печей кирпичныхъ варистыхъ 2, лавокъ изъ поварныхъ столовъ 3, чугунный вмазанный въ печку котелъ, конюшня о 28 стойлахъ и для ссыпки овса 2 по краямъ амбарчика; близъ конюшни деревянный скотный сарай и особо деревянный хлѣбный амбаръ съ закромами и съ поломъ, покрытъ гонтою. 2-й съ лѣвой стороны: въ немъ двѣ кухни съ двумя очагами и одною варистою печью; въ оныхъ поварныхъ столовъ 4 да лавокъ изъ такихъ же столовъ 2; за кухню людскихъ съ сѣницами избъ 8 съ 20 окнами; въ оныхъ пе-

товая зала¹⁾. Но вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ уже послѣ отъѣзда Каразина изъ Харькова, при Тимковскомъ. В. Н. Каразинъ, получивъ въ свое вѣдѣніе ген.-губ. домъ, приступилъ немедленно къ приспособленію его подъ университетъ и со свойственною ему поспѣшностью велѣлъ прибить къ нему доску съ надписью „государственный университетъ“. Дѣло однако сильно тормозилось полнымъ отсутствіемъ средствъ: патріотическіе сборы почти не поступали, а должной дворянамъ суммы (около 70000 р.), несмотря на состоявшееся постановленіе, также не выдавали изъ Государственнаго казначейства. Но Каразинъ не падалъ духомъ и, какъ видно изъ письма его къ Тимковскому (отъ 24 марта 1803 г.), имѣлъ радужныя надежды на будущее и уговаривалъ его поскорѣе присылать профессоровъ Рижскаго, Осиповскаго и Делянина²⁾. О своихъ мѣропріятіяхъ В. Н. Каразинъ писалъ и Потоцкому, отъ котораго въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо изъ Петербурга.

Милостивый государь мой,
Василій Назарьевичъ!

Печальнымъ случаемъ до сихъ поръ не удалось мнѣ еще отправиться въ путь, такъ давно предположенный; теперь и собрался уже въ дорогу и надѣюсь выѣхать завтра навѣрно. Между тѣмъ вчера Его Превосходительство Николай Николаевичъ доставилъ ко мнѣ письмо ваше къ нему, при которомъ я деньги 4000 рубл. изъ составленной слободскимъ украинскимъ дворянствомъ суммой присланы. Благодарю васъ за всѣ принятыя вами заботы, о которыхъ въ письмѣ своемъ

чей вариистыхъ кирпичныхъ 4, въ конхъ полы вѣтхіе, ледникъ большой одинъ да банъ ледника особо деревянный хлѣбный амбаръ безъ закровъ и дверей, покрытъ гоштоу.

Ограда каменная съ 2 воротами и на углахъ двумя круглыми каменными бѣсѣдками, каждая о трехъ окнахъ, на конхъ крыши деревянныя, вѣтхл, штукатурка вся испорчена, окна съ разбитыми стеклами вѣтхл, дверей нѣтъ; внутри и снаружи требуется подмазка и побѣлка.

По сей описи сдалъ совѣтникъ Титовъ.

По сей описи принялъ по порученію попечителя Харьковскаго округа народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника и сенатора графа Потоцкаго кол. сов. Василій Каразинъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 по архиву, № 1 по картону).

¹⁾ Въ томъ-же описаніи г. Харькова 1802 г. говорится: „деревянный залъ, обложенный кирпичемъ со службами, выстроены при открытіи бывшаго намѣстничества и нынѣ занимается вице-губернаторомъ“ (см. изданное мною „Опис. Слоб. Укр. губ.“ 1802 г., стр. 20).

²⁾ Кіев. Стар. 1891, августъ, стр. 233—234.

увѣдомляете, и вмѣстѣ радуюсь, что дѣло идетъ порядочно и хотя мало по малу, но все успѣшно. Какъ ассигнованная изъ казны на университетъ сумма еще не выдана, то присланныя вами кстати деньги послужать къ скорѣйшему отправленію г. профессора Тимковского и вмѣстѣ гг. профессоровъ Де-Лявинъ и Осиповскаго и недавно принятаго мною адъюнкта Ланге; остатокъ же обратится на покупку книгъ; а что касается до г. профессора Рижскаго, который получалъ отъ меня дозволеніе остаться здѣсь по собственнымъ надобностямъ на мѣсяцъ или на два, то слѣдующія ему впередъ деньги получить онъ изъ тѣхъ, коихъ присылкою вы обѣщаете не замедлить, или изъ казенной суммы, которая будучи ассигнована, вѣроятно, вскорѣ и отпущена будетъ на университеты; равномѣрно тогда же неотложно пойдетъ дѣло о покупкѣ книгъ и типографіи. Нѣтъ здѣсь ни малѣйшаго сомнѣнія, что дворянство и граждане слободской-украинской губерніи, какъ теперь, такъ и въ предбудущее время съ одинакимъ соревнованіемъ соотвѣтствовать будутъ благоволенію къ нимъ государя императора, и не замѣшкаяютъ свои приношенія составить въ общую сумму, которую предполагаю я употребить сколько можно болѣе на предметы казистые и пребывающіе, чтобы они всегда свидѣтельствовали, всегда напоминали потомству о семъ отличномъ и примѣрномъ для другихъ подвигѣ ко благу своего края и своего отечества, какъ-то: на новыя зданія, ботаническій садъ, разные кабинеты и тому подобное, также и на содержаніе бѣдныхъ студентовъ.

И если что изъ этой суммы издержано будетъ на предметы не столь видныя, то не иначе, какъ заимообразно, каково и ваше есть мнѣніе. Дестнымъ предзнаменованіемъ почитаю ревностное и дѣятельное благорасположеніе, какъ дворянства и гражданъ, такъ и господина губернатора тамошнихъ къ заведенію университета. Усугубить мои попеченія объ немъ, съ живѣйшею преданностью смотрѣть на его успѣхи возрастающіе, побуждаюсь. Впрочемъ гг. профессоры обезпечены уже и удовольствованы отъ самой казны. Дому, такъ называемаго генералъ-губернаторскаго, кажется очень, и можетъ быть слишкомъ, достаточно для университета; и когда помѣщеніе въ немъ нѣсколькихъ профессоровъ есть уже излишекъ и роскошь, тѣмъ болѣе недостаетъ никакой надобности въ упоминаемомъ вами вице-губернаторскомъ домѣ, дабы не понести при томъ убыточныхъ и напрасныхъ издержекъ; между тѣмъ, какъ много потребно въ самомъ началѣ на одно необходимое и пристойнѣйшее. Въ этомъ я полагаюсь на искреннее усердіе ваше. О подробностяхъ же относительно расходовъ узнаете отъ г. Тимковского, которому дано уже отъ меня въ сей силѣ предписаніе и который такъ

неусыпно трудится здѣсь въ пользу университета. За симъ увѣдомляю васъ, что на всѣ вышеописанныя положенія, по содержанію вашего письма, и Николай Николаевичъ совершенно согласенъ. Нетерпѣливо желаю, выписавъ профессоровъ изъ чужихъ краевъ, навѣстить Харьковъ, по возвращеніи моемъ въ Россію.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и всегдашнюю
преданностію имѣю честь быть,
милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою
Гр. Северинъ-Потоцкій.

Апрѣля 11-го дня
1803 г.

Затѣмъ подробный отчетъ о своей харьковской дѣятельности В. Н. Каразинъ сообщилъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, исправляющему должность попечителя Н. Н. Новосильцеву. Отчетъ этотъ чрезвычайно интересенъ для уясненія роли Каразина въ первоначальномъ устроеніи Харьковского университета. Изъ него видно, что Василій Назарьевичъ заботился и о приготовленіи временныхъ помѣщеній для университета, и о пріобрѣтеніи большого мѣста по Сумской дорогѣ подъ постоянныя зданія для него, и побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи, и хлопоталъ объ отпущкѣ той суммы, которую должна была харьковскимъ дворянамъ казна, и заботился уже о студентахъ для будущаго университета, и высказывалъ свои соображенія объ устройствѣ училищной части въ предѣлахъ харьковского учебнаго округа. Въ вопросѣ о размѣрахъ временнаго помѣщенія для университета Каразинъ разошелся съ Потоцкимъ (онъ считалъ необходимымъ воспользоваться и вице-губернаторскимъ домомъ)—и дальнѣйшія событія показали, что правъ былъ Каразинъ; но самымъ важнымъ въ этомъ письмѣ является то мѣсто, въ которомъ проектируется устройство постоянныхъ зданій по Сумскому шоссе, гдѣ нынѣ университетскій садъ. Такимъ образомъ, *первая* мысль объ этомъ мѣстѣ принадлежитъ не Тимковскому, который еще не пріѣзжалъ тогда въ Харьковъ, а Каразину: Тимковскій былъ только продолжателемъ Каразина, съ чѣмъ вполне совпадаетъ и свидѣтельство Филадельфа Васильевича Каразина. По его словамъ, это огромное мѣсто въ 318000 кв. саж. уступали Василю Назарьевичу за 6000 руб. ¹⁾ Приводимъ письмо В. Н. Каразина къ Н. Н. Новосильцеву цѣликомъ.

„Исполнивъ отчасти порученіе о Харьковскомъ университетѣ, котораго удостоилъ меня господинъ попечитель онаго и его округа,

¹⁾ Рус. Старина, 1875, окт., стр. 270.

вамъ заступающему для меня мѣсто его сіятельства, какъ по безпредѣльной довѣренности, которую Вы отъ него по сему предмету на все время отсутствія его въ чужіе края имѣете, такъ и по дѣтельному, истинно патріотическому ревнованію о успѣхахъ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, честь имѣю донести слѣдующее, въ дополненіе къ тому, о чемъ я уже предварилъ ваше превосходительство въ донесеніи моемъ изъ Харькова.

Въ проѣздѣ мой чрезъ Москву, нашелъ я тамъ господъ профессоровъ Харьковскаго университета, Тимковскаго, Осиповскаго и Делявина; и давши имъ всѣ нужныя для нихъ мѣстныя свѣдѣнія о будущемъ ихъ пребываніи, перваго просилъ я продолжать исполненіе всего того, что мнѣ собственно отъ графа Северина Осиповича предоставлено было. На сей конецъ, съ его согласія, снабдилъ я его отношеніями къ губернатору и губернскому предводителю. Господа профессора, по прибытіи въ Харьковъ, найдутъ удобное выгодное помѣщеніе въ казенномъ бывшемъ генераль-губернаторскомъ домѣ, которой я на основаніи позволенія, даннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, надлежащимъ образомъ принялъ отъ казенной палаты; и описъ принятаго мною, равно какъ и планъ дому, у сего приложить честь имѣю. Что до послѣдняго принадлежитъ, то долженъ я донести вашему превосходительству, что, не взирая на предпріятыя и производимыя теперь передѣлки, не возможно помѣстить въ ономъ всего университета, ниже въ первоначальномъ, несовершенномъ его состояніи. Изъ росписанія, которое я сдѣлалъ, изволите Вы увидѣть необходимость въ другомъ казенномъ противолѣжащемъ домѣ, которой былъ построенъ въ видѣ залы на случай открытія намѣстничества, доселѣ съ нѣкою передѣлкою внутри служилъ жилищемъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ. Изъ послѣднихъ господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Картвелинъ оставилъ его, да и нынѣшній, господинъ Наврозовъ, по неудобности онаго къ помѣщенію малочисленной фамиліи, предпочелъ жить въ наемномъ домѣ, какъ и о томъ свѣдѣніе уже имѣю. Сомнѣваться не можно, что его сіятельство министръ внутреннихъ дѣлъ, столько содѣйствовавшій въ пользу сей части, по первому отзыву вашему, возьметъ на себя трудъ исхотайствовать у Государя Императора временную уступку обонхъ сихъ домовъ университету, доколѣ собственно для него назначенное зданіе на пристойномъ мѣстѣ сооружено будетъ. Кажется, что сіе не продолжится болѣе осьми лѣтъ, начиная съ его открытія. Между тѣмъ, упомянутые губернскіе чиновники могутъ занимать другіе дома, принадлежащіе городу, какъ то изъ нихъ первый переѣхалъ уже въ домъ, купленный на счетъ общественныхъ городскихъ суммъ у г. Мордвинова,

которой для него приличнымъ образомъ при мнѣ исправленъ и меблированъ; для вице-губернатора осмѣлился бы я предложить домъ, купленный на счетъ таковыхъ же суммъ у г. Сонцева; оной стоитъ теперь въ пустѣ, и равномерно можетъ быть отдѣланъ соотвѣтственно своему назначенію. Употребленная на сіе изъ извѣстнаго капитала, принадлежащаго университету, издержка, равно какъ и та, каковой стоитъ будутъ передѣлка и приготовленіе обояхъ выше упомянутыхъ казенныхъ домовъ по предположенію, которое изъ представляемыхъ мною плановъ ихъ усмотрѣть изволите, весьма не важны въ сравненіи съ чрезвычайною пользою, какую доставить немедленное открытіе сего училища. Почти все къ сему уже изготовлено: остается вашему превосходительству отношеніями своими подвинуть духовныя и гражданскія начальства губерніи, составляющія Харьковскій округъ, къ обнародованію въ мѣстахъ имъ подвѣдомыхъ, что университетъ въ теченіи сентября мѣсяца непремѣнно откроется, на тотъ конецъ, дабы желающіе молодые люди, приготовленные уже предварительнымъ ученіемъ, могли представиться въ оный заблаговременно. Подобныя же побужденія отъ васъ безъ сомнѣнія довершать то, что я началъ, относительно до приведенія въ дѣйство обнаруженной нѣкоторыми губерніями готовности соревновать слободской украинской припошеніями въ пользу университета. О екатеринославской и воронѣжской губерніяхъ я по полученнымъ мною отъ губернатора первой и нѣкоторыхъ дворянъ послѣдней свѣдѣніямъ никакъ не сомнѣваюсь. Ту же надежду можно имѣть относительно и до двухъ малороссійскихъ, о подвигѣ коихъ увѣдомлены вы уже отъ первѣйшаго виновника онаго, его сіятельства господина тамошняго генералъ-губернатора. Но съ другой стороны, какъ всѣ таковыя суммы, по предположенію вашему и графа Северина Осиповича, должны быть употреблены на вещи постоянныя, которыя бы остались навсегда въ виду у потомства, то текуція издержки университета и содержаніе его чиновниковъ требовать будутъ отнуска нѣкоторой доли назначенной на округъ его суммы, въ числѣ Высочайше ассигнованныхъ пятисотъ тысячъ по сей части на нынѣшній годъ. Безъ сомнѣнія, изволите Вы поспѣшить изъ сей же суммы перевести въ Вѣну къ графу Северину Осиповичу количество денегъ, въ которомъ онъ будетъ имѣть надобность на доставленіе профессоровъ и другія издержки, съ должностію его неразлучныя. Осмѣливаюсь также всепокорнѣйше просить отъ имени слободско-украинскихъ господъ дворянъ о благосклонномъ съ вашей стороны ходатайствѣ по департаменту внутреннихъ дѣлъ, дабы слѣдующіе имъ изъ казны за доставку въ 1789 году воловыхъ фуръ и лошадей къ арміи, и назначенные въ числѣ четырехсотъ тысячной

суммы къ первоначальному употребленію на университетъ, 66910 руб. были рѣшительно ассигнованы къ полученію.

Правительствующій сенатъ въ докладѣ своемъ призналъ уже сію сумму принадлежащую упомянутому дворянству; а подобная ей, слѣдовавшая екатеринославскимъ дворянамъ, въ свое время и отпущена. Если бы сія сумма могла получиться въ нынѣшнемъ году, то всѣ прочія обстоятельства позволили бы приступить къ изготовленію матеріаловъ для новаго университетскаго зданія и къ самому заложенію онаго, коль скоро избранное мною для сего мѣсто попечителемъ утверждено будетъ. Здѣсь имѣю честь приложить его планъ и имянной списокъ обывательскихъ дворовъ и садовъ, которые должно будетъ для очищенія сего мѣста приобрести покупкою. Положеніе онаго, возвышенность, свойство почвы, близость воды и многія другія причины, при обозрѣніи представляющіяся съ перваго взгляда, дѣлають его единственнымъ въ городѣ. Планъ самаго зданія заготавливается подъ присмотромъ моимъ и на моей квартирѣ архитекторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Васильевымъ, ученикомъ славнаго Г. Гваренія. Я буду имѣть честь поднести его вамъ въ непродолжительномъ времени. Наконецъ, обязанностью моею почитаю еще, основываясь на приобретенныхъ мною мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, довести вашему превосходительству слѣдующее. Обширный округъ, котораго средоточіемъ Августѣйшему государю императору благоугодно было назначить городъ Харьковъ, и который заключаетъ въ себѣ почти всю полуденную часть Россіи, представляетъ въ самомъ началѣ величайшую удобность къ исполненію премудрыхъ намѣреній, ввѣренныхъ попечительности главнаго училищъ правленія. Въ семъ округѣ нашелъ я жителей, понимающихъ цѣну народнаго воспитанія, издавна уже привыкшихъ уважать города, гдѣ преимущественно приобретаются его начала, жителей, которыхъ не трудно склонить къ споспѣшествованію училищныхъ заведеній всѣми способами. Увѣренъ быть можно, что при нѣкоторомъ ободреніи со стороны правительства суммы, назначенныя на содержаніе тамъ училищъ, непримѣтно составятся на самыхъ мѣстахъ безъ малѣйшаго отягощенія казны отъ доходовъ, обществамъ принадлежащихъ, и отъ избытковъ частныхъ людей, чему въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ, попеченіями господина генераль-губернатора, въ слободской и екатеринославской, собственными движеніями дворянства и гражданства представляются уже примѣры. Тамъ издавна заведенныя училища представляютъ въ себѣ счастливое соединеніе всѣхъ состояній, которыя, воспитываясь подъ однимъ кровомъ съ одинакими правами, не чувствительно привыкають взаимно уважать себя и дорожить общественнымъ союзомъ, на оди-

накой степени просвѣщенія основаннымъ. Торговля издавна расположившая мѣста стеченій народныхъ съ удовольствіемъ находитъ, что въ нихъ же мудрое правительство расположило центральныя учрежденія въ пользу наукъ: она будетъ имъ способствовать. Изобиліе земли и кротость климата, доставляя болѣе досужества человѣку, болѣе располагая способности его заниматься нравственными предметами, представить большее число юношей, могущихъ посвятить себя ученію съ пользою для отечества. Въмѣсто довода, осмѣливаюсь донести вашему превосходительству, что въ одномъ Харьковѣ, городѣ малолюдномъ, изъ числа самыхъ неважныхъ губернскихъ городовъ, нашелъ я около пятидесяти человѣкъ, годныхъ къ непосредственному поступленію студентами въ университетъ, и вмѣстѣ съ симъ подпошу нѣкоторыя произведенія въ російской словесности (среди обыкновенныхъ уроковъ представленныя учителямъ) четырнадцати и пятнадцатилѣтнихъ воспитанниковъ тамошнихъ училищъ, училищъ, возникшихъ безъ дальняго попеченія мѣстнаго начальства, и по нынѣ весьма недостаточно снабждаемыхъ учителями и учебными пособіями. Я увѣренъ, что вы сіи провинціальныя опыты найдете предвѣстіями самыхъ счастливыхъ въ будущности успѣховъ, и если изволите взять въ разсужденіе то великое число молодыхъ людей, которое наполняетъ обыкновенно духовныя и свѣтскія училищныя заведенія губерній орловской, курской, слободско-украинской, воронежской, екатеринославской и обѣихъ малороссійскихъ, и съ которыми однѣ губерніи столичныхъ городовъ могутъ выдержать сравненіе, если изволите также представить количество духовныхъ и свѣтскихъ учителей, чиновниковъ въ разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ особливо землемѣровъ, архитекторовъ, инженеровъ, также и художниковъ, доставляемыхъ изъ губерній сего округа въ другія губерніи, то найдете конечно новыя побудительныя причины обратить на сей край и на будущій его университетъ вниманіе высокаго министерства. Въ семъ разумѣ, осмѣливаюсь всепокорнѣе испрашивать соображенія, не выгоднѣе ли для казны и не соответственнѣе ли общественной пользѣ будетъ, если изъ семинарій, находящихся въ Харьковскомъ округѣ, не требовать студентовъ въ С.-Петербургъ въ число ста человѣкъ, по предположенію имѣющихъ поступить въ учительскую гимназію, а вмѣсто сего по сношенію съ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ соразмѣрное количество оныхъ назначить къ поступленію въ Харьковскій университетъ, который безъ сомнѣнія откроется не позже сентября мѣсяца сего года и можетъ, на основаніи 39 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, въ педагогическомъ институтѣ съ равнымъ успѣхомъ и въ то же время при-

готовить учителей къ исполненію мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ своего округа. Такимъ образомъ, затрудненія отъ дальняго пути и отъ перемѣны климата столько опасной для здоровья, равно какъ и отъ скоропостижной перемѣны мѣста, окруженнаго стѣнами и почти безмолвнаго, на шумную и роскошную столицу, перемѣны, кажется, не меньше опасной для нравственности молодыхъ людей, исчезнуть сами собою. Семинаристы всеконечно предпочтутъ ѣхать въ Харьковъ, коль скоро не взяты будутъ мѣры необходимости, а на волю ихъ предоставится избрать тотъ или другой путь, да и неоспоримо истинною принять можно, что они больше причинъ будутъ имѣть къ соревнованію въ наукахъ, находясь почти въ виду своихъ родителей, родственниковъ, друзей и тѣхъ начальствъ, предъ очами которыхъ всегда лестно для нихъ было успѣхами отличатся. Съ другой стороны, я не вижу возможности наполнить педагогическій институтъ университета ближе и соотвѣтственнѣе его назначенію, какъ съ помощію семинаріи. Мысль вашего превосходительства была всегда, что не должно отлагать введеніе системы по части народнаго просвѣщенія, на предварительныхъ онаго правилахъ начертанной, и что тѣмъ менѣе должно отъ оной удалиться, на сей мысли я основываю покорнѣйшее мое представленіе. Вирочемъ, въ тамошнихъ мѣстахъ вообще ласкаются надеждою, что главное училищъ правленіе исходатайствуетъ всемилостивѣйшее позволеніе пользоваться преподаваніемъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ безъ различія состояній духовнаго отъ гражданскаго. Будетъ ли сіе соотвѣтствовать общественной и государственной пользѣ, я не смѣю здѣсь разрѣшить, но представляю по всеѣмъ правамъ судить о томъ вашему просвѣщенному разуму и вашему сердцу, которыхъ высокими предметами всегда были: слава возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ и благо его вѣрноподданныхъ.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Юня 10-го 1803 г. ¹⁾.

¹⁾ Арх. харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив. Филадельфъ Васильевичъ сообщаетъ, что на коніи этого представленія самъ Василій Назарьевичъ сдѣлалъ характерную приписку: „подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію 4 раза; въ 5-й, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноябрю“.... Изъ этого можно заключить, говорить Филадельфъ Васильевичъ, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу (Рус. Стар., ноябрь, 1875, стр. 473).

Пребываніе Каразина въ Харьковѣ ознаменовалось между прочимъ посылкою отъ имени губ. пред. Донца-Захаржевскаго циркулярнаго обращенія къ уѣзднымъ предводителямъ ¹⁾, въ которомъ они приглашались явиться въ Харьковъ по университетскому дѣлу.

Сѣздъ уѣздныхъ предводителей дѣйствительно состоялся 21 апрѣля 1803 г., но онъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ дѣлѣ распоряженія дворянскою суммою.

На этомъ засѣданіи состоялся цѣлый рядъ важныхъ постановленій. „Всемилюбівейшій государь, такъ начинается протоколъ этого засѣданія, изъявляетъ къ рескриптѣ благоволеніе свое къ дворянству губерніи за приношеніе его на университетъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя самымъ незабвеннымъ, самымъ лестнымъ для истинной славы образомъ предадутъ о семъ подвигѣ память потомству. Благословляя

¹⁾ Въ циркулярѣ Донца-Захаржевскаго, составленномъ Василиемъ Назарьвичемъ, говорилось: „лестно для сердца моего, что я патріотическому подвигу почтеннаго нашего корпуса избранію обязанъ за полученный мною лично знакъ монаршей милости; лестно видѣть, что всемил. государь, къ засвидѣтельствованію благоволенія своего, толико драгоцѣннаго для сего корпуса, удостоилъ причестъ и сіе отличіе. Вы получили уже писъмо гражданскаго губернатора, содержащее приглашеніе его превосходительства въ Харьковъ, чтобъ при семъ случаѣ не упустить сдѣлать окончательнаго положенія о сборѣ и точномъ назначеніи дворянской суммы; нахожу я необходимо нужнымъ, чтобъ вы, мил. гос. мой, испросили у дворянства вашего уѣзда довѣренность на избраніе ваше, обще съ другими господами предводителями, членовъ комиссіи университета, такъ какъ весьма затруднительно будетъ единственно для сего предмета составлять общее собраніе дворянства. Вы изволили замѣтить изъ Высочайше изданныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, что распоряженіе всеми суммами на училища подчинено уже общему закону и ввѣрено главному правленію училищъ и попечителямъ университетовъ, составляющихъ оное; слѣдовательно, три члена комиссіи, предположенные нами въ актѣ 1 сентября прошедшаго года, изберутся на тотъ лишь конецъ, чтобъ чрезъ нихъ сдѣлать дворянство свидѣтелемъ благонамѣреннаго употребленія его суммы. Должность ихъ не можетъ быть затруднительна и всегдѣшнее пребываніе въ губернскомъ городѣ не есть необходимость. Присяжъ прилагаю и копіи съ отношенія ко мнѣ попечителя Харьковскаго округа и съ довѣренности его сіятельства, данной сочлену нашему Василию Назарьвичу Каразину, на основаніи которыхъ я считаю нужнымъ безъ замедленія приступить къ открытію комиссіи, ибо желаніе попечителя есть—въ теченіе нынѣшняго же лѣта открыть университетъ. Къ счастью, въ семъ не встрѣтится затрудненій; съ одной стороны я увѣренъ, что господа уѣздные предводители собственною дѣятельностью и примѣромъ расположатъ благородное дворянство къ скорѣйшему взносу суммы, съ другой высшее правительство никакихъ не упуститъ мѣръ: донынѣ уже облегчило оно все къ тому пути, назначивъ достойное помѣщеніе для сего важнаго училища и сумму изъ государственныхъ казначействъ въ пособіе дворянской, о чемъ въ пріѣздъ вашъ сюда вы подробнѣе узнать изволите“.

тысящекратно волю и десницу просвѣщеннѣйшаго изъ монарховъ, начертавшаго сіе свидѣтельство нашего усердія, мы потщимся оправдать оное на всегда въ очахъ обширной Россіи своимъ рвеніемъ къ общему благу, своимъ единодушіемъ къ исполненію великихъ намѣреній, руководящихъ нынѣ судьбу нашу“. За тѣмъ собраніе представило подробную табель взноса 400-тысячной суммы на университетъ, распредѣливъ ее на 6 лѣтъ ¹⁾. При этомъ предводители отклонили избраніе членовъ изъ своей среды для участія въ университетской комиссіи и въ распоряженіяхъ этими деньгами, что проэктировали нѣкогда Каразинъ и что предлагалъ имъ въ особомъ письмѣ вновь назначенный попечителемъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій; „дворянство ограничиваетъ себѣ единожды на всегда взносомъ суммы“, такъ какъ по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія распоряженіе суммами должно было находиться въ рукахъ самого правительства. Собраніе выразило свою признательность министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею и всѣмъ лицамъ, „которые обращали на нихъ вниманіе государя“. Депутату Каразину поручалось и впредь ходатайствовать о 3-мъ пунктѣ данной ему инструкціи, такъ какъ это неразрывно связывалось съ благосостояніемъ университета и пользами страны, для которой онъ учрежденъ. В. Н. Каразинъ обратился въ собраніе съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что ген.-лейт. Ос. Ив. Хорватъ, хотя и не былъ помѣщикомъ слоб. укр. губ., но пожелалъ, въ интересахъ просвѣщенія и въ силу прежней своей принадлежности къ харьковскому дворянству, внести на Харьковскій университетъ 5000 р. въ 5 сроковъ. Собраніе

¹⁾ Интересна составленная тогда табель. Вся 400,000 сумма должна была быть внесена въ 6 сроковъ, каждый разъ по 66,666 р. 67 к.: 1-й срокъ наступалъ 1 сентября 1803 г., 2-й 1 сентября 1804 г., 3-й 1 сентября 1805 г., 4-й 1 сентября 1806 г., 5-й 1 сентября 1807 г. и 6-й 1 сентября 1808 г. Вся эта сумма составлялась изъ слѣдующихъ статей: 66,910 р., которые причитались харьковскому дворянству отъ казны за фуры и волы, доставленные ей во 2-ю турецкую войну, 41,279 р. 50 к., которые должны были поступить съ слободско-украинской губ. на военное училище, 18,347 р., которые обязаны были внести для той же цѣли три уѣзда, отошедшіе отъ харьковской къ воронежской губ. (острогжскій, богучарскій и старобѣльскій), 273,463 р. 50 коп., которые разложены были между дворянскими помѣщиками всѣхъ 10 уѣздовъ харьковской губ., при чемъ на долю харьковского уѣзда пришлось 28,681 р. 38 к., богодуховского 23,483 р. 46 к., ахтырского 22,066 р. 99³/₄ к., сумского 48,206 р. 73 к., зміевского 13,717 р. 47 к., изюмского 38,646 р. 27 к., купянского 12,911 р. 26³/₄ к., валковского 17,020 р. 86³/₄ к., волчанскаго 31,063 р. 20³/₄ к., лебединскаго, 37,819 р. 17³/₄ к. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 по архиву, № 1 по картону).

поручило Каразину выразить Хорвату глубокую признательность за это дѣло, „которое само въ себѣ заключаетъ и похвалу въ себѣ“. Наконецъ тутъ же была принята слѣдующая резолюція по дѣлу Капустянского.

„Разсуждая о собраніяхъ въ уѣздахъ и въ губернскомъ городѣ дворянскаго корпуса, находятъ: 1-е, что удаленіе большей части гг. дворянъ отъ оныхъ есть важное препятствіе къ достиженію общихъ пользъ, которыя токмо единомысліемъ и откровеннымъ другъ съ другомъ обращеніемъ познать и стяжать возможно, 2-е, что сіе удаленіе подаетъ поводъ къ разнovidному толкованію положеній, сдѣланныхъ дворянами, бывшими на лицо въ собраніяхъ, иногда же и къ совершенному отрицанію ихъ исполнять, не взирая, что отъ воли каждаго всегда зависитъ пріѣхать или на бумагѣ сообщить свое мнѣніе заблаговременно, 3-е, что если не взять мѣръ въ отвращеніе таковыхъ разногласій и холодности къ общему дѣлу, то и свобода, Августѣйшими Монархами дворянству представленная, и честь, которую оно снискать можетъ благо-разумнымъ ея употребленіемъ, нечувствительно удаляются изъ виду и останутся въ однихъ словахъ, не бывъ нигдѣ обнаружены на дѣлѣ, предводители слободско-украинскаго дворянства, убѣждаясь толико важными причинами и взявъ въ основаніе извѣстные законы на сей случай, полагаютъ слѣдующее: 1-е, по долгу своего званія почтительнѣйше напомнить благородному дворянству, что, по уставамъ и обычаямъ цѣлаго свѣта, собраніе, на которое всѣ были формально приглашены въ свое время и отъ онаго формально не отреклись, почитается рѣшительнымъ или имѣющимъ право общаго приговора, изъ колѣкаго бы числа лицъ оное не состояло, что въ противномъ случаѣ, такъ какъ никогда невозможно собрать всего корпуса, если оный многочисленъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, то никогда бы и нигдѣ не было рѣшительнаго собранія, а сіе противорѣчить и разуму, и событію вещи, что молчаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ожидаютъ отъ какой либо особы выраженія ея мыслей на предложеніе, не можетъ быть иначе сочтено, какъ за формальное согласіе той особы, что таковое молчаніе въ дѣлахъ важныхъ, гдѣ всякій долженъ нести свою долю свѣдѣній, опытности и усердія ко благу общему, есть или непростительное пренебреженіе, или признательное подчиненіе собственной воли волѣ разсуждающихъ голосовъ и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ неозвратно замѣняется приговоромъ сихъ голосовъ и таковой приговоръ долженъ имѣть полную свою силу, тѣмъ паче, когда въ нарочитое время, напримѣръ, въ продолженіе таковыхъ сроковъ, кои законами почтены довольными для представленія апелляціи на рѣшеніе присутственныхъ мѣстъ, не воспослѣдовало никакого возраженія; 2-е, предоставить губернскому предводителю донести о семъ

положеніи Его Сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ и всенкорнѣйше испросить просвѣщеннаго начальническаго его разрѣшенія, какія собственно мѣры взять должно, дабы расположить на предбудущее время господъ дворянъ къ составленію своихъ собраній полнѣе, нежели каковы они обыкновенно бываютъ, и для побужденія исполнять сдѣланныя на оныхъ постановленія, имѣя при семъ паиначе въ предметѣ, что чрезъ многочисленныя токмо и сколько возможно общіе сѣзды дворянъ можно достигнуть до того, что выборы чиновниковъ въ уѣздахъ и губерніи всегда будутъ самые совершеннѣйшіе и послужать къ общей пользѣ и чести дворянства. Опытъ показалъ, что, не взявши таковыхъ мѣръ, всѣ побудительныя къ сему предписанія самого начальства будутъ недостаточны¹⁾.

Отвѣтъ министра на общую часть этого представленія былъ полученъ въ іюлѣ 1803 года и категорически подтвердилъ мнѣніе харьковскихъ предводителей объ обязательности общихъ рѣшеній дворянъ, въ какомъ бы числѣ эти послѣдніе ни собрались, такъ какъ жалованная дворянская грамота процента сѣхавшихся относительно общаго количества не опредѣляетъ²⁾.

Но и это категорическое заявленіе министра не разрѣшило дѣла, не устранило оппозиціи противъ дворянскаго постановленія. — Эта послѣдняя шла отъ многихъ частныхъ лицъ и особенно замѣтно проявилась, кромѣ изюмскаго, еще и среди волчанскаго дворянства.

О томъ, какъ туго шли сборы въ волчанскомъ уѣздѣ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ мѣстный уѣздный предводитель дворянства писалъ Донцу-Захаржевскому: „предписаніе вашего высокоблагородія о взносѣ суммы для заведенія университета народнаго просвѣщенія я имѣлъ честь получить и, что слѣдуетъ ко взносу денегъ отъ меня представить, я всегда готовъ; всѣ же присутствующіе не имѣютъ ни одной души, исключая судьи, за которымъ числится 18 душъ; примѣра (къ пожертвованіямъ) нужно ожидать отъ великопомѣстныхъ владѣльцевъ; но они, а на нихъ смотря и другіе, ни одинъ разъ по тремъ приглашеніямъ на общее собраніе въ уѣздный городъ пріѣхать не поохотились. Какимъ же образомъ могу я лично имѣть съ ними свиданіе? И если и впредь будетъ происходить таковое же равнодушіе къ общимъ положеніямъ и нужнымъ совѣтамъ, то нельзя будетъ ожидать и лучшаго успѣха, развѣ не угодно-ли будетъ вамъ отъ себя сдѣ-

¹⁾ Архивъ харьк. двор. депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ университета.

²⁾ Ibidem, стр. 430, 431.

латъ къ нимъ убѣдительное напоминаніе объ усерднѣйшемъ исполненіи общихъ положеній; за всѣмъ тѣмъ я не останавливаясь буду непрестанно прилагать всевозможнѣйшее и прилежнѣйшее стараніе о сборѣ денегъ; но въ случаѣ медленности, я васъ прошу извинить меня, какъ невиноваго въ этомъ, а укажите на тѣхъ, которые по всей справедливости будутъ достойны замѣчанія отъ васъ". 3-го мая 1803 г. состоялось общее собраніе дворянъ волчанскаго уѣзда, на которомъ между прочимъ не признано было возможнымъ утвердить раскладки суммъ, произведенной на сѣздѣ харьковскихъ предводителей дворянства 21 апрѣля 1803 г. Для такой раскладки волчанскіе дворяне требовали общаго сѣзда дворянъ въ Харьковѣ; самую подпись своего предводителя подъ протоколомъ 21 апрѣля волчанскіе дворяне признали незаконной ¹⁾. Сверхъ того одинъ волчанскій помѣщикъ, майоръ Времева, прямо отказывался производить уплату на университетъ изъ тѣхъ своихъ волчанскихъ имѣній, которыя не пользовались малороссійскими привилегіями, а были на правахъ великороссійскихъ земель: въ такомъ именно положеніи находилось 634 д. его крестьянъ, обитавшихъ въ сл. Волоховкѣ и Ивановкѣ; привилегіями же пользовалось только 52 чел. его подданныхъ, жившихъ въ х. Плотнянскомъ и на рѣчкѣ Хотомлѣ ²⁾.

Губернскій предводитель дворянства долженъ былъ употреблять мѣры, чтобы парализовать дѣйствіе постановленія волчанскихъ дворянъ, и съ этою цѣлью обратился съ убѣжденіями къ наиболѣе вліятельнымъ изъ нихъ,—къ Кон. Мих. Донцу-Захаржевскому и Мих. Черноглазову. Указавъ на несоотвѣтствіе этого протокола, подписаннаго только 10 дворянами безъ предводителя дворянства, съ общимъ дворянскимъ постановленіемъ, губернскій предводитель спрашивалъ: съ чѣмъ они согласны—съ 10-ю волчанскими дворянами, или общимъ собраніемъ дворянъ харьковской губерніи. Кон. Мих. Захаржевскій объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ, что его имя вписали въ протоколъ безъ его вѣдома и что онъ согласенъ съ губернскимъ предводителемъ. Черноглазовъ объяснилъ, что хотя онъ не знаетъ хода дѣла на дворянскомъ сѣздѣ въ Волчанскѣ, но такъ какъ въ протоколѣ, по словамъ предводителя, есть „ничто противное“, то онъ и отказывается отъ него ³⁾.

О незаконномъ постановленіи волчанскаго дворянства Донецъ-Захаржевскій писалъ и губернатору Артакову. Но губернаторъ держалъ

¹⁾ Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковского университета.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

сторону оппозиціи. Въ своемъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ Донецъ-Захаржевскій объяснялъ, что Артаковъ не считалъ приговора 1 сентября 1802 г. *общимъ*, такъ какъ его не подписалъ Канустьянскій и отъ этого произошли разные непорядки; такъ, въ Волчанскѣ помѣщикъ Дм. Хорватъ, подписавшій протоколъ 1 сентября, съ 10-ю дворянами сдѣлалъ, приговоръ, не согласный съ общимъ постановленіемъ дворянства. То жевъ Изюмскомъ уѣздѣ сдѣлалъ Канустьянскій, за что и преданъ суду уголовной палаты. Еще раньше (въ апрѣлѣ 1803 г.) Донецъ-Захаржевскій подалъ на Канустьянскаго жалобу въ харьковское губернское правленіе и въ этой жалобѣ просилъ объ отрѣшеніи его отъ должности ¹⁾. Рѣшилось это дѣло только въ слѣдующемъ 1804 г. Богодуховскій помѣщикъ, извѣстный своею непримиримою враждою къ роду Каразиныхъ, Савва Альховскій отказывался даже уплачивать старый взносъ на военное училище. Это тотъ самый Альховскій, въ память наѣзда котораго на крестьянъ с. Кручика отецъ Василия Назарьевича Назарій Александровичъ Каразинъ вылилъ свой знаменитый колоколъ съ слѣдующею надписью: „сей колоколъ—кровь вопіющая къ Богу людей села Кручика и дер. Основинскаго, побитыхъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня“. Къ этому колоколу былъ при-

¹⁾ Вотъ текстъ этой жалобы: „Изюмскаго уѣзда помѣщикъ коллежскій ассесоръ Николай Шидловскій въ оригиналѣ доставилъ ко мнѣ прилагаемое при семъ въ копіи г. предводителя того же уѣзда Василия Канустьянскаго къ нему отношеніе, жалуясь на него въ томъ, что онъ по пренорученію моему, которое я на него, по случаю полученнаго рескрипта, изъясняющаго Высочайшее благоволеніе, возложить почелъ себя обязаннымъ учредить и ускорить образъ складки, пожертвованной дворянствомъ отъ избытковъ своихъ, на Харьковскій Императорскій Университетъ суммы, дѣлаетъ ему, Шидловскому, препятствія, въ дѣлѣ, удостоенномъ Высочайшаго Императорскаго благоволенія, и помѣшательства; я, убѣждаясь съ одной стороны ревностно къ содѣйствію общенароднаго блага, а съ другой оскорбляясь Всеподданнической моею вѣрности кощупствомъ и превратными толками его Канустьянскаго о Высочайшихъ милостяхъ, излитыхъ отъ Е. И. В. на здѣшнее дворянство, заставляюсь упомянутое Канустьянскаго отношеніе, дерзнувшее за предѣлы дозволенности, какъ то губернское правленіе усмотрѣть изволить, представить опому правленію на законное съ нимъ поступленіе и о удаленіи его, Канустьянскаго, отъ настоящаго званія предводителя, въ прекращеніе препятствъ и помѣшательства въ дѣлахъ дворянскихъ, отъ стороны его чиненныхъ и чинимыхъ, на мѣсто же его утвердить слѣдующаго по большинству баловъ г. Шидловскаго, удостоеннаго за особливое его содѣйствіе въ пожертвованіи на Университетъ суммы Высочайшаго благоволенія и званіе сіе съ особливимъ ревнованіемъ и благонамѣренностью отправляющаго“.

(Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. понес. № 1 по архиву, № 1 по картону).

крѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово именъ Саввы ¹⁾. Изъ-за этого между ними возникли сильная вражда и судебные процессы. Можно представить себѣ поэтому, какъ Альховскій долженъ былъ отнестись и къ сыну Назарія Александровича, и къ его проекту объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Подобно Капустинскому, онъ воспользовался однимъ выраженіемъ государева манифеста (о добровольномъ характерѣ пожертвованій) съ тѣмъ, чтобы вовсе ничего не платить. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ на четырехкратное напоминаніе о взносѣ въ размѣрѣ 150 р. 75 к. (извѣщеніе отъ Никитовскаго волостного правленія, по требованію уѣзднаго предводителя Куликовскаго, было объявлено ему въ числѣ прочихъ Мураховскимъ атаманомъ): „1803 года іюня 6 дня сей приказъ мнѣ въ селѣ Шаровкѣ объявленъ, на который объявляю, что по чиннымъ до сего вынудительнымъ требованіямъ отъ меня денегъ по симъ же предметамъ, о конхъ въ семъ приказѣ упоминается, я уже тоекратно письменными на приказахъ отзывамъ, а именно—сего 1803 г. генваря 7 и генваря же 16 и апрѣля 9 чиселъ, объяснялъ, съ довлѣмою благопристойностію, показывая тому искреннія причины, тѣмъ паче, что таковыя по означеннымъ предметамъ вынудительныя требованія поборовъ многими уже Высочайшими рескриптами возбранены и повсюду возбраняются, то и нынѣ все въ тѣхъ отзывахъ моихъ сказанное подтверждаю съ пополненіемъ, что я по таковымъ вынудительнымъ противъ Высочайшихъ рескриптовъ чиннымъ требованіямъ давать денегъ не могу и къ дачѣ оныхъ нынѣшнее принужденіе почитаю уже насильствомъ, напосыщимъ невинное утѣсненіе, на каковое упомянутый въ приказѣ господинъ предводитель дворянства чрезъ нижній земскій судъ поступаетъ въ явную противность Высочайшихъ рескриптовъ на предметъ добровольныхъ каждаго посылныхъ отъ избытковъ на училища даиіи послѣдовавшихъ, ибо по онымъ рескриптамъ по всѣмъ губерніямъ, какъ значится и по печатнымъ вѣдомостямъ, каждый даетъ по своей волѣ, а не вынудительно, что можетъ деньгами или матеріалами, а не могущій давать нигдѣ какъ и здѣсь къ дачѣ чего либо не принуждается: о чемъ для увѣдомленія господина предводителя и въ четвертый разъ сіе объяви, подписуюсь—майоръ Савва Альховскій ²⁾“. Съ предводителемъ дворянства (Кули-

¹⁾ См. мою статью „Паз. Ал. Каразинъ и его колоколъ“ (Кіев. Старина, 1892, декабрь).

²⁾ Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

ковскимъ), о которомъ здѣсь упоминается, у Альховскаго также были свои счеты по дѣлу о колоколѣ—и храбрый майоръ, „герой Очакова и покоренія Крыма“, дѣлавшій набѣды на своихъ сосѣдей съ ружьями (а по преданію даже съ очаковскими пушками), конечно не могъ сразу почувствовать такой любви къ „училищамъ“, чтобы отстать отъ своихъ военныхъ привычекъ и простить оскорбленіе, нанесенное ему фамиліей Каразиныхъ и Куликовскихъ. Въ объясненіе приведенныхъ нами эпизодовъ слѣдуетъ замѣтить, что харьковское дворянство только недавно передъ тѣмъ (въ 1765 году) перешло на мирное положеніе, до тѣхъ поръ оно представляло изъ себя военно-служилое сословіе; эта слободско-украинская казацкая старшина по характеру своему напоминала малороссійскую. Съ 1765 года она получила права русскаго дворянства, а съ 1785 года стала пользоваться самоуправленіемъ по жалованной дворянской грамотѣ. Но и теперь еще у слободско-украинскаго дворянства остались нѣкоторыя особенныя привиллегіи и за нихъ оно держалось весьма крѣпко. Мы видѣли уже, съ какою торжественностью отпраздновано было въ Харьковѣ подтвержденіе мѣстныхъ привиллегій. Съ ними было связано и самое пожертвованіе на военное училище, а потомъ на университетъ. Слободско-украинскіе дворяне не успѣли еще привыкнуть къ своему сословному самоуправленію въ духѣ и формахъ, начертанныхъ имъ державною волею Екатерины II-й. У нихъ не выработалось еще сознанія о подчиненіи частныхъ интересовъ общимъ, о необходимости приносить жертвы во имя общаго приговора, получающаго обязательную силу и для тѣхъ, кому онъ непріятенъ. Въ нихъ силенъ былъ еще личный эгоизмъ, среди нихъ царили личные столкновенія, а подчасъ и личная расправа. Новыя гражданскія учрежденія туго прививались и не успѣли еще пустить глубокихъ корней въ обществѣ. Въ особенности не желали подчиняться общественнымъ постановленіямъ такія лица, въ которыхъ живы были прежніе буйные инстинкты, осталась привычка къ самоуправству. Правда и на нихъ отразился духъ времени—и они уже должны были воевать больше перомъ, чѣмъ мечемъ. Но отъ этой перемѣны общественныя предпріятія ничего не выигрывали; имъ приходилось все таки бороться съ упорными, которые къ тому же могли опираться на косность массы. Вотъ на такой почвѣ выросла оппозиція дворянскому постановленію о пожертвованіи на университетъ и среди изюмскихъ и волчанскихъ дворянъ. Бороться съ ними было не легко. Мы увидимъ далѣе, какіе грандіозные размѣры приняла эта борьба и какое вліяніе она оказала на судьбу самыхъ пожертвованій. Теперь же только отмѣтимъ и одинъ отрадный фактъ—пожертвованіе со стороны лица, не владѣвшаго ни крестьянами, ни землею: это былъ уѣздный

купянской штабъ-лѣкаръ Яковъ Воробьевскій, пользовавшійся только доходами со своего жалованья и пожертвовавшій единовременно 25 р. Такое усердіе наило тогда же справедливую оцѣнку со стороны уѣзднаго предводителя дворянства Розальона-Сошальскаго, сообщившаго объ этомъ Донцу-Захаржевскому ¹⁾.

Вопросъ о пожертвованіяхъ дворянской суммы подвигался очень туго и это отражалось на самомъ ходѣ дѣла объ открытіи Харьковскаго университета. В. Н. Каразинъ, какъ это видно изъ письма его къ Новосильцеву, мечталъ приурочить это открытіе къ сентябрю 1803 года; 14 іюня 1803 г. былъ составленъ уже церемоніальнъ откритія университета ²⁾; но это была только мечта; впереди предстояло еще много дѣла и на мѣстѣ въ Харьковѣ, и въ Петербургѣ.

Въ Харьковѣ Василя Назарьевича замѣнилъ проф. Илья Ѳеодоровичъ Тимковскій, явившійся сюда вмѣстѣ съ Осиповскимъ, Делявинымъ и Лангомъ 8 іюня 1803 года и немедленно приступившій къ продолженію дѣятельности Каразина. Уѣзжая изъ Харькова, Каразинъ оставилъ Тимковскому официальное письмо, въ которомъ уполномочивалъ его продолжать дѣло устроенія Харьковскаго университета. Въ Москвѣ они встрѣтились и здѣсь, какъ мы видѣли, В. Н. Каразинъ сообщилъ Тимковскому всѣ необходимыя ему мѣстные свѣдѣнія и снабдилъ письмами къ харьковскимъ властямъ. Осмотрѣвшись нѣсколько въ Харьковѣ, Тимковскій уже черезъ 2 недѣли по своему пріѣздѣ туда пишетъ обширное письмо въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева, которое и доложено было ему В. Н. Каразинымъ, 6 іюля, какъ видно изъ собственноручной надписи этого послѣдняго. Въ письмѣ этомъ И. Ѳ. Тимковскій писалъ слѣдующее ³⁾:

„Іюня 8 дня прибылъ я въ Харьковъ, вмѣстѣ съ г. Осиповскимъ, Делявинымъ, Лангомъ. Продолжителенъ былъ путь мой и нѣсколько скученъ: то проливной дождь, то починка повозокъ, то непривычка иностранцевъ ѣздить въ кибиткахъ по почтѣ довольно дѣлали остановки при всей моей поспѣшности. Сверхъ того въ Москвѣ прожилъ я недѣлю въ одномъ университетскомъ кругѣ, почиталъ за нужное освѣдомиться о тамошнихъ заведеніяхъ обстоятельно, да два дня для общихъ поло-

¹⁾ Архивъ харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Церемоніальнъ этотъ на французскомъ языкѣ хранится въ дѣлахъ университета скарго архива. (См. также мою брошюру „Харьковскія университетскія торжества“. Х. 1892 г., стр. 14).

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попочителя по архиву № 1, карт. № 1.

женій съ Васи́лемъ Назарі́евичемъ. Въ Харьковѣ вселились мы прямо во дворецъ, на коемъ нашель и уже надпись: Университетъ. Городъ стоитъ частью на горѣ, а частью на мѣстахъ низменныхъ около рѣки. Онъ только лишь выходитъ изъ дикой необразованности. Если обстроится, будетъ весьма пріятный городъ. Всѣ окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпичу, есть довольно и лѣсу, коего нѣмнѣйшая дороговизна происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ—зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ отъ того боялись строиться, что городъ часто обременяемъ былъ постоями; и если квартиры теперь дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, для себя единственно, теперь же слышно, что многіе изъ купечества ожидаютъ только, чтобъ началось строеніе университета, и вокругъ него воздвигнутся зданія порядочныя; и въ такое время безъ сомнѣнія больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды. Здѣсь множество развалившихся и гниющихъ лачугъ остаются песенены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ; плотныя насажены изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою на рѣку; ледъ растаетъ и нечистота садится на дно. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода въ сырое время, и особливо осенью и весною; но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ бдительности со стороны городской полиціи. По многимъ моимъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ея здѣсь. Естественное-же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, якобы нѣтъ возможности осушить, вычистить и вымостить улицы, есть отговорка. Я слышалъ, что за два года передъ симъ одинъ купецъ брался сдѣлать четыре главныхъ каменныхъ мостовыхъ за 40000, и что за нѣсколько лѣтъ стоявшіе въ этой губерніи нѣсколько тысячъ рекрутъ бралъсь почти даромъ вычистить рѣки верстъ на 20; но къ сожалѣнію и то, и другое отринуто небреженіемъ. Впрочемъ много надѣяться можно на общительность здѣшнихъ жителей. Дошло до свѣдѣнія моего, что одинъ купецъ хочетъ снять винный откупъ здѣсь на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для города, наддавалъ 50000 для нашего университета. Всѣ предназначенныя ко взносу суммы располагаются выгоднымъ образомъ.

Въ предводителѣ дворянства нашель человѣка ревностнаго къ общему благу, и въ головѣ человѣка владѣющаго довѣренностію согражданъ своихъ. Желательно, чтобы зимою можно было уже запасти камень для фундамента и лѣсъ къ постройкѣ университета, а съ слѣдующей весны начать заготовленіе кирпича. Здѣсь есть казенный въ области приказа общ. приз. находящійся кирпичный заводъ. Въ цемѣ

1000 продается по 7 р., но съ частныхъ заводовъ охотнѣе покупають по 8 р.; увѣряють меня, что ежели мы устроимъ свой собственный заводъ недалеко отъ университетскаго мѣста и купимъ лѣсу десятинами на срубъ, то 1000 кирпича обойдется намъ по 6 р., и что послѣ заводъ сей оплотится намъ съ лихвою и вѣрно будетъ у насъ купленъ. Остається рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобъ оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были-бы чистые, здоровые и гдѣ-бы можно было весело раскинуться ученому заведенію, чтобы прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли-бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хотя часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторые мѣста; но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и угоды, избѣжать невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочевши одно другому, то не обождаютъ-ли въ такомъ случаѣ съ симъ выборомъ до пріѣзда сюда Его Сіятельства Северина Осиповича и до собственнаго его обозрѣнія. Время потерпѣть; между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едва-ли будетъ. Нынѣшній домъ нашъ занимаетъ возвышеніе въ срединѣ города; онъ подлинно обладаетъ городомъ и окрестностями; и мы пользуемся изряднымъ воздухомъ и открытыми видами. При этомъ онъ довольно великъ собою, такъ что вовсе не способенъ былъ для жизни губернаторамъ и по сему, кажется, весьма мало было смотрѣнія за цѣлостію вещей въ немъ и опрятностію его. Жаль только, что расположеніе комнатъ и службъ въ немъ не вовсе соотвѣтствуетъ нынѣшней его цѣли. Изъ плановъ его и объясненій Василія Назаріевича Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, гдѣ чему быть въ немъ лучше и будетъ-ли принадлежать намъ сосѣдній такъ называемый вице-губернаторскій въ началѣ для дворянскихъ собраній выстроенный домъ или не будетъ. Все надобно сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ: въ университетскомъ домѣ довольно перестройки, и въ послѣднемъ случаѣ будетъ ея гораздо больше—какъ то изъ каретнаго сарая должна быть столовая для казенныхъ студентовъ, а часть конюшни обратится въ типографію; для сего нужно повидимому рѣшительное предписаніе, что этотъ домъ принадлежитъ совершенно университету, дабы здѣшнее начальство не вмѣшивалось въ наши работы и не останавливало ихъ; нужна также сумма отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, изъ казны ли, или изъ недавно отданной для университета винной суммы, нещадно здѣсь расточенной и теперь еще не вовсе отъ того огражденной, если вѣрить слу-

хамъ. Тогда, неупуская лѣтнаго времени, можно бы сдѣлать главнѣйшія перестройки; также и дровами запастись до зимы; а прочія подѣлки, какъ то столы, стулья, замки, задвижки, оконныя стекла и прочія, могутъ произведены быть и осенью.

Послѣ имѣющей быть здѣсь въ августѣ Успенской ярмарки многое придется купить гораздо дешевле, напримѣръ, стулья. Остатки бывшей въ семь домѣ мебели могутъ освободить насъ отъ нѣкоторыхъ издержекъ и вообще желательно знать здѣсь, принадлежатъ ли отдающему намъ дому мебель его, которой часть свалена въ погребѣ, а часть остается сохранно въ покояхъ, какъ то—креслы, зеркала и занавѣсы въ залѣ собранія. Ежели бы ей и не слѣдовало принадлежать къ дому, то все приличнѣе оставаться въ казенномъ заведеніи, нежели валяться и до конца портиться въ погребѣ или еще скорѣе разойтись въ частныя жилища. Вице-губернаторъ, бывши у насъ, многого и теперь не находитъ, что значится по списку въ казенной палатѣ, и то, что есть, не очень завидно. Изъ сваленнаго въ погребѣ можно будетъ кое что поправить починкою и употребить въ дѣло; а прочее позволить продать съ аукціона, или, что все равно, бросить. Нѣкоторыя вещи пригодятся для профессоровъ, коимъ дапы на первый случай вмѣстительныя квартиры, по дороговизнѣ квартиръ и дровъ, по малому привозу всякихъ припасовъ. Когда выстроятся просторныя дома и вымостятся улицы, когда въ городѣ не будетъ вовсе или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ за 25 верстъ, и когда всякіе припасы станутъ изъ далека привозиться въ твердой надеждѣ сбыть ихъ, тогда житье здѣсь будетъ гораздо сходнѣе, а какъ невозможно будетъ дать профессорамъ квартиры, которыми бы они были совершенно довольны, то многіе вѣроятно перейдутъ мало по малу на свои наемныя. Впрочемъ не изволите ли, Ваше Превосходительство, предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не обѣщалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ, если захотятъ прибавить себѣ вѣсу невоздержанными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ. По моему расчету выходитъ теперь же въ этомъ домѣ пять квартиръ; а когда выломаемъ губернаторскій очагъ, коему въ главномъ корпусѣ быть и весь домъ опасности отъ пожара подвергать недолжно, то очистится еще для шестой квартиры двѣ комнаты съ общею прихожею; современемъ можетъ быть окажется и седьмая—двѣ комнаты для эзекутора. Теперь производится кое какія починки; когда бы денегъ было больше, работа пошла бы живѣе. До сихъ поръ я не вошелъ еще въ полное хозяйство; занимаюсь болѣе классами, въ которыхъ начались и еще съ недѣлю будутъ

продолжаться приватные экзамены: многое веселить, обнадеживает. Но и тутъ вижу я, какъ въ Москвѣ судилъ, что гимназін не принесутъ нужныхъ для университета успѣховъ, при столь маломъ числѣ учителей, какое въ новомъ штатѣ полагается, наипаче до того времени пока не придутъ въ желанное состояніе уѣздныя и приходскія школы. Поелику нельзя вдругъ завести во всѣхъ губерніяхъ гимназій по новому порядку, какъ за недостаткомъ учителей, такъ и затѣмъ, что на сей разъ перемѣна постепенная лучше крутой и повсемѣстной, то во первыхъ нужно, кажется, образовать гимназію харьковскую, что будетъ выѣстѣ и гораздо удобнѣе, до того времени, какъ студентовъ станутъ готовить намъ гимназін, остается получать ихъ изъ семинарій. Проѣздомъ черезъ Бѣлгородъ былъ я у архіерея и у ректора тамошнихъ: они увѣрили меня, что мы будемъ имѣть отъ нихъ студентовъ, если они по требованію, въ силѣ указа синоду января 24, взяты будутъ на казенное содержаніе. Уклонясь нѣсколько отъ сего условія, доказывалъ я выгоду учиться въ Университетѣ и на своемъ содержаніи, учиться даже и тѣмъ, коимъ слѣдуетъ возвратясь поступать въ духовное званіе. Здѣшній архіерей, кажется, нѣсколько сговорчивѣе на этомъ пунктѣ. Я считаю за полезное черезъ недѣлю или двѣ поѣхать въ Малороссію, гдѣ найду многихъ, кои учатся въ Кіевѣ, Черниговѣ или Переяславѣ и на время ваканцій и закрытія классовъ во всѣхъ училищахъ пріѣхали въ родительскіе дома; и поелику тамъ много священно-служителей изъ дворянъ, то дѣти ихъ властны поступать въ духовное или свѣтское состояніе. Тамъ слѣлаю я нѣкоторое приглашеніе, чтобъ по позыву имѣть намъ осенью нѣсколько студентовъ при открытіи университета; для сего постараюсь ввести, буде можно, въ посредство и Переяславскаго архіерея; можетъ быть, найдется также нѣсколько учениковъ изъ здѣшнихъ классовъ, коихъ на первый случай можно будетъ допустить въ университетъ, съ тѣмъ чтобы изученіе латинскаго языка продолжали въ гимназін, гдѣ онъ за мѣсяць передъ симъ введенъ, и тѣмъ ободрить какъ ихъ, такъ и прочихъ учениковъ, а особливо ихъ казенныхъ питомцевъ. Здѣсь есть заведеніе казеннаго содержанія для сиротъ и бѣдныхъ; и хоть по новому штату оно не положено, однако нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что здѣсь особая, по указу покойной государыни Екатерины II-й ежегодно на содержаніе сиротъ и бѣдныхъ, 4000-я изъ казенной палаты отпускаемая сумма и впредь остановлена не будетъ, ежели доброе заведеніе сіе удостоится благоволенія начальства.

Предавая все вышеозначенное благоусмотрѣнію вашего превосходительства и принося вамъ, милостивый государь, глубочайшую признательность за благосклонность вашу, оказанную мнѣ въ бытность мою

въ Петербургѣ, долгомъ себѣ поставлю заслуживать оную всегда и съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Ваше Превосходительство, покорнѣйшимъ и
преданнѣйшимъ слугою, Ильи Тимковскій.

Іюня 22-го дня
1803 г. Харьковъ.

На письмо это послѣдовала резолюція, записанная рукою В. Н. Каравина: „заготовить представленіе министру, возобновить прежнее о суммахъ на Харьковскій университетъ, въ которомъ сказано, что если бы съ 20000, слѣдуемыми гр. Потockому въ Вѣну, и разсуждено было удержаться, тѣмъ не менѣе нужны другія 20000, въ томъ числѣ и требуемы визитаторомъ“.

И. О. Тимковскій, проживая въ Харьковѣ, употреблялъ все усилія къ скорѣйшему открытію университета: съ одной стороны, старался подыскать подходящій земельный участокъ для будущихъ постоянныхъ построекъ, съ другой, приспособлялъ ко временному помѣщенію университета бывшій генераль-губернаторскій домъ, устраивая тамъ аудиторию и помѣщенія для профессоровъ и казеннокоштныхъ студентовъ. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ его особенно занималъ. И дѣйствительно, нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ, гдѣ-же взять на первыхъ порахъ студентовъ, когда гимназій во всемъ тогдашнемъ округѣ совсѣмъ не было: ихъ предстояло еще открывать. Единственная надежда была на семинаристовъ. Неудивительно поэтому, что и Тимковскій обратилъ на нихъ особенное вниманіе.

Прекрасное понятіе обо всей этой хозяйственной дѣятельности Тимковского даетъ собственноручное письмо его къ Н. Н. Новосильцеву (отъ 31 августа 1803 г.). Такъ какъ оно не было извѣстно автору специальной монографіи о Тимковскомъ г. Шугурову, то мы помѣщаемъ его въ прилѣжаніи цѣликомъ ¹⁾.

1) Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Какія успѣлъ я пріобрѣсть частныя и составныя изъ нихъ генеральныя свѣдѣнія и замѣчанія по должности визитатора, непременно доставить къ Вашему Превосходительству въ скорости; теперь-же имѣю честь довести:

1) Что главный корпусъ дома, назначеннаго подъ Харьковскій университетъ, также въ правомъ его флигелѣ четыре комнаты для штатныхъ студентовъ и двѣ кухни совсѣмъ почти отдѣланы, и супротивъ сего флигеля въ заднемъ углу двора отгорожено и приготовлено слишкомъ 200 квадратныхъ сажень земли для ботаническаго сада. Слѣдуетъ подрядить поставку дровъ на годъ, сдѣлать всю

Изъ этого письма видно, что Тимковскій оказался въ высшей степени добросовѣстнымъ, аккуратнымъ и умѣлымъ исполнителемъ порученія, возложеннаго на него попечителемъ Потоцкимъ; онъ въ одинаковой степени заботился и о важныхъ вещахъ, и о мелочахъ, внѣ-

пужную мебель, закупить разные припасы и исправить два амбара деревянныхъ, погребъ и въ лѣвомъ флигелѣ двѣ кухни. Оставалось бы также находящійся въ лѣвомъ флигелѣ большой сарай обратить въ столовую комнату для студентовъ и къ ней кухню; но приближающаяся осенняя пора не позволитъ уже предпринять сей работы; а какъ отъ здѣшняго вице-губернатора я извѣтился, что дѣло идетъ объ отдачѣ подъ университетъ сосѣдняго дома, состоящаго изъ деревяннаго кирпичемъ обложеннаго корпуса и двухъ каменныхъ флигелей, то и можно будетъ по сему обойтись до слѣдующаго лѣта безъ передѣлки помянутаго сарая и размѣститься порядочно заведенію университета. За такими распоряженіями время открытія университета будетъ зависѣть уже только отъ порядочнаго устроенія штатныхъ и общественныхъ суммъ его, отъ прибытія нужнѣйшихъ профессоровъ и лекторовъ, отъ полученія книгъ и отъ вызова семинаристовъ.

2) Изъ комнатъ, приготовленныхъ для студентовъ, въ одной можетъ помѣститься четыре человѣка, въ прочихъ трехъ по шести, а въ случаѣ нужды и по семи въ началѣ, и даже до открытія новыхъ отдѣленій, кажется, довольно будетъ имѣть на казенномъ содержаніи 25 человѣкъ. По сему за надобное нахожу приготовить 25 кроватей съ ящиками, 25 стульевъ, 25 столиковъ, чтобы каждый могъ заниматься своею работою отдѣльно, и 4 стола большихъ, т. е. въ каждую комнату по столу для общаго какого либо дѣла.

Платья, бѣлья и постелей заготовлять не для чего: каждый вѣрно привезетъ свое, чего и достанетъ по крайней мѣрѣ на полгода, если не болѣе, а чрезъ сіе казна можетъ запасти все исподволь, во благовремя. Для службы на четыре комнаты довольно приставить двоихъ сторожей, кои могутъ прислуживать и въ столовой.

3) Кромѣ вышепоказанной мебели, надобно заказать на первый случай 4 или 5 дюжинъ стульевъ для всякаго употребленія, да для залы публичныхъ собраній особо двѣ дюжины кресель, кафедру и стулъ, въ четыре комнаты для лекцій 8 столовъ и 16 скамеекъ, для библіотеки 8 шкафовъ, столъ большой и два маленькихъ. Для физическаго и естественной исторіи кабинетовъ шкафы тогда можно сдѣлать, когда привезены будутъ самыя вещи. Я стараюсь пріискать такихъ помѣщиковъ, кои бы, имѣя своихъ столярей, сняли на себя всю эту работу. Для насъ гораздо будетъ сходнѣе имъ отдать оную, чѣмъ городскимъ здѣшнимъ мастерамъ, кои по малому ихъ числу и большой въ нихъ потребности крайне дорожатся.

4) По расчету печей въ покояхъ и кухняхъ, если бы весь домъ отапливать, нужно дровъ около 300 саж., нынѣшній же разъ довольно будетъ купить сажень до 200; а ежели что изъ сего числа останется, то замѣнить съ выгодною покупку на слѣдующій годъ. Сажень ихъ, состоящая обыкновенно изъ вершинъ, сучьевъ и хворосту, длиною въ сажень, бываетъ здѣсь цѣною отъ 4½ до 6 рублей, смотря по ихъ добротѣ и времени покупки. Лучшее здѣсь время подряду ихъ есть июль, августъ и нѣсколько сентября. Поставка можетъ быть частію въ сентябрѣ, а частію въ зимнее время. Здѣсь въ обычаѣ покупать лѣсъ деся-

каль въ сущность дѣла, старался все устроить какъ можно экономнѣе. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что единственнымъ его помощникомъ по хозяйственной части былъ на первыхъ порахъ только Шишкинъ, приглашенный еще В. Н. Караянымъ не то въ качествѣ эконома, не то экзекутора. Что же касается представителей отъ дво-

тивами на срубъ. Хозяевамъ и промышленникамъ удается выигрывать иногда противъ обыкновеннаго по полтинѣ на сажени дровъ симъ способомъ, который однако для насъ несомнѣнъ надеженъ.

5) Увѣряють, что здѣсь гораздо выгоднѣе подряжать поставки и работы на сумму не очень знатную безъ публикацій, призывая подрядчиковъ къ торгу по одиночкѣ, въ противномъ случаѣ, по малому конкурсу являющихся предпріемчиковъ, они общимъ условіемъ полагають высокія цѣны и неспускають. Прошу у Валего Превосходительства разрѣшенія, слѣдовать-ли и намъ опому обычаю, руководствуясь справочными цѣнами, въ тѣхъ статьяхъ, въ коихъ подлинно бываютъ показуемыя статьи.

6) Назначенный для квартиры вице-губернатору одинъ изъ купленныхъ здѣсь на общественную сумму домовъ такъ медленно исправляется починкою и пристройками, что едва-ли окончится сіе къ зимѣ. И такъ, ежели должно будетъ вице-губернатору оставаться въ казенномъ плыѣ имъ занимаемомъ домѣ, который, какъ слышно, подъ университетъ назначается, то нельзя ли теперь получить намъ по крайней мѣрѣ флигеля, занимаемаго нынѣ приказомъ общественного призрѣнія и чертежною, кои могутъ безъ нужды перейти въ общественные дома.

7) Если открытіе университета быть можетъ не прежде слѣдующаго года, то все нужное для кухни и столовой студентскихъ, также разныя другія вещи выгоднѣе закупить здѣсь въ Крещенскую ярмарку, какъ то и вообще многое лучше выписывать сюда къ ярмаркѣ, а особливо зимой. Полезно бы, кажется, было такъ устроить столовую, что бы въ ней находился особый столъ для волонтеровъ, то есть студентовъ своекоштныхъ, кои за дальностью квартиръ своихъ или по выгодѣ общей складки пожелаютъ имѣть здѣсь обѣдъ либо и ужинъ за приличную плату, взноsimую не меньше какъ на мѣсяцъ.

8) Хотя потребное число семинаристовъ выписать можно бы изъ лучшихъ и ближайшихъ семинарій, въ округѣ Харьковскаго университета находящихся, а именно изъ воронежской и бѣлгородской; однако, чтобы прочія не обидѣлись, чтобы университетъ могъ на каждую простереть нѣкоторое вліяніе чрезъ поступившихъ въ него оттуда, и чтобы молодые люди, собравшись съ разныхъ сторонъ, лучше самымъ обращеніемъ между собою полировались, нежели прибывъ обществомъ изъ одного края, для сего неблагоугодно-ли будетъ требовать въ свое время семинаристовъ изъ всѣхъ семинарій, какъ-то на первый случай—изъ воронежской 4, бѣлгородской 3, черниговской 3, здѣшней 2, переяславской 1, сѣвской 1, новоміргородской 1, всего 15. Желательно, чтобы выборъ сихъ людей въ семинаріяхъ былъ по преимуществу способностей, а не недостатка. Остальное же число въ счетъ 25 наполнится вольноявляющимися, если окажутъ отличныя способности, и нѣкоторыми губерскихъ и уѣздныхъ училищъ учителями, кои объявили уже или объявятъ желаніе свое доучиваться и преобразоваться въ университетѣ, если будетъ имъ позволено. Что же касается до тѣхъ старшихъ учениковъ харьковскаго училища, кои съ успѣхомъ обучаются, но не знаютъ латинскаго языка

рянства, то ихъ, какъ мы видѣли, на-сѣздѣ предводителей 21 апрѣля 1805 г. рѣшено было вовсе не выбирать. О дальновидности Тимковскаго свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что и онъ, подобно Каразину, хотѣлъ выбрать подѣ университетъ „мѣсто, которое должно было быть за городомъ и довольно просторное, съ чистою водою и здоровымъ

и конхъ въ ободреніе имъ самимъ, а еще болѣе злѣшнему дворянству, надобно бы допустить къ слушанію лекцій, на російскомъ языкѣ преподаваемыхъ, и въ другіе классы, гдѣ можно обойтись безъ латинскаго языка, о чемъ я имѣлъ уже честь писать къ Вашему Превосходительству прошлаго іюня 22 дня, то они могутъ оставаться или на своемъ содержаніи, или въ числѣ нынѣшнихъ казенныхъ питомцевъ. Нехудо бы имѣть намъ изъ Геттингена хотя двоихъ хорошихъ, благонравныхъ молодыхъ студентовъ, француза и нѣмца, которые кромѣ науки упражнялись особенно въ латинской, греческой и своей природной словестности, и кои бы, живучи здѣсь на магистерскомъ жалованьи, вмѣстѣ съ прочими студентами педагогическаго института, помогали образованію ихъ и современемъ сами, поступивъ по экзамену въ магистры, могли бы обучать въ гимназіи. Когда въ гимназіяхъ учителя будутъ навывкуншіе говорить по французски или по нѣмецки и когда нынѣ будетъ въ нихъ хотя по два учителя изъ иностранцевъ, то сіе, доставляя само по себѣ многія выгоды, особенно расположитъ и привлечетъ дворянъ къ публичному ученію.

9) Нужными къ отпуску сюда оказываются суммы: а) на всѣ вышеупомянутыя и другія мелочныя издержки, о чемъ я имѣлъ уже честь писать прошлаго іюня 22 дня; б) на жалованье профессорамъ, чтобъ имѣть оное въ готовности къ выдачѣ за новую треть, текущую съ 17 дня минувшаго іюля (считая первую треть съ 17 марта, когда состоялись штаты, хотя упомянутые четыре профессора избраны и утверждены еще февраля 7 дня) и потомъ за остальное время до новаго года, также на жалованье адъюнкту и кассиру; в) на покупку земли для строенія университета и для ботаническаго сада. Изъ всѣхъ мѣстополюженій, гдѣ бы можно было новому университету, нѣтъ здѣсь такого, которое отвѣчало бы всѣмъ потребностямъ ботаническаго сада, а посему не позволите-ли прикупить въ сторонѣ таковое пригодное мѣсто, съ тѣмъ чтобы часть саду была тамъ, а другая при домѣ; не благоудно-ли будетъ также приобрѣсть для университета мѣсто, гдѣ можно бы завести кирпичный заводъ для его строенія, о чемъ представлялъ уже я Вашему Превосходительству того же іюня 22 дня. Сію часть земли, если городская дума не отведетъ ее на своихъ выгонахъ, надобно будетъ купить заблаговременно, дабы съ осени заготовить глину; въ октябрѣ нужно бы имѣть и для ботаническаго сада землю.

10) Для ботаническаго садоводства и травничанья нуженъ будетъ въ самомъ началѣ садовникъ, который бы для изясненія съ профессоромъ ботаники, незнающимъ російскаго языка, разумѣлъ при семъ языкъ и французскій или нѣмецкій или хотя латинскій; не найдется ли для сего знающій и искусный чело-вѣкъ при главной аптекѣ въ Москвѣ, откуда лубенская полевая аптека получаетъ смотрителей для садовъ своихъ на жалованье самое умѣренное; такъ я слышалъ.

11) Опредѣленный Вашимъ Превосходительствомъ въ кассиры коллежскій ассесоръ Дзюбинъ вступилъ въ должность сего августа 3 дня и наблюдаетъ за

воздухомъ, гдѣ бѣ можно было весело раскинуться ученому заведенію“. Онъ имѣлъ въ виду то самое мѣсто, которое раньше намѣтилъ В. Н. Каразинъ (по Сумскому шоссе), и которое было вскорѣ уступлено даромъ харьковскими войсковыми обывателями университету. Но окончательное рѣшеніе этого вопроса онъ предоставлялъ все таки попечителю Потоцкому, по его возвращеніи въ Харьковъ. Поддерживая мнѣніе В. Н. Каразина, Тимковскій ходатайствовалъ также объ отводѣ и вице-губернаторскаго дома—и это ходатайство было уважено, съ тѣмъ, чтобы университетъ принялъ на себя наемъ приличныхъ помѣщеній для вице-губернатора и присутственныхъ мѣстъ ¹⁾). Наконецъ, Тимковскій продолжалъ дѣло В. Н. Каразина и относительно побужденія къ пожертвованіямъ. Такъ, онъ обратился съ обширнымъ посланіемъ къ Малороссійскому генералъ-губернатору кн. Куракину и Полтавскому губ. пред-

благоустроеніемъ въ домѣ. Когда же дойдетъ дѣло до новаго строенія, то необходимо будетъ, чтобы дворянство и гражданство здѣшнее, на коихъ сумму будетъ постройка, приставили къ тому отъ себя выборомъ по члену или по два, и такимъ образомъ составителю комиссія.

12) Здѣшнее дворянство, слыша, что Его Сіятельство графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій получилъ въ отпускъ своемъ отсрочку на долгое время, ласкаетъ себя надеждою, что Ваше Превосходительство удостоите прибыть сюда къ открьтію университета.

13) По случаю большого съѣзда помѣщиковъ для Успенской ярмарки было общее желаніе почетнѣйшихъ фамилій и начальствующихъ чиновъ здѣшнихъ, составить собраніе или балъ, за немнѣишемъ другаго мѣста, въ залѣ университетскаго нашего дома, что съ согласія моего и послѣдовало сего августа 20 дня со всею пристойностію. Такимъ же образомъ вчера празднуемо было тевтонничество Государя Императора.

Въ прежнее время бывали здѣсь собранія осенью и зимою каждое воскресенье; и хотя теперь желаютъ того же на время, доколѣ зала остается праздною, но отдавать ее на таковое постороннее употребленіе не иначе можно, какъ изрѣдка и по большимъ праздникамъ, если и на это послѣдуетъ Вашего Превосходительства благоволеніе.

14) Изъ періодическихъ изданій и вѣдомостей учинена подписка; до сихъ поръ получаютъ мною 17 статей. Черезъ нѣсколько времени доставлю къ Вашему Превосходительству списокъ всѣхъ поступающихъ статей для свѣдѣнія, полное-ли ихъ число поступаетъ.

Представляя все сіе на благоусмотрѣніе Вашему Превосходительству, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію глубочайшею имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства препокорнѣйшимъ слугою
Илья Тимковскій.

1803 г. августа
31 дня. Харьковъ.

¹⁾ Киев. Стар., 1891, сент., стр. 379.

водителю дворянства Кочубею, въ которомъ убѣждалъ, „чтобы каждая губернія, въ которой училища будутъ подѣ попеченіемъ Харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его“. „Когда Екатеринославская губернія, такъ заключалъ онъ свое письмо, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100000 р., то какъ помыслить о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовью къ наукамъ“ ¹⁾. Къ сожалѣнію, этотъ призывъ остался безъ результата, потому что малороссіяне хотѣли учрежденія университета въ Черниговѣ или Полтавѣ.

Такъ неустанно, ровно, безъ скачковъ велъ свое дѣло въ Харьковѣ Тимковскій, переписываясь постоянно съ Каразинымъ и стараясь ослабить нѣсколько его порывы и рѣзкій образъ дѣйствій въ отношеніи „власть имущихъ“.

Посмотримъ же теперь, что дѣлалось на пользу университета въ Петербургѣ послѣ пріѣзда туда В. Н. Каразина (лѣтомъ 1803 г.). Здѣсь прежде всего поднятъ былъ Василіемъ Назарьевичемъ вопросъ объ устройствѣ постоянныхъ здачій для университета. Еще въ своемъ „предначертаніи“ онъ составилъ грандіозный планъ будущихъ построекъ университета. Теперь, по пріѣздѣ изъ Харькова въ Петербургъ, онъ представилъ планы, рисунки и чертежи, составленные, по его порученію, архитекторомъ Васильевымъ, на утвержденіе главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ, чтобы вся постройка осуществлялась на средства, пожертвованныя дворянствомъ и другими сословіями Харьковской губерніи. Объ этомъ въ журналѣ правленія записано такъ: „предложенъ былъ отъ Е. С. Министра Просвѣщенія проектъ плана и фасада для здачій Харьковскаго университета на счетъ суммъ патріотическаго приношенія Слободской Украинской губ., представленный ему отъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ (Николая Николаевича Новосильцева), какъ идеальное исполненіе художнической программы или опытъ искусства адъюнкта Васильева, заслужившій одобреніе отъ архитекторовъ сей столицы (профессоровъ академіи художествъ) — Гваренія и Воронихина, при чемъ Е. С. Министръ изволилъ замѣтить, что въ отношеніи къ строенію сему прежде всего слѣдуетъ удостовѣриться, согласно ли будетъ слободско-украинское дворянство, сдѣлавшее приношеніе суммы, обратить ее единственно на здачій университета. Почему и *опредѣлено*: предоставить управляющему округомъ отнестись о семъ кому слѣдуетъ“ ²⁾.

¹⁾ Кіев. Стар., 1891, септ., стр. 390.

²⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго Университета.

Новосильцевъ дѣйствительно запросилъ объ этомъ Донца-Захаржевскаго (въ декабрѣ 1803 г.) и при этомъ прибавлялъ, что 6000 р., полученныхъ отъ Харьковскаго дворянства, онъ сдалъ на храненіе въ государственный заемный банкъ, а 4000 р. вручилъ В. П. Каразину, такъ какъ они были присланы въ Петербургъ этимъ послѣднимъ. Въ разъясненіе этого же дѣла писалъ письмо Донцу-Захаржевскому и В. Н. Каразинъ. „На сихъ дняхъ получили вы отъ Е. Пр. Николая Николаевича Новосильцева отношеніе, сдѣланное имъ по управленію Харьковскаго округа Народнаго Просвѣщенія. Чтобы объяснить оное, а вмѣстѣ и поводъ къ тому бывшій, имѣю честь препроводить при семъ выписку изъ журнала засѣданій Главнаго Правленія училищъ и подлинныя рисунки зданій, которые тогда были представлены и разсматриваемы. Донесу вамъ, что мнѣ легко было сказать тогда же господамъ членамъ, что почтенное дворянство, сдѣлавши единожды свое приношеніе, отказалось отъ всякихъ распоряженій по сему предмету; и бы могъ сослаться на протоколъ дворянства, котораго копія находится у министра внутреннихъ дѣлъ. Но какъ нашъ министръ въ засѣданіи непремѣнно настаивалъ, чтобы оказать дворянству Слободской Украинской губерніи сіе уваженіе, то я почелъ непристойностію представлять что либо противъ, ибо подумали бы, что я не желаю, чтобы оное было оказано. Потому то и помѣщена мною въ журналѣ сія статья, впрочемъ излишняя, поелику она давно разрѣшена документально упомянутымъ протоколомъ 21 апрѣля сего года, въ первой статьѣ котораго дворянство отказывалось отъ распоряженій суммою предоставленіемъ оной въ силу 20-й и 46-й ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія начальству сей части. И какъ сверхъ того Государю Императору благоугодно было не токмо назначить всю штатную сумму 130000 р. сполна изъ казны, но даровать еще и другія пособія Харьковскому университету, то куда приличнѣе можетъ быть обращена дворянская сумма, какъ не на строеніе? И таковое зданіе, бывъ сооружено не на счетъ казны, облегчить расходы оной по сей части и съ тѣмъ вмѣстѣ послужить на предбудущіе вѣки достойнымъ памятникомъ пожертвованій дворянства. По сдѣланному г. нынѣшнимъ адъюнктомъ университета Васильевымъ соображенію, все сіе зданіе такъ, какъ оно на планѣ представлено, будетъ стоить въ теченіи 6 лѣтъ именно тѣхъ самыхъ суммъ, которыми университетъ отъ дворянства и купечества имѣетъ въ виду.

Покорнѣйше прося васъ не медлить отвѣтомъ вашимъ Николаю Николаевичу, да равно и донесеніемъ о семъ отвѣтѣ гр. Виктору Павловичу, чрезъ котораго, кажется, и планы правительству обратно могутъ быть доставлены, покорнѣйше прошу не сомнѣваться также, что я съ

истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего Высокоблагородія всепокорнѣйшимъ слугою. В. Каразинъ. Декабря 22 1803 года.

Р. С. Не разрѣша здѣсь всего того, что до университета принадлежать относительно его открытія, я не полагаю быть въ Украинѣ, но получивши немедленно пріѣду“ ¹⁾. Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ Новосильцеву въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ ожидалъ В. Н. Каразинъ, т. е. что распоряженіе дворянскою суммою всецѣло принадлежитъ правительству.

Затѣмъ особенное вниманіе обратилъ Василій Назарьевичъ на финансовый вопросъ, который стоялъ весьма неудовлетворительно и сильно тормозилъ всѣ дѣла. Объ этомъ очень краснорѣчиво свидѣтельствуется и письмо къ В. Н. Каразину Сев. Ос. Потоцкаго, въ которомъ тотъ между прочимъ писалъ: „я могъ бы здѣсь въ Германіи пріискать профессоровъ для Харьковскаго университета, но къ сожалѣнію всѣ средства для этого у меня отняты—мнѣ не высылаютъ денегъ, о которыхъ я такъ настоятельно просилъ предъ отъѣздомъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь... Признаюсь вамъ, что я не мало уже компрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ... Согласитесь, дорогой мой другъ, что при такомъ положеніи вещей мнѣ не къ чему торопиться ѣхать въ Харьковъ: что въ самомъ дѣлѣ стану я тамъ дѣлать съ 4 только находящимися уже тамъ профессорами и не имѣя возможности привезти отсюда ни одного больше“? ²⁾... Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи откровенное письмо В. Н. Каразина къ Государю отъ 16 августа 1803 г., поданное черезъ камердинера Гаврилова (къ нему В. Н. Каразинъ приложилъ и письмо Потоцкаго). „Я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность и тяжелый съ правилами ни мало не соображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство. Не взирая на всѣ мои усилія, послѣ отъѣзда гр. Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу сего заведенія. По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ, пожаловали Вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ 4-хъ округахъ Народнаго Просвѣщенія; повѣрите ли, Всемилостивѣйшій Государь, что понынѣ сія сумма совсѣмъ нетронута и что государственный казначей хотѣлъ уже просить у министра позво-

¹⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 271—272.

леніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе! Удивился я, нашедши, что до наступленія іюня мѣсяца ничего еще не было отправлено гр. Потоцкому на высылку иностранныхъ профессоровъ и путевыя ихъ издержки. Упросилъ Николая Николаевича (Новосильцева), получившаго отъ графа полную довѣренность занимать его мѣсто, сдѣлать представленіе объ ассигнованіи 40 т. на всѣ издержки по университету, въ томъ числѣ въ Вѣну 20 т.; министръ во всемъ рѣшительно отказалъ... Я спросилъ его, что же онъ прикажетъ дѣлать съ положеннымъ уже началомъ Харьковскаго университета, съ 4-мя на-примѣръ, профессорами, Высочайше подтвержденными, которые уѣхали и живутъ безъ дѣла въ Харьковѣ.... Другимъ представленіемъ министру, сдѣланнымъ уже 11 іюня (1803 г.), испрашивали хотя 20 т. на издержки по Харьковскому округу, который дотолѣ отнюдь ничѣмъ не пользо-вался, имѣя право по расчисленію на 125 т. изъ пожалованной суммы. Сперва отказано также рѣшительно, какъ и на прежнее представленіе. Но напослѣдокъ, заключая, изъ выговоренныхъ мною въ первое дви-женіе словъ, что я предприиму какой либо отчаянный поступокъ, согла-сились на 18000 р., росписавъ однако ихъ употребленіе (такъ что на заведеніе физическаго кабинета пришлось 500 р.¹⁾).

Тогда же (14 августа) В. Н. Каразинъ написалъ не менѣе отчаян-ное письмо и министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею. „Мое начальство, говоритъ онъ, не сдѣлало и малѣйшаго шага, чтобъ поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу. Графъ Северинъ Осиповичъ (Потоцкій) весьма не скоро еще прибудетъ; какъ будто на смѣхъ живутъ тамъ при-ѣхавшіе два профессора; публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. *Формально* не отводить до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которые выражаютъ сомнѣніе, и на недостатокъ точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изводили также ничего рѣшительнаго предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ съ 1783 г.; мы не имѣемъ ни свѣдѣнія о ней, ни наставленія, какъ присту-пить къ ея собранію, между тѣмъ всѣ прочія суммы, по извѣстному В. С. росписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, остано-вились совершенно, поелику вы не изводили ничего отвѣчать предводи-телю на его представленіе; изъ казны выдача 60-ти тысячной суммы отложена до будущаго года, по милости гр. Петра Васильевича (Зава-

¹⁾ Ibidem., стр. 274—275.

довскаго), который заставилъ министра финансовъ представить Государю, что Его Сіятельству было угодно (такъ кончилось все ваше благодѣтельное стараніе по сему предмету и сообщенное вами Высочайшее соизволеніе!). Я многого еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, еслибы приношеніе Хорвата было сколько нибудь ободрено, но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю уже о томъ, какъ я себя компрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи). Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятые чиновники потеряли и духъ, и надежду, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня“¹⁾. Приведенные нами документы прекрасно рисуютъ и положеніе дѣлъ по части устроенія Харьковскаго университета, и настроеніе самого Вас. Наз. Каразина, и его роль въ этомъ дѣлѣ. Въ письмахъ его къ Государю и Кочубею вполне сказался его смѣлый, рѣшительный характеръ, пылкій, невоздержный нравъ, наживавшій ему постоянно враговъ; мы видимъ, какъ рѣзко выражался онъ и въ данномъ случаѣ о своемъ непосредственномъ начальникѣ, министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскомъ. Самое дѣло, конечно, опять таки не стояло такъ безнадежно, какъ представлено оно Каразинымъ, и онъ самъ, какъ видно изъ переписки съ Тимковскимъ, вскорѣ перешелъ отъ полнаго отчаянія къ радужному настроенію. Въ письмѣ отъ 2-го августа онъ въ мрачномъ тонѣ описываетъ свои неудачи у министра народнаго просвѣщенія по части полученія денегъ, говорить, что заготовилъ формальную жалобу Государю на Завадовскаго²⁾, а два мѣсяца спустя (1 октября 1803 г.) пишетъ тому же Тимковскому другое письмо уже въ радостномъ тонѣ, которое заканчиваетъ такъ: „мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ наши недоброжелатели. Они измѣрили свои политическія силы, но для *измѣренія нашего упорства въ добромъ намѣреніи не имѣютъ они мѣста*“³⁾. Дѣйствительно, *упорство* Каразина въ достиженіи поставленной цѣли—устройства Харьковскаго университета—было огромно и въ концѣ концовъ оно сломило сопротивленіе однихъ и нарушило инертность другихъ. Къ сожалѣнію, Каразинъ при этомъ проявлялъ такую рѣзкость, которая нажила ему враговъ, постаравшихся воспользоваться его промахами, чтобы удалить его отъ любимаго дѣла. Напрасно предупреждалъ его по этому поводу осторожный Тимковский, совѣтовалъ держаться снхокойнѣ: „знаю, дѣятельность ваша есть

¹⁾ Ibidem, стр. 475.

²⁾ Киев. Стар. 1891, сентябрь, стр. 383—384.

³⁾ Ibidem, стр. 384—387.

пламень, все пожирающій—ахъ, берегитесь!—пожирающій и васъ самихъ, есть буря, сокрушающая все крупное и раздражающая тучи ненастныхъ, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генераль не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно пчелѣ, изъ всего медъ сосетъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ и, буде свинья не съѣстъ, буде року угодно, вырастетъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣй уши слышати, да слышать“¹⁾. Въ этомъ письмѣ ясно сказанъ и характеръ самого Тимковскаго, представлявшій полную противоположность съ характеромъ Каразина.

Стараясь всячески подѣйствовать на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба Харьковскаго университета, В. Н. Каразинъ въ то же самое время принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ хлопотахъ по части приготовительныхъ мѣръ, а именно—велъ переписку съ разными иностранными учеными, приглашая ихъ на службу въ имѣющійся открыться Харьковскій университетъ, подбиралъ въ Петербургѣ для него библіотеку и типографію, отсылалъ книги въ Харьковъ, прибрѣталъ разныя вещи для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета (между прочимъ знаменитую коллекцію эстамповъ Аделунга) и, наконецъ, прислалъ мастеровъ или художниковъ для производства необходимыхъ работъ на мѣстѣ въ Харьковѣ. Все это онъ дѣлалъ въ исходѣ 1803 и началѣ 1804 года. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что у него хранились отвѣтныя письма къ Василю Назарьевичу „Фихте, Гильдебрандта, Пуасона, Лабанда и другихъ европейскихъ знаменитостей, отозвавшихся весьма лестно на его призывъ ихъ въ Харьковъ“. Берлинскій натуралистъ Рейхъ отвѣтилъ ему даже по-русски²⁾.

„Помѣщикъ В. Н. Каразинъ, говоритъ Фойгтъ, положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію, прибрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами“³⁾. Всего поступило въ библіотеку

¹⁾ Ibidem, стр. 388—389.

²⁾ Рус. Стар. 1875, ноябрь, стр. 472.

³⁾ Ист. стат. зап. объ Имп. Харьк. универ. и его заведеніяхъ 1859, стр. 25.

при В. Н. Каразинѣ б. 3000 разныхъ книгъ ¹⁾. На типографію В. Н. Каразинъ употребилъ, по словамъ Фойгта, 1250 р. 34 коп. ас. изъ суммы, отпущенной ему Н. Н. Новоспльцевымъ; на эти деньги онъ приобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты, краски, лакъ, всего 38 предметовъ ²⁾.

Приобрѣтеніе Каразинымъ Аделунговой коллекціи эстамповъ для университета подробно разсказано акад. Н. А. Лавровскимъ. Мы не согласны со многими его замѣчаніями, но остановимся на разборѣ ихъ въ главѣ, которая будетъ посвящена исторіи учебноспомогательныхъ учреждений; теперь же только напомнимъ, что В. Н. Каразинъ приобрѣлъ въ Петербургѣ въ концѣ 1803 или началѣ 1804 г. для Харьковскаго университета у Аделунга собраніе эстамповъ въ числѣ 2477 штукъ за 5000 р. „Каталогъ“ этого собранія подписанъ былъ извѣстнымъ археологомъ Келеромъ, хранителемъ императорскаго кабинета эстамповъ, и живописцемъ Лабунскимъ, живописцемъ Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и любителемъ искусствъ Цимсеномъ, оцѣнившими его свыше 5000 р. и свидѣтельствовавшими, что это собраніе „весьма рѣдкое и въ особенности удобное служить къ изученію исторіи гравировальнаго искусства и притомъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства“. Такимъ образомъ, изъ этого видно, что В. Н. Каразинъ приобрѣлъ коллекцію Аделунга не дороже, а, м. б., даже и дешевле ея дѣйствительной стоимости. Но дѣло усложнилось запутанными счетами В. Н. Каразина, которые долго не могъ разъяснить себѣ Комитетъ и которые вызвали сильное неудовольствіе попечителя Потоцкаго ³⁾.

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“;—это въ высшей степени важная рукопись, заключающая въ себѣ краткіе отчеты о дѣятельности университета за 1805—1812 г. (включительно); составлена она на основаніи официальныхъ документовъ и сама несомнѣнно вполнѣ официального происхожденія. Это та самая рукопись, на которую указывалъ давно уже Г. П. Данилевскій (Укр. Старина, стр. 304), ею впрочемъ почти совсѣмъ не пользовавшійся; она помѣчена имъ № 28—и дѣйствительно, мы находимъ ее въ архивной описи подъ этимъ номеромъ. Печатныхъ ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности университета за это время не имѣется и потому настоящую рукопись мы будемъ широко пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само собою разумѣется, что къ извѣстіямъ ея мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ официальному экстракту изъ документальныхъ данныхъ (протоколовъ комитета, правленія, совѣта, училищнаго комитета и т. п.).

²⁾ Фойгтъ, стр. 133—134. По упомянутой выше рукописной „Исторіи дѣлъ“ для типографіи законтрактованъ былъ факторъ и литейщикъ.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв., 1872, январь, стр. 79—86.

Н. А. Лавровскій приводитъ подробности о денежныхъ расчетахъ комитета университета съ Каразинымъ за эстампы и при этомъ посылаетъ сильный укоръ по адресу этого послѣдняго.

„Такая путаница въ денежныхъ счетахъ вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ намъ перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скорообнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадѣжнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счета“ ¹⁾). Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила *не отъ одной* патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была главнымъ образомъ тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хроническимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормозившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью сноситься по дѣламъ университета съ лицомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ трудно было и ожидать аккуратнаго счетоводства. Не слѣдуетъ также упускать при этомъ изъ виду, что, при недостаткѣ денегъ, Каразинъ дѣлалъ постоянныя позаймствованія изъ собственныхъ средствъ, въ общемъ не особенно обширныхъ, и этимъ привелъ въ полное разстройство свои собственныя дѣла (долженъ былъ заложить свое имѣніе и т. п.). Мнѣ удалось найти въ университетскомъ архивѣ письмо самого Каразина въ комитетъ правленія Харьковскаго университета, гдѣ онъ старается какъ бы оправдаться въ нѣкоторой неаккуратности счетовъ, въ смѣшеніи своихъ суммъ съ университетскими; письмо это исполнено достоинства и сознанія важности заслугъ, оказанныхъ имъ любимому дѣтищу, Харьковскому университету. Оно можетъ служить прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 84.

„Милостивые государи!

Между прочими услугами, кои имѣлъ я счастье оказать Университету, доставилъ я въ оный въ 1803 и 1804 гг. изъ С.-Петербурга большую часть книгъ, находящихся нынѣ въ его библіотекѣ, почти всѣ инструменты физическаго его кабинета, также лабораторіи, типографіи и богатое собраніе эстамповъ; послѣднія мои доставки послѣдовали въ мартѣ 1804 г. Содѣйствуя съ такимъ же усердіемъ, какъ и довѣренностью, къ пользамъ сего почтеннаго заведенія, коего благо толь несомнѣнно было мнѣ довѣрено, какъ съ начала, такъ и до самаго его существованія, никогда не былъ я остановленъ недостатками суммъ, въ послѣдствіи времени правительствомъ для него назначенныхъ. Многократно старался я вознаграждать моею собственностью недостатокъ официальныхъ средствъ, нерѣдко въ подобныхъ сему случаю бывающихъ, въ коихъ новость заведенія не дозволяетъ предвидѣть непремѣнныхъ и положительныхъ правилъ и недостатокъ въ коихъ можетъ замѣнить одна только дѣятельность ихъ основателей. Пользуясь такимъ образомъ правомъ, случаемъ мнѣ даннымъ, и не имѣя нужды въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ начальныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ оному привязанности, ходатайствовалъ я къ пользамъ его у художниковъ, книгопродавцевъ и вообще у всѣхъ лицъ, вспомошествованія коихъ могли принести ему выгоды. Лица сіи, во всѣхъ до университета касающихся предписаніяхъ, кромѣ меня никого другого не признавали; имя мое было для нихъ совершенно достаточнымъ; квитанціи мои или заемныя письма считались имѣющими цѣну свою обязательствами и достаточными къ удовлетворенію всѣхъ могущихъ произойти съ ихъ стороны требованій. Также справедливо и то, что всегда исполнялъ я мои обязанности, тѣмъ болѣе для меня священныя, что оныя производились именемъ столь высокаго заведенія. Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы, для сего столь великодушно Его Имп. Вел. назначенныя, то не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги Его Сіятельства г. попечителя и доставленные въ университетъ счета представляютъ тому множество доказательствъ. Не найдется ни одного такого засвидѣтельствованія, сколько могу припомнить, которое не было за моимъ или съ согласія моего за подписомъ самого поставщика. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ употребленныхъ на то суммъ (ибо тогда не существовало въ немъ никакой еще надобности); часто спусти потомъ не малое уже время оканчивалъ я счета мои съ г. Новосильцевымъ, временно пра-

вившимъ тогда должность попечителя Университета, и получалъ обратно употребленные мною собственные мои на сіе деньги. Симъ образомъ кончилъ я съ университетомъ всѣ расчеты во всемъ, какъ до посылки книгъ, инструментовъ, такъ и прочаго касающемся. Что же принадлежить до эстамповъ, купленныхъ у г. Аделунга, то какъ посѣщенный мой отъѣздъ изъ С.-Петербурга воспрепятствовалъ мнѣ войти, какъ слѣдовало, въ сіе дѣло, то за оныя и не получилъ я денегъ. Продавецъ оныхъ, почетный членъ сего и Московскаго университетовъ, также членъ многихъ иностраанныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и паставникъ Ихъ Имп. Высочествъ Государей и Великихъ Князей дозволилъ мнѣ, чтобы прежде всего собраніе сіе оцѣнено было гг. первымъ библиотекаремъ Е. И. Вел. Келеромъ, смотрителемъ Имп. Собранія эстамповъ въ Эрмитажѣ Лабенскомъ, живописцемъ Е. И. Вел. Кюгельбекомъ, профессоромъ Имп. Академіи художествъ Прокофьевымъ и знатокомъ художникомъ кол. ас. Юнгомъ, кои равновѣрно подлинкою своею на самомъ каталогѣ засвидѣтельствовали, что цѣна всему собранію превышаетъ сумму 5000 р. (на которую согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося многіе мѣсяцы торгу); собраніе оное, которое полагалъ я тогда да и нынѣ не перестаю признавать необходимо нужнымъ университету, получивъ подъ заемное письмо на 5000 р., кои обзался выплатить въ 4 срока, отправилъ я тогда въ Харьковъ съ послѣдне присланными Цимсеномъ книгами и, подобно прежнимъ случаямъ, всю оную сумму сполна заплатилъ я по одному заемному письму, какъ слѣдовало. Что же касается до платежа мнѣ собственно оныхъ денегъ, то его сіятельство г. попечитель Университета приказалъ мнѣ самому адресоваться въ оный, почему я имѣлъ уже честь представить комитету въ засѣданіи его сего 3 марта мои довѣрія. Вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше высокопочтеннаго комитета, дабы опредѣлялъ выдать мнѣ оныя 5000 р. подъ мою росписку или въ противномъ случаѣ снабдилъ-бы меня другимъ какимъ либо рѣшительнымъ отзывомъ.

Василій Каразинъ, марта 31 дня 1805 г.¹⁾

Едва-ли нужно прибавлять что нибудь къ этому письму: оно само по себѣ служить достаточнымъ оправданіемъ для В. Н. Каразина и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно характеризуетъ эту замѣчательную личность. Нужно при этомъ замѣтить, что отправлено оно было тогда, когда Василія Назарьевича отстранили отъ университетскихъ дѣлъ, а между тѣмъ въ немъ не замѣтно ни малѣйшаго личнаго раздраженія и ме-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г., № 7.

лочнаго тщеславія. Такъ могъ писать только человѣкъ, вполне убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ.

Но окончательно дискредитировало В. Н. Каразина другое его *хозяйственное* распоряженіе—о мастерахъ или *художникахъ*; оно послужило ближайшимъ поводомъ къ устраненію его отъ дѣлъ Харьковского университета. Эпизодъ этотъ также подробно разсказанъ Н. А. Лавровскимъ ¹⁾ на основаніи документовъ университетскаго архива и потому мы не будемъ повторять уже извѣстныхъ подробностей, а напомнимъ здѣсь только сущность дѣла. В. Н. Каразинъ, въ виду недостатка въ Харьковѣ ремесленниковъ для производства различныхъ работъ, стоявшихъ въ связи съ учрежденіемъ университета, рѣшилъ отправить значительную партію ихъ изъ Петербурга. Онъ полагалъ что весь этотъ ремесленный людъ понадобится многочисленному контингенту студентовъ и профессоровъ будущаго университета (припомнимъ, въ какомъ грандіозномъ видѣ представлялъ онъ себѣ это Харьковское высшее училище! ²⁾). Между тѣмъ, потребности вновь открывающагося университета во всѣхъ отношеніяхъ оказались чрезвычайно скромными: студентовъ къ поступленію въ университетъ явилось очень мало, профессоровъ также, и многимъ художникамъ, законтрактованнымъ В. Н. Каразинымъ для университета, дѣлать по пріѣздѣ въ Харьковъ было нечего. Всего отправлено было Василиемъ Назарьевичемъ 32 мастеровыхъ и издержано на нихъ около 12000 рублей, изъ коихъ ок. 9 т. могли быть погашены работой, а 3 т. выданы были имъ безвозвратно. По контрактамъ они должны были находиться въ вѣдѣніи университета, исполнять за умѣренную плату работы для него предпочтительно передъ частными заказами и отрабатывать постепенно суммы, полученные ими на первоначальное обзаведеніе. В. Н. Каразинъ въ одномъ письмѣ самъ сознается, что онъ, отправляя ремесленниковъ, имѣлъ въ виду при этомъ и интересы *города*. Результаты этого предпріятія оказались для Каразина очень плачевными: Министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. Зава-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 86—99.

²⁾ Мотивы для вызова въ Харьковъ ремесленниковъ указаны имъ въ письмѣ къ Тимковскому; онъ полагалъ, что такимъ образомъ добьется и сбереженія университетскихъ денегъ, и пользы для г. Харькова: „вмѣсто того чтобы везти отсюда (изъ Петербурга) 10 фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему негодной уже, дряни, составляющей то, что называется *типографіей*, развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? Людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить 20 типографій“. (Кіев. Стар., 1891, сентябрь, стр. 386).

довскій, доложилъ Государю, что Каразинъ „самъ собою безъ всякаго дозволенія отъ начальства“ вызвалъ многихъ мастеровыхъ людей въ Харьковъ и сдѣлалъ съ ними контракты, на что затратилъ 11525 р. сверхъ суммы, опредѣленной въ штатѣ; въ виду этого онъ, Завадовскій, поручилъ попечителю Потоцкому сдѣлать Каразину строгій выговоръ и запретилъ ему отнынѣ мѣшаться въ дѣла университета. Государь согласился съ этимъ представленіемъ министра (18 іюня 1804 г.) и Завадовскій 20 же іюня увѣдомилъ объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи Потоцкаго. Съ этого момента должна была прекратиться всякая дѣятельность В. Н. Каразина на пользу Харьковскаго университета. Это былъ страшный ударъ для него; его поражали въ самое чувствительное мѣсто: онъ долженъ былъ отказаться отъ любимаго дѣтища своей творческой мысли, отъ предпріятія, которое должно было принести огромную пользу краю, отъ дѣла, на которое онъ затратилъ массу энергіи и которое теперь близилося уже къ благополучному окончанію.

Спрашивается теперь, на сколько справедливо было тяжелое наказаніе, постигшее Каразина, повергнувшее его въ уныніе и причинившее ему тяжелую нравственную пытку? Гр. Завадовскій мотивировалъ свою суровую мѣру въ докладѣ Государю тѣмъ, что Каразинъ нанялъ работниковъ „безъ всякаго дозволенія отъ начальства“. Но оказывается на самомъ дѣлѣ, что Каразинъ имѣлъ такое дозволеніе отъ начальства. 11 апрѣля 1804 года открылъ свои дѣйствія въ Харьковѣ officialный Комитетъ изъ профессоровъ и распредѣлялъ между своими членами тѣ обязанности, которыя раньше несли Каразинъ и Тимковскій; и вотъ въ этомъ комитетѣ Каразину „предоставлено было вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19-го апрѣля и согласно его вызову дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ другимъ художникамъ“. Въ своей инструкціи Потоцкій просилъ Каразина всячески способствовать комитету въ его дѣятельности, какъ человѣка, который „только содѣйствовалъ пользамъ сего университета“. Наконецъ, въ отношеніи своемъ отъ 19-го апрѣля Потоцкій прямо поручаетъ художниковъ „въ непосредственное наблюденіе Каразину“.

Неужели такія полномочія были недостаточны, въ особенности для лица, которое было инициаторомъ всего дѣла и одно время единственнымъ распорядителемъ его? Но еще любопытнѣе то, что самъ Потоцкій признавалъ исполнѣ дѣлесообразнымъ предпріятіе В. Н. Каразина о высылкѣ художниковъ. Это ясно видно изъ officialнаго письма его къ графу Завадовскому отъ 19-го апрѣля 1804 г. „По строжайшему изслѣдованію моему сего дѣла, извлекаю я слѣдующее заключеніе: извѣстно уже Вашему Сіятельству, что г. Каразинъ во всѣхъ своихъ,

випрочемъ похвальныхъ предпріятійхъ, не употребляетъ ни осмотрительности, ни тѣхъ правилъ, каковыхъ требуетъ заведенный порядокъ, онъ точно такимъ образомъ поступилъ и въ семь случаевъ: видѣвъ, что открытіе университета потребовать будетъ множества предварительныхъ работъ, для которыхъ въ городѣ Харьковѣ, скудномъ и въ самыхъ простыхъ ремеслахъ, не достанетъ никакихъ средствъ, онъ свойственными ему приемами и убѣжденіями вызвалъ изъ С.-Петербурга 32 мастеровыхъ, выдалъ каждому изъ нихъ отъ 100 до 500 р. по своему разсмотрѣнію съ условіемъ, что они большую часть сихъ денегъ повинны отработать университету, остальные же останутся на ихъ обзаведеніе. Всѣ условія заключены какъ между частными людьми и писаны отъ его собственнаго имени. Сложная сумма, во что обошлись таковыя задатки, доставленіе до Харькова и удовлетвореніе въ семь городѣ всѣхъ упомянутыхъ художниковъ, простирается до 12200 р., изъ которой суммы 10200 р. онъ уже выдалъ изъ собственныхъ денегъ, а 2000 р. остается еще дать кузнецамъ, стальнымъ и коснымъ мастерамъ, которые одни остались неудовлетворенными. Поступокъ г. Каразина нахожу я весьма необдуманномъ, обнаруживающимъ недовѣрчивость къ особѣ, которая управляла моимъ именемъ (т. е. Н. Н. Новосильцеву, который былъ противъ этой мѣры) ¹⁾ или упорство еще болѣе непростительное поставить на своемъ противъ ея воли. Въ доставленіи же изъ числа 32 четырехъ, никакой пользы университету принести не могущихъ, именно: чулочнаго фабриканта, замщенника, кожевника и ткача, вижу и сверхъ того усердіе къ Харькову не у мѣста. Но съ другой стороны, рассуждая: 1) что приобрѣтеніе Университету суммы городскихъ приношеній была собственная идея г. Каразина и преимущественно имъ произведена была въ дѣйство; 2) что самая большая часть доставленныхъ ремесленниковъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета и города Харькова совершенно необходимы и въ такой степени, что учрежденный комитетъ для успѣха предварительныхъ работъ принужденъ будетъ выписать въ добавокъ еще нѣсколько мастеровыхъ; 3) что изъ суммы, употребленной на нихъ, подѣл благоразумнымъ прсмотромъ за работами ихъ, возвратиться должно 8450 р., въ непродолжительномъ времени; въ 4) что приемомъ учениковъ, которыхъ оные мастера отъ стороннихъ людей, по показанію университета, безъ платы взять обязались, можетъ быть выручена еще нѣкоторая значущая сумма; въ 5) что привозъ изъ столицъ мебели и другихъ вещей, нужныхъ для классовъ, библіотеки, физическаго и модельнаго кабинетовъ, лабо-

¹⁾ Ср. Рус. Стар. 1875, ноябрь стр. 473—474.

раторіи и типографіи, которыя могутъ быть сдѣланы здѣсь на мѣстѣ самими ремесленниками, составилъ-бы сумму, превосходящую издержки на доставленіе ихъ самихъ и сверхъ того былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами; 6) что поселеніе ихъ въ Харьковѣ составляетъ вѣрное пристанище и способъ къ жизни дѣтямъ бѣдныхъ мѣщанъ, которые, выходя изъ уѣздныхъ училищъ, станутъ затрудняться въ пропитаніи, но, бывъ отданы въ мастерство, они не только сберегутся отъ нищеты и разврата, но и послужатъ современемъ на пользу сего края, весьма скуднаго со стороны искусствъ и рукодѣлій; въ 7) что выписка сихъ людей принесла удовольствіе жителямъ г. Харькова, какъ то я многократно имѣлъ случай слышать отъ нихъ, и что она можетъ принадлежать къ числу тѣхъ средствъ, которыми начальство университета, оказавъ здѣшней публикѣ угожденіе и попеченіе о ея выгодахъ, приобрѣтетъ болѣе и болѣе ея довѣренность; въ 8) что, наказавши г. Каразина за его необдуманную ревность оставленіемъ его на произволъ кредитора въ такомъ состояніи его имѣнія, которое, сколько мнѣ извѣстно, уже и безъ того едва ли не превышаютъ долги, сдѣланные на пользу общую,—будетъ значить наказывать не его, но сихъ кредиторовъ собственно и тѣхъ ремесленниковъ, которые по условію съ нимъ не успѣли еще получить денегъ—всеми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу г. Каразина, я предаю сіе дѣло и мое о немъ сужденіе въ собственное уваженіе Вашего Сіятельства и главнаго правленія училищъ“. На этомъ донесеніи рукою Завадовскаго написано: докладовано 4-го іюня. Государь указалъ: „мастерамъ выдать деньги изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній, а Каразину запретить мѣшаться въ дѣла университета“ ¹⁾.

Письмо С. О. Потоцкаго весьма любопытно и, нужно сознаться, рисуется въ данномъ случаѣ съ несомнѣмъ благопріятной стороны этого дѣятеля—въ немъ уже слишкомъ много дипломатической изворотливости, уклончивости и противорѣчій.

Представивъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ данныхъ въ пользу предпріятія Каразина, онъ уклоняется отъ заключенія, которое логически необходимо вытекаетъ изъ нихъ; мало того, употребляетъ такое выраженіе, которое само въ себѣ заключаетъ непримиримое противорѣчіе: *„всеми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу г. Каразина*, говоритъ онъ, я предаю это дѣло на рѣшеніе Вашего Сіятель-

¹⁾ Выписка эта сдѣлана изъ Архива Мин. Нар. Просв. (Дѣло подъ № 5472, картонъ № 152-й) Филаделъфомъ Васильевичемъ Каразиннымъ и сообщена имъ въ письмѣ къ П. А. Лавровскому. (См. хранящіяся у меня рукописныя письма Ф. В. Каразина къ П. А. Лавровскому; письмо отъ 8 дек. 1872 г. изъ Петербурга).

ства". Узнавъ же въ скорости послѣ этого, въ Петербургѣ, что къ этому дѣлу о художникахъ министръ отнесся чрезвычайно неблагоприятно, Потоцкій пишетъ въ комитетъ университета весьма строгое отношеніе, въ которомъ „рѣшительно не соглашается на завѣдываніе Каразиннымъ (порученными ему по его же предложенію) работами: „порученіе, сдѣланное комитетомъ г. Каразину относительно художниковъ, пишетъ попечитель, *которые столько надѣлали и дѣлаютъ шуму и которыхъ дѣло, еще не извѣстно мнѣ, какія будетъ имѣть послѣдствія* ¹⁾, не могу признать я за нужное“.

Очевидно, Потоцкій убѣдился въ Петербургѣ, что участь Каразина уже рѣшена и вздумалъ заблаговременно отступить отъ своего бывшего помощника и сотрудника. Впрочемъ, нужно замѣтить, что едва-ли онъ и могъ чѣмъ нибудь помочь Каразину. Противъ этого послѣдняго былъ вооруженъ прямой начальникъ Потоцкаго министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, который давно уже ждалъ какого-либо случая, чтобы избавиться отъ непріятнаго человѣка ²⁾. Государь въ это время уже вполне охладѣлъ къ Каразину по причинамъ, на которыхъ останавливаться здѣсь было бы неумѣстно ³⁾ и Завадовскому было нетрудно нанести, такъ сказать, послѣдній ударъ нѣкогда опасному для него противнику. И онъ воспользовался для этого дѣломъ о художникахъ, представивъ его Государю далеко, какъ мы видѣли, не въ точномъ видѣ ⁴⁾. Такъ неожиданно должна была прерваться дѣятельность В. Н. Каразина на пользу дорогого ему Харьковскаго университета: послѣ Высочайшаго повелѣнія 18-го іюня 1804 г. онъ совершенно прекратилъ всякія сношенія съ университетомъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ 1804 году на пользу университета въ самомъ Харьковѣ. Въ концѣ 1803 г., какъ мы знаемъ, тамъ единолично распоряжался всѣмъ И. Ѳ. Тимковскій, которому были предоставлены широкія полномочія—и онъ пользовался ими чрезвычайно умѣло, удачно и добросовѣстно. Попечитель Потоцкій между тѣмъ все это время проживалъ за границей и, какъ мы знаемъ изъ письма его къ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 94.

²⁾ Едва ли Завадовскій могъ не знать о томъ, что писалъ о немъ Каразинъ Государю.

³⁾ См. объ этомъ „Укр. Старину“, Данилевскаго, стр. 115—116; Ж. М. Н. Просв., 1872 г., январь, стр. 97—99; „Кіев. Старина“, 1891, августъ, стр. 234—236; мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“, стр. 22—23.

⁴⁾ Въ своемъ докладѣ Государю онъ сослался между прочимъ на рапортъ Потоцкаго—между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, *по существу* одобрилъ мѣру Каразина, признавъ ее вполне дѣлесообразной и даже необходимой.

В. Н. Каразину, не спѣшилъ въ Харьковъ, заявляя, что ему тамъ пока нечего дѣлать въ виду недостатка денегъ. Но въ мартѣ 1804 г. попечитель, наконецъ, впервые явился въ Харьковъ и вступилъ въ непосредственное управленіе Харьковскимъ округомъ, которымъ до того времени заведывалъ его именемъ Петербургскій попечитель, Новосильцевъ. Усмотрѣвъ медленное теченіе дѣлъ по устройству университета, Потоцкій учредилъ для ускоренія ихъ *Комитетъ* изъ наличныхъ профессоровъ — Рижскаго, Тимковскаго, Делявина, Балленъ-де-Баллю и Осиповскаго и присоединилъ къ нимъ для совѣтовъ Каразина; председателемъ назначенъ былъ Рижскій. Комитету дана была въ руководство инструкція, а первое засѣданіе его состоялось 11 апрѣля 1804 года. Съ этого момента приготовленія къ открытію университета пошли гораздо правильнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; комитетъ располагалъ уже штатною суммою, которой раньше не хотѣли выдавать; дѣятельность его была распредѣлена между нѣсколькими лицами и подчинена опредѣленной инструкціи; наконецъ, во главѣ дѣла стоялъ самъ попечитель, лично явившійся въ Харьковъ, чтобы руководить дѣлами на мѣстѣ.

Дѣятельность комитета была очень разносторонняя, разнообразная; она захватывала и учебную, и хозяйственную сферу, и мы на ней должны теперь остановиться подробно, тѣмъ болѣе, что она почти совсѣмъ не затронута въ трудахъ прежнихъ историковъ университета. Предсѣдательство въ комитетѣ Потоцкій поручилъ проф. Рижскому, имя котораго должно быть отмѣчено нами, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей по части первоначальнаго устройства Харьковскаго университета. Въ руководство комитету была дана подробная инструкція. Наиболѣе важными дѣйствіями комитета нужно признать слѣдующія:

- 1) Перестройки и пристройки въ 2-хъ зданіяхъ, отведенныхъ подъ университетъ, и снабженіе комнатъ, аудиторій, лабораторій и т. п. нужною мебелью; 2) приведеніе въ порядокъ и составленіе списковъ полученнымъ изъ Петербурга книгамъ и инструментамъ; 3) устройство около большого университетскаго дома ботаническаго сада и бульвара; 4) устройство типографіи; 5) покупку земель подъ будущіи университетскія постройки; 6) заботу о предположенныхъ въ ближайшемъ будущемъ постройкахъ; 7) содержаніе въ порядкѣ университетскихъ домовъ; 8) заботы о ремесленникахъ, законтрактованныхъ В. Н. Каразинымъ; 9) составленіе послужныхъ списковъ профессоровъ университета и выдачу имъ жалованья; 10) изслѣдованіе нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ края и командировку для этого профессоровъ; 11) приемъ и содержаніе казенныхъ студентовъ; 12) приемъ своекоштныхъ студентовъ; 13) устройство приготовительнаго класса; 14) нѣкоторыя дѣла,

касавшіся училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 15) приходъ и расходъ поступающихъ въ распоряженіе университета суммъ; 16) приготовленія къ торжеству открытія университета.

Какъ видимъ уже изъ этого перечня, дѣятельность комитета была очень разносторонняя и захватывала какъ хозяйственную, такъ и учебную часть. На долю каждого члена комитета выпало не мало работы. Остановимся на всѣхъ этихъ работахъ комитета подробнѣе.

Передаанныя подѣ будущій университетъ зданія (генераль-губернаторскій и губернаторскій дома) требовали значительныхъ передѣлокъ, во 1-хъ, потому что были очень ветхи, а во 2-хъ, потому что предназначались первоначально для совѣтъ иной цѣли. Передѣлки въ двухъ главныхъ корпусахъ окончены были къ сентябрю мѣсяцу, такъ что 4-го сентября въ маломъ домѣ (гдѣ теперь церковь и библіотека) помѣщено было 30 чел. семинаристовъ, предназначавшихся въ казеннокоштные студенты; всего истрчено было 11682 р. 75 коп., да около 3400 р. издержано на отдѣлку новыхъ квартиръ губернатора и вице-губернатора, жившихъ раньше въ этихъ домахъ. Присылаемые въ университетъ книги сначала находились въ вѣдѣніи кассира Дзюбина, а потомъ переданы въ распоряженіе назначеннаго библіотекаремъ проф. Баллент де-Баллю. Такъ какъ онѣ куплены были по большей части въ листахъ и безъ реестровъ, то В. Н. Каразинъ прислалъ въ Харьковъ переплетчика Ведде, который обязался переплестать ихъ и получать за это 250 р. жалованья, квартиру и 20% стоимости переплетнаго матеріала. Въ университетскую библіотеку сверхъ того поступили слѣдующія пособія: 2 атласа на русскомъ языкѣ, одинъ съ 43, другой съ 58 картами; атласъ Меркаторовъ въ 2-хъ книгахъ, изъ коихъ въ одной было 141, а въ другой 122 карты; древній атласъ Птолommeевъ изъ 40-хъ картъ, подаренный В. Н. Каразинымъ; атласъ Прусскаго государства. Основаніе нумизматической коллекціи было положено пожертвованіемъ попечителя гр. Потоцкаго: онъ подарилъ 840 медалей (въ томъ числѣ 820 серебр. и 20 золотыхъ), изъ коихъ 533 древнихъ и 307 новыхъ.

Въ теченіи 1804 г. получено было изъ Петербурга 3219 книгъ, въ томъ числѣ 26 дефектныхъ. Въ физическій кабинетъ прислано за это же время 34 прибора, а сверхъ того подарена В. Н. Каразинымъ электрическая машина работы художника Шинерина; въ химическую лабораторію поступило въ началѣ года 69 приборовъ, разная стеклянная посуда и 8 пудовъ ртути; затѣмъ были и новыя покупки по требованію адъюнкта химіи Гизе.

Такъ какъ профессоръ ботаники Делявинъ прибылъ въ Харьковъ съ садовникомъ Стровальдомъ еще въ 1803 году, то съ начала весны

1804 г. приступили къ заведенію небольшого ботаническаго сада. Для этого отгорожена была при больномъ университетскомъ домѣ, въ одномъ изъ угловъ его, часть двора длиною въ 30, а шириною въ 15 саж., гдѣ и выкопаны были гряды и посажено садовникомъ, подъ наблюденіемъ профессора Деливица, много сѣмянъ и растений, а для сохраненія ихъ въ зимнее время устроена была въ углу оранжерея (въ видѣ ротонды). 24 сентября прибылъ изъ Вѣны выписанный попечителемъ садовникъ Цетлеръ, который привезъ съ собою нѣсколько горшковъ разныхъ растений. Этотъ Цетлеръ былъ назначенъ главнымъ садовникомъ, а прибывшій раньше Стровальдъ сдѣланъ его помощникомъ. Ротонда оказалась тѣсною для оранжереи и потому нанята и отдѣлана была еще другая пустая оранжерея, стоявшая при городской аптекѣ, — и въ нихъ на зиму помѣщены всѣ растенія; для новыхъ же посадокъ попечитель прислалъ еще ящикъ сѣмянъ; съ двухъ сторонъ большого университетскаго дома устроенъ бульваръ и посажены три ряда деревьевъ, чтобы образовать двѣ аллеи.

Для заведенія типографіи изъ Петербурга прибылъ въ началѣ 1804 г. Гекъ и для словолитни Дрегеръ (оба иностранца); первому назначено было по 500 р. жалованья, второму — по 300. Они привезли съ собою слѣдующія типографскія принадлежности: 4 печатныхъ станка и мѣдную доску съ петлями и дномъ для 5-го станка, большой желѣзный винтъ для гнѣту, 6 желѣзныхъ наборныхъ верстаковъ, 12 ложекъ для словолитья, 24 желѣзныя рамы къ станкамъ, 4 корректурныхъ шила, 15 фунтовъ печатной краски, 10 ф. лаку, 17½ пудовъ гарту, 6 пуд. антимоніальнаго королька, 50 пудовъ свинцу, 4 пергаментныхъ кожи, вѣсы съ гириями, 24 графій, приборъ для производства словолитной печки, 15 словолитныхъ формъ, 3 словолитныхъ котла, матрицы для 12 русскихъ и 3 латинскихъ шрифтовъ. Пока для типографіи отдѣлывался флигель, типографщикъ въ отведенномъ ему жилищѣ сдѣлалъ словолитную печку и, пріисклавъ для этого двухъ работниковъ, началъ лить русскія буквы. Вскорѣ помѣщеніе для типографіи было готово — и туда перенесена также словолитня. Самая типографія была снабжена новыми принадлежностями (печатными станками, столами, реалами, наборными линейками, наборными досками, молотами, желѣзными и мѣдными котлами, винтами, подсвѣчниками и т. п.). Сверхъ того Лейпцигскимъ словолитчикамъ, Гертелю и Брейткопфу, были заказаны латинскіе и греческіе шрифты.

Потоцкій, осматривая съ губернаторомъ Вахтинымъ мѣста, удобныя для будущихъ университетскихъ построекъ (на генераль-губерна-

торскій и губернаторскій домъ смотрѣли, какъ на временное помѣщеніе), оставилъ свое вниманіе на томъ самомъ участкѣ, который избралъ раньше всѣхъ В. Н. Каразинъ, а затѣмъ И. О. Тимковскій. Онъ находился въ предмѣстѣи города, къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Сумы, и состоялъ частію изъ пахотныхъ полей, а частію изъ дворовыхъ усадебъ и садовъ войсковыхъ обывателей и нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Губернскій землемѣръ Драгомиръ, которому поручено было собрать справки по этому дѣлу, объявилъ, что войсковые обыватели и нѣкоторые изъ помѣщиковъ (о нихъ мы говорили выше) уступаютъ пахотную землю университету безвозмездно; участки же подъ домами и садами могутъ быть отчуждены по весьма недорогой цѣнѣ—за 5965 р. ¹⁾. Сверхъ того попечитель счелъ необходимымъ пріобрѣсти еще и смежную землю—часть пахотнаго поля и такъ называемый Кантемировскій садъ; этотъ послѣдній находился въ опеку по просроченному закладу и, съ согласія сената, былъ проданъ университету ²⁾. Для обмежеванія всѣхъ этихъ участковъ и полученія кунныхъ были пазначены губернскій землемѣръ Драгомиръ, профессоръ Осиповскій и адъютантъ Васильевъ; составленный ими планъ былъ переданъ въ Комитетъ. Впрочемъ формальная передача Кантемировскаго сада состоялась уже только въ январѣ 1805 года ³⁾. Происхожденіе этого Кантемировскаго сада, на мѣстѣ котораго возникъ нынѣшній университетскій, таково. Помѣщикъ Слободско-Украинской губ. статскій сов. Григорій Романовичъ Шидловскій занялъ въ опеку Кантемира въ 1792 г. 2000 р. на 1/2 года подъ залогъ своего дома съ садомъ, находившимся по Сумской дорогѣ. Долгъ не былъ уплаченъ—и домъ съ садомъ и строеніемъ перешелъ въ Кантемировскую опеку; постройки пришли въ ветхость, разрушались и не приносили никакихъ доходовъ. Возобновить ихъ не считали удобнымъ, потому что онѣ находились вдали отъ центра города и воды; собственнаго лѣса вблизи также не было; переселеніе крестьянъ изъ Рогани туда „для обереганія его“ было бы убыточно. Рѣшено было по-

¹⁾ Согласились снести свои усадьбы 45 обывателей *выселка Песокъ*, который находился за городомъ; каждый долженъ былъ получить сумму отъ 7 до 250 р., а всѣ вмѣстѣ 3017 рублей (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

²⁾ Содѣйствоваль университету въ его желаніи пріобрѣсти этотъ участокъ и одинъ изъ опекуновъ Лосевъ, какъ это видно изъ письма Тимковского къ Потockому. (*Ibidem*).

³⁾ Всѣ эти данныя о дѣятельности комитета мы извлекли изъ рукописной „исторіи дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“.

этому продать его съ публичнаго торга. На торгъ явился адъюнктъ Васильевъ, который купилъ его для университета за 2000 р.; купчая выдана была 26 января 1805 года ¹⁾).

Приобрѣвъ эти земли, Комитетъ хотѣлъ приступить къ постройкѣ предположенныхъ для университета зданій, но, какъ извѣстно, этому предпріятію не суждено было осуществиться, и университетъ до сихъ поръ находится въ своемъ *временномъ* помѣщеніи; пѣкоторое вліяніе должны были оказать на это препятствія, встрѣтившіяся на первыхъ же порахъ; для будущихъ зданій нужно было имѣть 5.000,000 кирпича; но промышленность въ Харьковѣ находилась тогда въ зачаточномъ состояніи; большихъ кирпичныхъ заводовъ не было и потому рѣшили отдать этотъ подрядъ съ торговъ; и тѣмъ не менѣе, не смотря на публикацію въ „Моск. Вѣд.“, конкурентовъ не нашлось—явился только одинъ харьковскій купецъ Бѣляевъ, да и тотъ впрочемъ требовалъ отъ университета дровъ, которыхъ у него не было. Комитетъ хотѣлъ было сдѣлать запасъ кирпича въ Москвѣ и рѣшилъ командировать для этого одного изъ профессоровъ, но попечитель не утвердилъ этого предположенія; такъ дѣло постройки и приостановилось ²⁾).

Достойно замѣчанія здѣсь еще одно обстоятельство. Когда Министръ Нар. Просв. поднесъ проэктъ постройки, составленный Сев. Осип. Потоцкимъ, Государю, то Государь выразилъ желаніе, чтобы аудиторіи были соединены другъ съ другомъ „дабы (учащіеся и учащіе) не терпѣли тягости въ холодную и ненастливую погоду отъ проходовъ по открытому воздуху“. Покупка разнаго рода издѣлій и предметовъ первой необходимости сопровождалась тогда вообще большими хлопотами.

¹⁾ Вотъ какова была окрѣжность мѣста: „отъ Деркачевской дороги окопомъ до дороги внизъ отъ Харьковскаго монастыря идущей 344, а оттоль поворота влѣво по надъ дорогою до двора казеннаго обывателя Григорія Никитенка 50, оттоль же влѣво подаваясь вправо старымъ окопомъ и до поворота онго 123, а отъ того направо поворота окопомъ же до большаго яру 40, а тѣмъ яромъ поворота влѣво прямо вверхъ до конца двора и до дороги, что съ Харькова идетъ въ Золочевъ, 170, гдѣ смѣжествуетъ обыватель Фед. Пшоняникъ, а оттоль по надъ дорогою до угла починнаго и до дороги на Ключки идетъ 40 треаршинныхъ сажений, напротивъ саду отъ дороги и окопу выгонъ перекопанъ, который въ первомъ и оконномъ концѣ двора ширины 50, и ровомъ длины до конца саду 170, да въ ширину до саду-жъ 4, оттоль же обратно по надъ садомъ до перекопу починнаго 150“. (Этотъ документъ извлеченъ нами изъ подлинныхъ актовъ, принадлежащихъ университету).

²⁾ Все изложенное здѣсь по „Исторіи дѣлъ“ подтверждается между прочимъ и письмомъ Комитета на имя попечителя Потоцкаго. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону, стр. 60—62).

тами и затрудненіями; когда въ городѣ стало извѣстно, что университету нужно 200 сажень дровъ, цѣна ихъ сразу поднялась и явилась необходимость командировать особое лицо, чтобы найти подрядчика въ Харьковѣ; такого и нашли въ с. Дергачахъ, который взялся доставить пужное количество дровъ по 5 р. 35 коп. за саж. Еще труднѣе было заказать необходимую мебель: „если бы ее дѣлать въ Петербургѣ или Москвѣ, писалъ по этому поводу Потоцкому Рижскій, то давно это дѣло могло быть окончено; но въ семъ отдаленномъ краѣ столько и такіа всегда встрѣчаются затрудненія въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ людей, что живущіе въ столицахъ и вообразить ихъ и повѣрить сему не могутъ; недостатокъ работниковъ столь великъ, что принуждены были вызывать ихъ изъ другихъ городовъ“¹⁾.

Изъ этого ясно видно, что намѣреніе Каразина вызвать ремесленниковъ изъ Петербурга вызывалось настоящими, реальными нуждами университета; къ сожалѣнію только, какъ мы видѣли, оно окончилось неудачно. Заключены были В. Н. Каразинымъ слѣдующія лица: столяръ *Блюме*, мѣдникъ *Вестманъ*, слесарь *Троннеръ*, токарь *Берндорфъ*, жестянникъ *Торшинскій*, горшечникъ *Гормесъ*, бронзовщикъ *Марковичъ*, чулочный фабрикантъ *Цейль*, замшенникъ *Цейль*, кожевникъ *Гренроосъ*, бронзовщикъ *Викфорсъ*, ножевикъ *Отманъ*, шляпники *Алренъ* и *Зундвистъ*, ткачъ *Кретце*, сапожникъ *Шмитъ*, мѣдникъ-чеканщикъ *Спенманъ*, оловяшникъ *Тойня*, стекольщикъ *Спинедда*, столяръ *Дребольтъ*, сѣдельники или обойщики *Даманъ* и *Эбель*, мастера экипажей и столяры *Вольфъ* и *Гееръ*, кузнецы *Лоренсъ* и *Петерсенъ*, сапожникъ *Сергеевъ*, садовникъ *Стривальдъ*, типографщикъ *Геке*, переплетчикъ *Ведде*, два булочника; всего 32 человекъ. Все это за небольшимъ исключеніемъ были люди, нужные для университета, и они бы навѣрное принесли пользу и университету, и городу, если-бы дѣло самого Каразина въ это время не приняло дурного оборота. Устройство высшаго учебнаго заведенія въ Харьковѣ сразу же поднимало спросъ на разные предметы ремесленнаго производства въ такой мѣрѣ, что удовлетворить его мѣстными силами было невозможно и являлась необходимость въ вызовѣ специалистовъ изъ другихъ городовъ²⁾. Большая часть этихъ ремесленниковъ явилась, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, въ университетъ и нѣкоторые изъ нихъ получили тамъ себѣ и квартиры, и занятія. Потоцкій предоставилъ ихъ первоначально въ вѣдѣніе

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьковский университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя, № по архиву 68-й, по картону № 5, стр. 49—50.

В. Н. Каразина: они должны были исполнять университетскіе заказы и съ нихъ удерживалась за первоначальную ссуду $\frac{1}{3}$ всей платы. Но Каразинъ уѣхалъ въ Петербургъ и поручилъ наблюденіе за ними какому то Финку и городской думѣ (безъ согласія этой послѣдней они не могли переѣхать своихъ квартиръ). Двое изъ нихъ (Марковичъ и Дрибольтъ) умерли и оставшееся послѣ нихъ небольшое имущество пошло на погашеніе части ихъ долга. Деньги по контрактамъ имъ выданы были всѣмъ, но Каразинъ, какъ извѣстно, за это дѣло получилъ строгій выговоръ и ему запрещено было вмѣшиваться въ дѣла университета. Послѣднія его дѣловыя сношенія съ университетомъ касались погашенія одного мелкаго счета и покупки эстамповъ. Мы имѣли два его собственноручныя письма, относящіяся къ этимъ счетамъ. Изъ перваго письма видно, въ какія мелочи вникалъ В. Н. Каразинъ, заботясь объ устройствѣ университета ¹⁾; второе пропитнуто горькимъ чувствомъ человека, несправедливо отстраненнаго отъ любимаго имъ дѣла и написано было уже послѣ торжественнаго открытія Харьковскаго университета ²⁾.

¹⁾ „Счетъ деньгамъ, которыя ст. сов. Каразинъ употребилъ по надобностямъ Имп. Харьк. университета и которыя ему еще не заплачены: за бархатъ, золотое шитье и пергаментъ книги, назначенной для университетской грамоты (въ 1803 г.)—100 р., за сѣмена для ботаническаго сада, купенныя въ Москвѣ (въ мартѣ 1804 г.)—30 р., за 12 рапиръ, изъ которыхъ 2 съ ефесами мѣдными, и за пару перчатокъ для фехтованья (въ 1804 г.)—19 р., за 5 экз. нѣмецкаго новаго и таковое же число французскаго лексикона, которые по назначенію моему посланы черезъ почту изъ Петербурга книгопродавцемъ Ив. Глазуновымъ съ превосходною уступкою противъ обыкновенной цѣны (въ 1804 г.) 117 р. 50 к. Итого 268 р. 50 к. Воле же сихъ денегъ мнѣ отъ университета получить не слѣдуетъ, ибо прежде сего въ разныя времена издержанныя мною въ пользу университета собственныя деньги я всѣ получилъ обратно, кромѣ выше показанныхъ“. Окт. 5 1804 г. В. Каразинъ. (Ibidem).

²⁾ Милостивый Государь мой, Иванъ Степановичъ (Рижскій)! Въ послѣднее засѣданіе комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета имѣлъ я уже честь объявить, что графъ Северинъ Осиповичъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, настоятельно изволилъ отъ меня требовать, чтобъ я, по прибытіи моемъ сюда, занялся окончаніемъ дѣлъ, кои я еще до университета имѣю. На основаніи чего я и просилъ въ оное засѣданіе окончательно рассмотреть дѣло объ эстампахъ, за которые не получилъ я еще денегъ, получивъ ихъ за книги и инструменты, равнымъ образомъ и въ то же время, т. е. въ началѣ 1804 г., изъ Петербурга мною въ университетъ доставленные. Теперь покорнѣйше васъ прошу предложить въ ближайшее засѣданіе комитета, чтобы благоволилъ онъ объяснить мнѣ письменно, чрезъ посредство ваше, милостивый государь, какія дѣла университета, ко мнѣ относящіяся, еще не окончены и на что пужень мой отвѣтъ—для заключенія ли счетовъ или для другихъ причинъ, ибо мнѣ должно донести вамъ, что непосредственно по удовлетвореніи меня съ сей стороны, я перестану

Къ началу 1805 г. (т. е. къ открытію своему) университетъ имѣлъ слѣдующихъ преподавателей: 9 профессоровъ—Ивана Степановича Рижскаго (русской словесности), Илью Ѳедоровича Тимковского (россійскаго законовѣдѣнія), Франца Александровича Делявина (ботаники), Тимофея Ѳедоровича Осиповскаго (математики); всѣ четверо были опредѣлены еще 7 февраля 1803 г.; затѣмъ слѣдуютъ—Леопольдъ, Адамовичъ Умляуфъ (латинской литературы и эстетики; опредѣленъ былъ 1 окт. 1803 г.), Яковъ Николаевичъ Балленъ де Баллю (француз. и греч. слов.; 4 дек. 1803 г.), Аванасій Ивановичъ Стойковичъ (физики; 1 ноября 1803 г.), Иванъ Егоровичъ Шадъ (философій; 1 февр. 1804 г.), Иванъ Андреевичъ Шнаубертъ (химіи; 1 февр. 1804 г.); адъюнкты—Іосифъ Матвѣевичъ Лангъ (философій и математикъ; съ 1 окт. 1803 г.), Николай Николаевичъ Паки де-Совиньи (франц. литературы; съ 1 окт. 1803 г.), Иванъ Францовичъ Гамперле (политическихъ наукъ и государственной экономіи; съ 8 окт. 1803 г.), Иванъ Богдановичъ Барендтъ (восточныхъ языковъ; съ 12 окт. 1803 г.), Аврамъ Яковлевичъ Калкау (медицины; съ 15 ноября 1803 г.), Евгенийъ Алексѣевичъ Васильевъ (архитектуръ; съ 24 ноября 1803 г.), Мануилъ Ивановичъ Крюгеръ (химіи; съ 29 дек. 1803 г.), Фердинандъ Ивановичъ Гизе (химіи; съ 6 янв. 1804 г.), Данило Ивановичъ Шмерфельдъ (статистики и технологій; съ 15 янв. 1804 г.), Яковъ Львовичъ Каретниковъ (ботаники; съ 1 марта 1804 г.), Ѳедоръ Ивановичъ Филиновичъ (законовѣдѣнія; со 2 марта 1804 г.); лекторъ Бернгардтъ Рейтъ (со 2 сент. 1804 г.); учителя пріятныхъ искусствъ—рисованія Яковъ Матесъ (съ 12 окт. 1803 г.), гравированія Августъ Шенфлинъ (съ 21 ноября 1803 г.), музыки Иванъ Витковскій (съ іюня 1804 г.), фехтованія Антельмъ Сивоктъ (съ 25 окт. 1804 г.). Въ теченіи 1804 г. одинъ изъ профессоровъ, именно профессоръ патологіи Виллихъ умеръ отъ гнилой горячки 20 февраля. Разныя должности въ университетѣ сверхъ того занимали: кассиромъ былъ Левъ Дзюбинъ (съ 23 іюня 1803 г.), секретаремъ въ комитетѣ отставной майоръ Александръ Фирсовъ (съ 12 апр. 1804 г.), экзекуторомъ Иванъ Бабаевъ (съ 1 ноября 1804 г.), помощникомъ архитектора Александръ Стариковъ (съ 11 апр. 1804 г.). Почти всѣ профессора и адъюнкты были опредѣлены попеч. Потоцкимъ и только Балленъ де Баллю, Крю-

почитать себя принадлежащимъ къ университету, съ которымъ отъ самаго начала его по нынѣ обстоятельства столь тѣсно меня соединили. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью вашимъ, Милостивый Государь мой, покорнѣйшимъ слугою. Василій Каразинъ. 8 марта 1805 г., Харьковъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія № 65 по архиву и № 4 по картону).

геръ и Шмерфельдъ исправлявшимъ должность попечителя Н. Н. Новосильцевымъ ¹⁾. Вновь назначенные профессора заботились о возможно лучшей постановкѣ своего будущаго преподаванія; такъ, Стойковичъ писалъ Потоцкому о важности и обширности физики, какъ учебнаго предмета, и настаивалъ на необходимости поручить одинъ изъ отдѣловъ ея (минералогическую и химическую часть физики) адъюнкту Крюгеру; онъ же рекомендовалъ въ университетскіе механики одного молодого человѣка Рейнике (сына харьковского часовщика) ²⁾. Всѣ наличные профессора на общихъ собраніяхъ занимались распредѣленіемъ своихъ будущихъ курсовъ. Предполагалось учредить 5 факультетовъ и читать на нихъ слѣдующіе предметы: на *историко-филологическомъ*—1) всеобщую исторію древности, всеобщую литературу, *historiam litterariam*, 2) руссійское краснорѣчіе, поэзію и литературу, 3) эстетику, латинскую литературу, классиковъ, 4) греческую литературу, 5) восточные языки, французскую, нѣмецкую и англійскую литературу; на *философско-моральномъ*—1) логику, метафизику, этику, антропологию, эмпирическую психологию, исторію человечества, 2) догматику, гомилетику, *cathetetica*, 3) священную экзегетику и критику, герменевтику, 4) церковную исторію и патристику; на *физико-математическомъ*—умозрительную и опытную физику, 2) чистую и прикладную математику, 3) практическую астрономію, 4) естественную исторію вообще, 5) зоологию, ботанику, минералогию, 6) всеобщую и техническую химію, 7) гражданскую и военную архитектуру, 8) технологию, сельскую экономію и лѣсоводство; на *медико-хирургическомъ*—1) анатомію, физиологию, 2) патологию и терапію, 3) фармакологию и фармацію, 4) хирургию и акушерство, 5) діететику, 6) ветеринарную и судебную медицину; на *юридико-политическомъ*—1) естественное социальное, народное право и всеобщую политику, 2) римское право, энциклопедію и исторію права, 3) русское гражданское право, уголовное, судопроизводство, 4) право европейскихъ народовъ, дипломатическую политику, 5) статистику, политическую экономію, государственное устройство (*politiam*). И вотъ примѣнительно къ этому было составлено и распредѣленіе лекцій. Лекціи должны были начинаться въ 8 час. утра (зимою) и 7 час. (весною) и продолжаться до 12 или 11 часовъ до полудни и отъ 3 до 6 или отъ 4 до 7 послѣ полудня. Делявинъ съ Ка-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, по архиву № 1, по картону № 1; тутъ же сохранилось любопытное описаніе часовъ, подаренныхъ имъ университету; описаніе принадлежитъ проф. Осиповскому и Стойковичу.

ретниковымъ назначили для 1-го курса ботанику и вели практическія упражненія, Шмерфельдъ хотѣлъ читать технологию, Осиповскій—чистую математику, Стойковичъ—физику, Шнаубертъ, Гизе и Крюгеръ—химию, Васильевъ—гражданскую архитектуру, Рижскій—россійское краснорѣчіе и логику, Балленъ де-Баллю греческую и франц. литературу и греч. языкъ, Умлауфъ—эстетику, латинскую и нѣмецкую литературу, Савиньи—французскій языкъ, Филиповичъ—госуд. исторію, статистику и нѣмецкій языкъ, Шмерфельдъ—англійскій, Барендтъ—лат. и вост. языки, Шадъ—философію, Тимковскій—право, Гамперле—госуд. устройство и политическую экономію, Лангъ—исторію философіи и опытную психологию, Матесъ, и Шенфлинъ—рисованіе; отъ 6 до 7 час. назначены были свободныя искусства—*ars saltandi, ars palastrica et musices* (танцы, фехтованье и музыка). Лекціи должны были читаться на разныхъ языкахъ: напримѣръ, Делявинъ предполагалъ читать ботанику по латыни и французски, Гизе и Шнаубертъ химию по нѣмецки, а Крюгеръ по русски, Шадъ—философію по латыни, русскіе профессора свои предметы, конечно, по русски; латинскій языкъ обязаны были знать всѣ студенты, но нашлись и такіе, которые только начали его изучать; они должны были слушать лекціи по этому предмету у Барендта; за отсутствіемъ Филиповича чтеніе его курса предполагалось поручить адъюнкту Рейту.

Какъ видимъ отсюда, далеко еще не всѣ предметы имѣли своихъ специалистовъ; что же касается медицинскаго факультета, то онъ вовсе почти не имѣлъ преподавательскаго персонала. Важнымъ препятствіемъ являлось также отсутствіе учебно-вспомогательныхъ учреждений, которое, конечно, было весьма чувствительно на физико-математическомъ и медико-хирургическомъ отдѣленіяхъ. Всѣ необходимые кабинеты, лабораторіи, клиники приходилось еще создавать, заводить вновь. Наоборотъ, историко-филологическій факультетъ уже теперь обставленъ былъ въ отношеніи преподаванія очень хорошо: былъ, напримѣръ, даже специалистъ по восточнымъ языкамъ (Барендтъ), но для него не рассчитывали найти много слушателей и потому поручили ему и преподаваніе латинскаго языка.

Хотя университетъ въ 1804 году все таки не былъ открытъ, лекцій въ немъ не было, тѣмъ не менѣе благотѣльное вліяніе новаго разсадника высшаго образованія обнаружилось уже и теперь: профессора его занимались изслѣдованіемъ различныхъ естественныхъ богатствъ края. Тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ просилъ комитетъ отрядить профессоровъ въ слободу Рогань (недалеко отъ Харькова) для изслѣдованія одного находящагося тамъ источника, воду

котораго считали цѣлебною; командированы были проф. Шнаубертъ и адъюнкты Гизе и Крюгеръ; послѣдніе произвели потомъ химическій анализъ этой воды еще и въ лабораторіи; оказалось, что хотя вода и содержала въ себѣ минеральныя частицы (углекислое желѣзо, гипсъ, сѣрно-кислую магнезію и сѣрно-кислую соду), но въ небольшомъ количествѣ и потому особенной пользы принести не могла. Такому же анализу подвергнута была и вода изъ имѣнія г-жи Ковалевской (Полтавской губ., надъ рѣкою Орелью) и адъюнктъ Гизе пришелъ къ убѣжденію, что она, по своимъ составнымъ частямъ (въ ней найдены сѣрно-кислая и соляно-кислая сода, сѣрно-кислая магнезія, сѣрно-кислая и соляно-кислая известь и т. п.), могла быть полезна, какъ легкое слабительное. Далѣе по просьбѣ губернатора, указавшаго на умаленіе въ Слободско-Украинской губерніи лѣсовъ, былъ назначенъ для отысканія торфа и каменнаго угля Крюгеръ, а Гизе изслѣдовалъ образцы каменнаго угля, торфа и другихъ минераловъ, присланныхъ разными помѣщиками ¹⁾. Эта сторона дѣятельности профессоровъ получила еще большее развитіе съ открытіемъ университета. Очевидно, общество рассчитывало получать необходимыя разъясненія по интересовавшимъ его практическимъ вопросамъ отъ университетской коллегіи—и не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ: университетъ внимательно и предупредительно относился къ этимъ вопросамъ и давалъ нужныя объясненія.

Обращаемся теперь къ заботамъ Комитета о привлеченіи студентовъ. Въ предѣлахъ огромнаго Харьковскаго учебнаго округа не было гимназій, которыя бы подготовляли питомцевъ во вновь открываемый Харьковскій университетъ. Неудивительно поэтому, что вопросъ о привлеченіи въ него студентовъ занималъ и В. И. Каразина, и Тиховскаго. Мы привели уже раньше письмо Каразина къ Новосильцеву, письмо, къ которому онъ приложилъ прозаическіе и стихотворные опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ—воспитанниковъ главнаго народнаго училища ²⁾. Другимъ учебнымъ заведеніемъ въ Харьковѣ, изъ котораго новый университетъ могъ получить себѣ питомцевъ—былъ знаменитый Харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучалось не мало и свѣтскихъ лицъ и программа котораго отличалась широкимъ всесловнымъ характеромъ. Затѣмъ можно было рассчитывать вообще на воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И дѣйствительно, главный контингентъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета былъ набранъ изъ семинарій. Студенты въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ См. объ этомъ мою статью „Поэтическіе опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX в.“ (Харьк. губ. вѣд. 1894, № 2).

то время дѣлились на 2 группы—казенно-коштныхъ и свое-коштныхъ; первыхъ по штату полагалось 40 чел. и первоначально все это количество, съ Высочайшаго соизволенія и благословенія Синода, было назначено изъ 2-хъ семинарій—Курской и Бѣлгородской, а именно по 20 чел. изъ каждой: по 15 чел. изъ богословскаго и философскаго класса и по 5 изъ риторическаго. Но Комитетъ, полагая, что, во 1-хъ, воспитанники риторическаго класса были недостаточно подготовлены для поступленія въ университетъ, а во 2-хъ, желая оставить еще нѣсколько вакансій для постороннихъ, выбралъ изъ нихъ только 30 человѣкъ. На содержаніе каждаго казенно-коштнаго студента отпускалось по 200 р. въ годъ; часть этой суммы предназначена была на покупку необходимыхъ вещей (платья и т. п.), а остальные 90 р. на содержаніе ихъ въ теченіи года. Городовой секретарь Сердюковъ взялся давать имъ столъ за эту сумму. Сверхъ этихъ 30 чел. было принято еще на казенный счетъ трое постороннихъ—бывшій учитель народнаго училища Славинскій, домашній учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ Харьковскаго Главнаго Народнаго Училища Лобойковъ, были также зачислены, по Высочайшему повелѣнію, двое дѣтей дворянина Захаревскаго, но оказалось, что они знали только русскую грамоту и потому ихъ опредѣлили учениками въ Главное Народное Училище, но дали студенческое содержаніе. Надзоръ за казенно-коштными былъ порученъ адъюнкту Крюгеру, а дѣленіе ихъ адъюнкту ботаники, штабъ-лѣкару Каретникову.

Одновременно съ этимъ Комитетъ заботился и о привлеченіи свое-коштныхъ студентовъ, для приѣма которыхъ были выработаны особые правила. Опредѣлено было требовать отъ поступающихъ необходимыя документы и подвергать экзамену, безъ излишней строгости, но и безъ послабленія.

Объ этомъ были оновѣщены губернаторы всѣхъ губерній, входившихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа¹⁾, и Харьковскій губ.

¹⁾ Вотъ любопытное письмо, касающееся этого дѣла, отъ попечителя округа графа Потоцкаго къ Харьковскому губернатору И. И. Бахтину: „по Высочайшему порученію должности попечителя Харьковскаго университета, приуготовивъ все необходимое къ его открытію, имѣю честь извѣстить Ваше Превосходительство, что оное можетъ воспослѣдовать въ исходѣ нынѣшняго или въ половинѣ сентября мѣсяца, послѣ чего господа профессора общей философіи, математики, физики, химіи, естественной исторіи, политическихъ наукъ, російской, французской, латинской и нѣмецкой литературы, равно гг. адъюнкты въ своихъ частяхъ и учителя пріятныхъ искусствъ начнутъ преподаваніе въ залахъ университета; въ продолженіе онаго, сіе сословіе, вступивъ во всѣ права и обязанности, возьметъ мѣры къ полному себя образованію по штату утвержденному Е. И. Величествомъ. Корреспонденція съ учеными російскими и чужестранными мѣстами

предводитель дворянства ¹⁾, а директору училищ Слободско-Украинской губ. поручено было выбрать годныхъ для поступленія въ университетъ учениковъ Харьковскаго главнаго народнаго училища. Вступительные экзамены продолжались съ 20-го мая по 10-е декабря и на нихъ главнымъ образомъ требовалось знаніе русской грамматики, географіи и исторіи, началъ логики и метафизики, латинскаго и одного изъ новыхъ языковъ (французскаго или нѣмецкаго). Явилось на экзаменъ 41, а выдержало 21 чел.; по большей части все это были ученики главнаго народнаго училища. Университетское начальство всячески заботилось о привлеченіи студентовъ въ новый университетъ, и попечитель округа графъ Потоцкій проектировалъ съ этой цѣлью устрой-

начнется и недостающіе профессора и адъюнкты будутъ вызваны подобно какъ и тѣ, которые нынѣ принадлежатъ къ университету, изъ числа достойнѣйшихъ мужей въ своемъ родѣ. Занимаясь въ продолженіе 18 мѣсяцевъ ввѣренною мнѣ частію, несомнѣнная я имѣю надежды, что сіе заведеніе полуденной, можно сказать, прекраснѣйшей части Россіи будетъ въ свое время достойно соответствовать благотворительнымъ намѣреніямъ просвѣщеннаго нашего Монарха, собственному счастливому своему физическому положенію, равно какъ похвальному рвенію и способностямъ жителей, въ которыхъ я имѣлъ уже случай на опытъ удостовѣриться; со стороны нравственности ничто не будетъ упущено; я святою обязанностию почелъ обезпечить въ семь отношеніи родителей; и между прочимъ надѣюсь до сего достигнуть ободреніемъ и содѣйствіемъ моимъ къ учрежденію пансіоновъ для университетскаго юношества, въ которыхъ бы оно въ свободные часы отъ слушанія лекцій, повторяя оныя, было подъ непрерывнымъ надзоромъ содержателей таковыхъ пансіоновъ. Они, бывъ большею частью сами члены университета, конечно, будутъ имѣть всѣ причины соблюсти уваженіе и довѣренность публики; молодые же люди, прежде принятія ихъ студентами, т. е. слушателями, имѣютъ быть испытаны въ предварительныхъ познаніяхъ, которыя бы уже дѣлали ихъ способными понимать профессорскія лекціи и которыя въ хорошихъ публичныхъ или и домашнихъ училищахъ до 15-ти лѣтъ возраста, разумѣется до вступленія въ университетъ, могутъ быть приобрѣтены; таковыя молодые люди во всякое послѣдующее отнынѣ время, какъ до открытія университета, такъ и послѣ оного, имѣютъ являться въ его правленіе, представивъ только законное о себѣ свидѣтельство и удостовѣреніе о согласіи родителей. Покорнѣйше прошу васъ, мил. гос. мой, о сихъ моихъ распоряженіяхъ, равно и о приближающемъ торжественномъ открытіи университета зависящими отъ васъ средствами повсемѣстно объявить въ Слободской Украинской губ., какъ благородному дворянству, такъ и жителямъ городовъ, споспѣшествуя черезъ то къ исполненію намѣреній вышаго правительства, въ чувствительно обязать позволите имѣющего честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію. (Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета).

¹⁾ Сохранилось письмо къ нему по этому поводу председателя комитета проф. Рижскаго (см. Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета).

ство пансіоновъ, гдѣ бы могли помѣщаться дѣти дворянъ-помѣщиковъ. И нужно сознаться, что это была дѣйствительно весьма практичная мѣра. Въ пользу ея говорить, между прочимъ, процвѣтаніе одного изъ такихъ дворянскихъ пансіоновъ — именно пансіона, содержавшагося извѣстнымъ священникомъ о. Вас. Фотіевымъ, тѣмъ самымъ, который принималъ такое горячее участіе въ основаніи Харьковскаго университета. О немъ далъ нѣсколько времени спустя блистательный отзывъ Тимковскій; но самой лучшей рекомендаціей для этого пансіона является, б. м., то, что многіе изъ питомцевъ его поступили на 1-й курсъ вновь открывшагося Харьковскаго университета. Нѣкоторые родители не знали, гдѣ и у кого помѣстить своихъ дѣтей въ Харьковѣ, во время пребыванія ихъ въ университетѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ между прочимъ письмо къ губернскому предводителю дворянства одной вдовы помѣщицы изюмскаго уѣзда, просившей Донца-Захаржевскаго опредѣлить дѣтей ея въ университетъ.

Вообще можно сказать, что организація подготовительныхъ—среднихъ и низшихъ—школъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ оставляла желать много лучшаго: ихъ было далеко недостаточное количество. Неудивительно поэтому, что и многіе изъ державныхъ вступительный экзаменъ въ университетъ оказались подготовленными очень слабо. Это обстоятельство побудило между прочимъ начальство открыть при университетѣ приготовительный классъ. Попечитель Потоцкій вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ Комитетъ и вскорѣ при Главномъ Народномъ Училищѣ въ особой залѣ были открыты адъюнктами уроки для учениковъ, имѣвшихъ намѣреніе потомъ поступить въ университетъ. Лангъ читалъ тамъ философію и нѣмецкій языкъ, Чахъ-де-Совинь — французскій яз., Крюгеръ — физику, проф. Шмерфельдъ уже раньше преподавалъ тамъ естественную исторію. Но въ маѣ мѣсяцѣ адъюнкты Лангъ, Совиньи и Гамперле представили проектъ особаго приготовительнаго класса, исключительно для тѣхъ, кто готовился къ поступленію въ университетъ. Тутъ предполагалось преподавать латинскій, французскій и нѣмецкій языки, латинскую риторику и поэзію, греческія и римскія древности, географію, всемірную исторію, міѳологию, алгебру, геометрію и основанія философскихъ наукъ. Курсъ здѣсь долженъ былъ продолжаться 2 года и, кто не окончилъ этого класса, не имѣлъ права поступить въ университетъ. Комитетъ объявилъ однако, что не можетъ своею властью утвердить ихъ проекта, и рекомендовалъ имъ по прежнему заниматься преподаваніемъ въ гимназій спеціально для этого избраннымъ ученикамъ. Попечитель проекта адъюнктовъ не одобрилъ, такъ какъ онъ не былъ сообразованъ съ предварительными

правилами народнаго просвѣщенія. Кромѣ гимназистовъ, адъюнктовъ слушали и студенты, только что вступившіе въ университетъ. Вскорѣ въпрочемъ мысль адъюнктовъ объ учрежденіи приготовительнаго класса была приведена въ исполненіе; лекціи стали читать казенно-коштнымъ и своекоштнымъ, студентамъ: философію читалъ Лангъ, латинскій языкъ Барендтъ, чистую математику Васильевъ, исторію и міеологію Гамперле, французскій языкъ Совянъ, нѣмецкій и англійскій языкъ Шмерфельдъ, исторію и географію Филиповичъ (а въ его отсутствіе д. Рейтъ). Преподаваніе здѣсь шло до самаго открытія университета ¹⁾.

Предметомъ заботъ всего Комитета, а въ особенности одного изъ членовъ его проф. Тимковского, служило устройство училищной части въ округѣ. Мы знаемъ уже, что дѣло это еще въ 1803 г. было спеціально поручено Тимковскому. Въ 1804 г. имъ также завѣдывалъ Тимковский, но нѣкоторые вопросы переносились и на обсужденіе Комитета. Въ маѣ мѣсяцѣ проф. Тимковский представилъ въ Комитетъ проэктъ объ устройствѣ въ Харьковѣ гимназіи и уѣзднаго училища. Гимназія эта должна была образоваться изъ бывшаго здѣсь главнаго народнаго и такъ называемаго казеннаго училища; въ этомъ послѣднемъ преподавались между прочимъ артиллерія и фортификація и эти предметы предполагалось оставить и въ программѣ будущей гимназіи („дабы угодить дворянству“). Но министръ народнаго просвѣщенія не согласился на это и положилъ, чтобы Харьковская гимназія (нынѣшняя 1-я) ни въ чемъ по своей программѣ не отступала отъ другихъ. Самое преобразование главнаго народнаго училища въ гимназію было отложено до пріѣзда попечителя въ Харьковъ. В. Н. Каразину было разрѣшено устройство уѣзднаго училища въ г. Богодуховѣ и прихотского въ его селеніи Кручицѣ. На содержаніе Кручанскаго училища Сельская Дума (учрежденная имъ въ родной деревнѣ) давала 250 р.—сумму по тому времени весьма значительную. Самъ Василій Назарьевичъ не только хлопоталъ о матеріальномъ обезпеченіи своего училища, но и вникалъ въ преподаваніе, заботился о нравственномъ развитіи учащихся. Между прочимъ съ этою цѣлью онъ составилъ для нихъ религіозный и гражданскій катехизисъ. Помѣщеніемъ для школы служила простая крестьянская просторная хата. В. Н. Каразинъ хотѣлъ, чтобы его школа съ одной стороны не отрывала учениковъ отъ земледѣлія, но съ другой—чтобы изъ нея выходили люди ²⁾. Особенное вниманіе Комитета, при устройствѣ уѣздныхъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ См. подробности объ этомъ въ статьѣ о. Ник. Лашенка. „Вас. Наз. Каразинъ, какъ помѣщикъ сел. Кручика“ (Харьк. сборн. на 1887 годъ, стр. 62—64).

и приходскихъ училищъ, обращалъ на себя вопросъ объ учительскомъ персоналѣ и училищныхъ зданіяхъ. Комитетъ подвергалъ испытанію лицъ, желавшихъ занять учительскія мѣста, и хотя находилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не вполне отвѣчающими строгимъ требованіямъ, но долженъ былъ, по неимѣнію другихъ болѣе достойныхъ, давать и имъ должности: въ виду недостатка русскихъ учителей должны были иногда обращаться и къ иностранцамъ; а среди нихъ попадались и такіе, какъ французъ Обертонъ, который не могъ написать правильно на своемъ родномъ языкѣ прошенія о назначеніи его учителемъ французскаго языка въ Екатеринославскую гимназію.

Вопросъ о школьныхъ зданіяхъ также представлялся весьма существеннымъ, какъ это, напримѣръ, можно видѣть изъ того, что въ Сумахъ народное училище не имѣло опредѣленнаго помѣщенія и въ теченіи одного года должно было четыре раза переходить съ квартиры на квартиру; кто долженъ былъ отводить помѣщеніе—города или приказъ общественнаго призрѣнія—было въ точности неизвѣстно; отсюда и неопредѣленность, и путаница. Наконецъ, Тимковскій указалъ и еще на одну существенную нужду, испытываемую всѣми учениками—это недостатокъ книжныхъ пособій: учебники трудно было приобрѣтать даже за деньги. Комитетъ просилъ было о томъ, чтобы главное правленіе училищъ (издававшее эти книги) давало ихъ Харьковскому книжному магазину Глазкова (съ уступкой 20%), а тотъ уже отъ себя разсылалъ ихъ по номинальной цѣнѣ въ училища; но этотъ проектъ не былъ одобренъ—и университетъ соглашался по необходимости принять посредничество въ этомъ дѣлѣ на себя.

Само собою разумѣется, что для всего этого нужны были деньги—и Комитетъ усиленно заботился о собираніи, какъ штатныхъ суммъ, такъ и пожертвованій. Всѣ деньги принималъ и хранилъ университетскій кассиръ Дзюбинъ, подъ наблюденіемъ проф. Осповскаго, и такъ какъ въ университетѣ не было особой кладовой, то для этого былъ приспособленъ одинъ изъ погребовъ и къ нему приставленъ постоянный военный караулъ.

Въ 1804 году была ассигнована изъ государственнаго казначейства штатная сумма въ 130,000 руб., въ счетъ которой поступило за $\frac{2}{3}$ года 71,816 рублей 60 к.; изъ дворянскихъ пожертвованій получено было 6. 33 тыс., изъ городскихъ и купеческихъ 13,662 р., сверхъ того часть денегъ поступила и отъ частныхъ лицъ. Важнѣйшими статьями расхода были: жалованье профессорамъ—24,705 р., перестройки—11,463 р., на содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ—7,434 р., на мебель—3,330 р., на библіотеку—1,827 р., на типографію—2,037 р.,

на ботаническій садъ—1,179 р., на перестройку квартиръ губернатора и вице-губернатора—2,900, уплачено за землю 3,615 р., на расходы, сдѣланные попечителемъ—1,299 р. (на вызовъ профессоровъ, на покупку книгъ, приборовъ и т. п.) ¹⁾.

Теперь мы должны остановиться подробнѣе на вопросѣ о поступленіи дворянскихъ и городскихъ пожертвованій въ теченіи 1804 года. Еще въ апрѣлѣ 1804 г., попечитель Потоцкій обратился къ губернскому предводителю съ указаніемъ, что жертвуемые деньги должны поступать въ Комитетъ университета ²⁾. Но затрудненія по части сбора денегъ по прежнему происходили въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ. 19-го апрѣля Донецъ-Захаржевскій отписалъ Потоцкому письмо, въ которомъ объяснялъ, что все харьковское дворянство будетъ охотно дѣлать свои взносы къ опредѣленнымъ срокамъ, но онъ не знаетъ, какъ быть съ предводителями волчанскаго и особенно изюмскаго уѣзда (Поклонскимъ и Капустянскимъ), которые не только не заботятся о поступленіи сборовъ со своихъ дворянъ, но даже прямо противодѣйствуютъ имъ; такъ, напримѣръ, Капустянский не назначилъ комиссара для пріема денегъ; большая часть дворянства этихъ уѣздовъ желаетъ исполнять общее дворянское постановленіе, но имъ мѣшаютъ предводители. Не легко было попечителю подавать совѣтъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ—и онъ пишетъ Донцу-Захаржевскому слѣдующее письмо: „письмо ваше, писанное и полученное мною вчера, служить новымъ доказательствомъ вашего усердія къ общей пользѣ и ревности поддерживать на всегда мнѣніе правительства о благородномъ состояніи Слободско Украинской губ. Что до меня касается, то будьте увѣрены, что я иначе мыслить не могу, какъ къ чести почтеннаго сего сословія, которое столько отличало себя своимъ пожертвованіемъ и преданностью къ волѣ всемилостивѣйшаго государя; посему никогда не причту я дѣйствія или образа мыслей двухъ или нѣсколькихъ особъ тому не соответствующихъ, кто бы онѣ не были, обществу цѣлаго уѣзда, никогда не могу я усумниться, что приношеніе дворянствомъ сей губерніи, торжественнымъ актомъ запечатлѣнное, принятое Монархомъ, удостоенное его благоволенія, положенное въ основаніе великолѣпному заведенію въ семъ краю, которое единственно сему случаю и бытіемъ своимъ обязано, что приношеніе это не будетъ исполнено безъ малѣйшаго исключенія. Вотъ по какой причинѣ не могу дать я вамъ моего совѣта, какъ вамъ поступить въ такомъ случаѣ, если взносъ дворянской суммы остановленъ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универ.

будетъ въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ; впрочемъ я обязанностью почелъ отнести о семъ предметѣ къ Е. Превосходительству г. гражданскому губернатору, отъ котораго вы всеконечно разрѣшеніе на вопросъ вашъ и всякое вспомошествованіе получите“. (Г. Бѣлгородъ 20 апрѣля 1804 г.) ¹⁾.

Потоцкій дѣйствительно написалъ бумагу губернатору Бахтину—и тотъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ Капустянскому. Этотъ послѣдній далъ на это объясненіе, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: онъ нисколько не противодѣйствуетъ сборамъ денегъ на университетъ; что-же касается комиссара, то выборъ его могъ произвести губернский предводитель дворянства, лично посѣтившій изюмскій уѣздъ и не пригласившій на это собраніе его, Капустянского; въ заключеніе Капустянской ссылался на свои многочисленныя объясненія по этому дѣлу, доставленные имъ въ уголовную палату. Очевидно, Капустянской былъ хорошій юристъ и объясненіе его представляетъ образчикъ чисто канцелярской, формальной отписки. Въ сущности же, онъ, конечно, ничего не дѣлалъ для сбора денегъ и эти послѣднія вовсе не поступали изъ его уѣзда ²⁾. Объяснительное письмо волчанскаго предводителя Поклонскаго составлено нѣсколько въ иномъ духѣ: въ то время какъ Капустянской старался поддерживать свою мысль о неobligательности постановленія о пожертвованіяхъ для тѣхъ, кто не присутствовалъ на общемъ собраніи дворянъ, Поклонскій наоборотъ всячески доказывалъ, что онъ считаетъ это постановленіе для себя и для всего дворянства безусловно обязательнымъ. „Эта сумма принесена въ даръ отечеству, писалъ онъ, общимъ и единодушнымъ всего Слободско-украинскаго дворянства торжественнымъ актомъ, который я, предвидя во всей полнотѣ неисчетныя пользы отечеству и вообще человечеству и многія выгоды здѣшнему краю, подписалъ не послѣднимъ и господа дворяне волчанскаго уѣзда, бывъ согласны, также подписали; прошу Ваше Превосходительство, оправдывался далѣе Поклонскій, принявъ въ уваженіе, разсмотрѣть, причисленъ-ли мнѣ гнусный поступокъ разстраивать благое намѣреніе гг. дворянъ, уважающихъ болѣе всего свое достоинство, да еще въ дѣлѣ государственномъ и полезномъ всему отечеству и человечеству, которое Высочайшимъ благоволеніемъ непреложно утверждено; свидѣтельствуюсь всѣмъ гг. дворянами и каждымъ особо, что я никогда ни гласно, ни посторонно, ни подъ какимъ

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

²⁾ Ibidem; см. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

видомъ никому не дѣлалъ разстраиванья въ благихъ намѣреніяхъ дворянъ, но непрестанно по силѣ моей возможности прилагалъ и продолжаю усерднѣйшее попеченіе“; въ заключеніе Поклонскій просилъ произвести по этому поводу строжайшее слѣдствіе, чтобы открыть доносчика, обвинившаго его въ столь гнусномъ поступкѣ ¹⁾. Получивъ эти объясненія, губернаторъ отіравилъ ихъ въ точныхъ копіяхъ къ Потоцкому и присоединилъ къ нимъ свое письмо. Изъ него видно, что И. И. Бахтинъ относился къ дѣлу Харьковскаго университета чрезвычайно сочувственно и старался оказать свое содѣйствіе и въ данномъ случаѣ. Онъ лично хотѣлъ побесѣдовать по этому поводу съ Капустянскимъ въ Изюмѣ во время своего объѣзда губерніи, но этотъ послѣдній уклонился отъ объясненій, уѣхавъ изъ города. Тогда И. И. Бахтинъ затребовалъ отъ обоихъ предводителей письменнаго разъясненія, которое и подвергъ самому внимательному разбору; этотъ разборъ ясно показываетъ, писалъ онъ, что оба предводителя, а въ особенности Капустянский, приводили только видимыя отговорки, а на самомъ дѣлѣ могли бы, если хотѣли, дѣлать сборы и при тогдашнихъ условіяхъ; но чтобы не дать имъ возможности на будущее время прибѣгать къ этимъ отговоркамъ, онъ устранялъ тѣ препятствія при сборахъ, на которыя жаловались Капустянский и Поклонскій: земскіе суды могли, напримѣръ, теперь разсылать напоминанія о срокахъ и безъ спеціальнаго разрѣшенія губернскаго правленія ²⁾; а чтобы ускорить въ изюмскомъ уѣздѣ выборъ комиссара для сбора денегъ, Бахтинъ обратился къ губернскому предводителю, прося его принять по этому поводу зависящія отъ него мѣры и дать вообще свои разъясненія на „объясненіе“ Капустянскаго. Донецъ-Захаржевскій далъ подробныя разъясненія, изъ коихъ видно, что Капустянский дѣлалъ только отговорки, чтобы затормозить дѣло; оказалось, напримѣръ, что и самъ Капустянский не сдѣлалъ взноса на университетъ и не принималъ его отъ другихъ; о выборѣ комиссара долженъ былъ позаботиться также онъ самъ, а не губернский предводитель; весь ходъ дѣла о сборѣ пожертвованій ему былъ хорошо извѣстенъ и онъ напрасно отговаривался незнаніемъ его подробностей ³⁾. Самому Капустянскому Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ кратко и сурово, что у него, Капустянскаго, всѣ необходимыя свѣдѣнія имѣются и больше ему, губ. пред-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону; тоже см. въ архивѣ Харьковск. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

²⁾ Ibidem; въ такомъ смыслѣ состоялось постановленіе губерн. правленія.

³⁾ Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

водителю, сообщать нечего ¹⁾). Съ своей стороны Поклонскій, не высказывая никакого протеста, ограничивался только формальнымъ исполненіемъ указовъ и дѣло, конечно, у него двигалось очень плохо ²⁾). Что же касается Капустянского, то о его противодѣйствіи было доведено до свѣдѣнія Государя и ему съ высоты Престола было высказано порицаніе.

Капустянскій 29 авг. подалъ на Высочайшее имя слѣдующую жалобу: „Слободскоукраинской губерніи, въ изюмскомъ уѣздѣ нахожусь я предводителемъ, а потому страшусь не доложить Тебѣ, Великій Государь, то, что прошедшаго 1802 г. сентября 1-го числа былъ созывъ дворянъ въ губернскій городъ Харьковъ для положенія суммы на университетъ; какъ же именнаго повелѣнія Твоего на то не было, то многіе и не съѣхались, не зная объ ономъ, а тѣмъ сіе и удалось, желающимъ себя предъ Тобою, Великій Государь, прославить; не яко о немущихъ, не клисъ, но для себя больше, и написалъ приговоръ г. Каразинъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, и губернскій предводитель и иные уѣздные и малое число дворянъ и то больше родственниковъ ихъ, которые достаткомъ превосходятъ другихъ, а особливо вдовъ и сиротъ, что будто всѣ здѣшней губерніи дворяне желаютъ дать на университетъ отъ излишковъ своихъ четыреста тысячъ рублей и помѣстивъ въ то число сами по волѣ своей и за фуры деньги чужія, изъ которыхъ слѣдуетъ часть и недостаточнымъ. О семъ я какъ предводитель въ то самое время и протестовался за свою округу, за вдовъ и сиротъ, да и другіе дворяне также оспаривали. Но поелику Каразинъ внушалъ великія важности, то достаточные повѣрили оному и губернскому предводителю, почему я и жаловался бывшему въ то время губернатору г. Артакову за таковой несправедливый и сдѣланный оными безъ общаго согласія приговоръ, отъ котораго получивъ завѣреніе письменное, что вдовы и сироты и немущіе останутся отъ того налагаемаго онымъ приговоромъ платежа свободны, а симъ завѣреніемъ и не допустили меня лично Тебѣ, Великому Императору, о семъ доложить.

Когда жъ въ прошломъ 1803 году въ мартѣ мѣсяцѣ полученъ отъ Тебя, Великаго Императора, Харьковскому дворянству Высочайшій рескриптъ о взносѣ на университетъ суммы, въ то время меня и отдалі къ сужденію въ уголовную палату за то, что я на приговорѣ не подписался, а вступался за немущихъ дворянъ своего округа, вдовъ и сиротъ и такихъ, которые кромѣ долговъ ничего не имѣютъ, и дру-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem; см. тутъ обширную отписку его Донцу-Захаржевскому.

гой уже годъ производится о семъ въ уголовной палатѣ дѣло, но и нынѣ не рѣшено; что хотятъ, то и дѣлаютъ; Богъ высоко, а Царь, далеко. Сего жъ 1804 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ запросъ мнѣ отъ г. губернатора Бахтина, почему не собираю я отъ дворянъ изюмской округи денегъ, на что я ему представлялъ законныя причины, но онъ, не принявъ оныхъ въ резонъ, прислалъ изъ губернскаго правленія указъ, повелѣвающій выбрать комиссара и собирать деньги со всѣхъ безъ изыятія; почему я, не смѣя противъ начальства противорѣчить, выполняю оный.

Великій Государь! На бумагѣ нельзя мнѣ всего изъяснить, ибо отъ большого начальства такого состоянія люди страхомъ наполнены¹⁾.

Прошеніе это было разсмотрѣно Государемъ вмѣстѣ съ другими документами по этому дѣлу и по поводу его состоялось слѣдующее Высочайшее рѣшеніе, объявленное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, Капустянскому и *отпечатанное для всеобщаго свѣдѣнія* въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, издававшихся тогда Академіей Наукъ: „По Высочайшему повелѣнію отъ министра внутреннихъ дѣлъ предводителю дворянства Слободско-Украинской губ. изюмскаго уѣзда Захарашевичу-Капустянскому объявляется, что донесеніе его, на Высочайшемъ имя присланиое, якобы положеніе о вносѣ суммы на Харьковскій университетъ учинено не съ общаго согласія дворянства, по разсмотрѣніи и соображеніи съ мѣстными свѣдѣніями, найдено неосновательнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) при самомъ началѣ сего предположенія всѣ уѣздные предводители предварены были отъ губернскаго, чтобъ пригласили они дворянъ въ общее собраніе для рѣшительнаго постановленія о приношеніи на заведеніе въ Харьковъ университета; 2) положеніе въ собраніи дворянъ по сему приглашенію сдѣланное и по количеству лицъ подписавшихся, и по самому обряду сего собранія, должно признать общимъ всего дворянства положеніемъ; 3) противъ сего общаго положенія несогласіе малаго числа дворянъ, не явившихся въ собраніе, не могло быть принято во уваженіе; 4) изъ донесеній мѣстнаго начальства было тогда же видно, что предводитель Захарашевичъ-Капустянский, утаивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе университета, не сдѣлалъ о немъ надлежащаго дворянамъ извѣщенія; 5) нѣкоторые изъ дворянъ вполнѣдствіи отозвались губернскому предводителю, что имъ не дано было даже знать объ общемъ положеніи дворянства, и наконецъ 6) предводитель Капустянский для умноженія числа несогласающихся

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

съ симъ положеніемъ заставилъ у себя подписаться людей безномѣстныхъ и даже управителя помѣщика Хлопова, тогда какъ самъ Хлоповъ подписалъ общее положеніе дворянства. За всѣ сіи уклоненія отъ порядка предводитель Капустинскій правильно подвергнуть былъ въ тоже время отвѣту предъ судомъ“ ¹⁾).

Посылая эти бумаги губернатору, гр. Кочубей присоединилъ къ нимъ подтвердительный указъ о сборѣ денегъ на университетъ, въ которомъ говорилось: „изъ прилагаемаго при семъ въ копіи прошенія, принесеннаго на Высочайшее имя отъ изюмскаго предводителя Захарашевича-Капустянского ваше превосходительство изволите усмотрѣть, донесеніе его, яко-бы приношеніе дворянства на заведеніе университета сдѣлано безъ общаго согласія. По донесенію сему я имѣлъ счастье представлять Государю Императору свѣдѣнія, въ свое время о несогласіи Капустянского сюда дошедшія, и какое по разсмотрѣнію сихъ свѣдѣній послѣдовало на приношеніе его Высочайшее рѣшеніе оное усмотрѣть изволите изъ объявленія въ Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, въ копіи при семъ прилагаемаго. Въмѣстѣ съ сею жалобою попечитель Харьковскаго округа, тайный совѣтникъ графъ Потоцкій представилъ мнѣ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при сборѣ положенныхъ на университетъ денегъ въ уѣздахъ изюмскомъ и волчанскомъ, и о распоряженіяхъ вами по отношенію его принятыхъ. Я имѣлъ счастье представить бумаги сіи Его Величеству. Государь Императоръ, принявъ во уваженіе, что приношеніе сіе сдѣлано было общимъ положеніемъ дворянства, что удостоено оно въ свое время Высочайшаго утвержденія и тѣмъ вошло въ силу и порядокъ дѣйствій, коихъ исполненіе не можетъ быть мѣстными отлагательствами премѣняемо и что наконецъ изъ переписки вашего превосходительства съ графомъ Потоцкимъ и по подробнѣйшему разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ открывается, что медленность во взносѣ происходитъ не отъ дѣйствительнаго несогласія дворянъ, но отъ косненія и затрудненій, противопоставляемыхъ отъ гг. Капустянскаго и Поклонскаго, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы согласно мѣрамъ, уже отъ васъ принятымъ, сборъ сей въ положенные сроки безъ всякаго отлагательства и непремѣнно былъ произведенъ“ ²⁾).

Эти документы сами за себя говорятъ и мы поэтому нарочно привели ихъ въ подлинномъ видѣ. Въ нихъ ярко рисуется и Капустянский,

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Ibidem.

съ необычайной энергіей, достойной лучшаго примѣненія, боровшійся противъ устройства университета въ Харьковѣ, и доброжелательное отношеніе къ университетскому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, и благородная откровенность Императора Александра, пожелавшаго, чтобы его отвѣтъ Капустянскому былъ напечатанъ для всеобщаго свѣдѣнія въ официальномъ правительственномъ органѣ. Едва ли нужно прибавлять, что отвѣтъ этотъ былъ въ высшей степени справедливъ и основывался на самыхъ серьезныхъ неопровержимыхъ мотивахъ. Нельзя при этомъ не вынести грустнаго впечатлѣнія изъ того, что уже на самыхъ первыхъ порахъ возникли такіа серьезные затрудненія по вопросу о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій, опредѣленныхъ Харьковскимъ дворянствомъ. Но это было только начало: впереди предстояли еще большія трудности. Къ сожалѣнію, примѣръ Капустянскаго нашелъ подражателей. Лебединскій дворянинъ Кабановъ въ отвѣтъ на обращеніе о взносѣ причитающейся съ него суммы на университетъ отвѣтилъ: „требуемой по сему предложенію суммы не имѣя, за усиленнымъ г. предводителя Алферова съ братьями его принадлежащаго ко владѣнію имѣнія и не получая съ онаго никакихъ избытковъ взнести не въ состояніи“ ¹⁾. Подчасъ на практикѣ при сборѣ денегъ оказывались и дѣйствительныя затрудненія, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ, напримѣръ, отзывъ б. управляющаго имѣніями князя Александра Борисовича Куракина, Ивана Витковскаго. Онъ объясняетъ, что владѣлецъ имѣній (сел. Вѣдокуракина и Павловки съ хуторами) въ октябрѣ 1804 г. освободилъ своихъ крестьянъ (и великорусскаго, и малорусскаго происхожденія) со всѣми ихъ землями, по особому выкупному денежному акту, и поэтому онъ, управляющій, безъ приказанія господина, не можетъ взнести причитающейся по раскладкѣ суммы за 2 срока въ размѣрѣ 800 съ лишкомъ рублей ²⁾. Съ другой стороны, справедливость побуждаетъ насъ заявить, что Василій Назарьевичъ Каразинъ сдѣлалъ причитающійся съ него и его брата (Ивана Назарьевича) взносъ гораздо раньше положеннаго для этого срока (еще въ апрѣлѣ 1803 г. онъ уплатилъ 1000 р., слѣдовавшихъ съ с. Кручика и Основинецъ, гдѣ было 496 д. подданныхъ, въ чемъ и выдано было ему официальное удостовѣреніе). Но въ общемъ суммы поступали очень туго: нужны были постоянныя напоминанія. 1 сентября 1804 г. окончился срокъ вторичнаго взноса дворянской суммы—а комитетъ 9 сентября пишетъ Донцу-

¹⁾ Архивъ харьк. генер. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Ibidem.

Захаржевскому уведомленіе, что еще ничего въ счетъ этой суммы онъ не получилъ ¹⁾). Между тѣмъ мѣрами взысканіи на первыхъ порахъ стѣнялись: сумскому уѣздному предводителю Донецъ-Захаржевскій рекомендуетъ не прибѣгать къ земскому суду при взысканіяхъ, а дѣйствовать убѣжденіемъ и собственнымъ примѣромъ ²⁾). Университетъ относился къ дворянамъ весьма предупредительно и между прочимъ, не смотря на прежній отказъ, еще два раза по предложенію попечителя обращался къ Харьковскому губернскому предводителю съ просьбой избрать одного или двухъ человѣкъ, чтобы помогать комитету при возведеніи будущихъ зданій университета на счетъ дворянскаго патріотическаго приношенія ³⁾).

Второй взносъ сталъ уже поступать по истеченіи срока (послѣ 1 сентября 1804 г.) и къ 19 января 1805 г. было собрано 21931 р. 8 коп. и осталось въ недоимкѣ 44735 р. 59 коп., „отъ неисполченія коихъ, писалъ Тимковскій, университетъ не токмо лишается своихъ выгодъ, но и не въ состояніи исполнить нѣкоторыхъ данныхъ ему отъ г. попечителя предписаній“ ⁴⁾). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ волчанскомъ уѣздѣ къ 1 сентября 1804 г., собрано было 4591 р. 25 коп. ⁵⁾). Очевидно, что уѣздный предводитель дѣйствительно принялъ мѣры къ сбору денегъ и самъ показалъ примѣръ, взнесши причитавшіеся съ него 120 р. 75 коп.

Таковъ былъ ходъ сборовъ до открытія университета, т. е. до 17 января 1805 г. Но мы должны теперь забѣжать нѣсколько впередъ и рассказать о послѣдующей судьбѣ „патріотическихъ“ приношеній. Это необходимо сдѣлать, чтобы составить себѣ надлежащее и законченное понятіе объ этомъ важномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что никто изъ прежнихъ историковъ Харьковскаго университета не останавливался на дальнейшей судьбѣ пожертвованія дворянства и горожанъ и не показывалъ намъ, въ какой мѣрѣ и въ теченіи какого времени были выполнены денежные обязательства, принятыя на себя этими сословіями; я же располагаю столь подробными свѣдѣніями по этому вопросу ⁶⁾), что

¹⁾ Архивъ харьк. депут. собран. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универс.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ 1) Они заключаются въ огромныхъ дѣлахъ: „Объ учрежденіи Харьковскаго университета („Архивъ Харьковск. депут. собранія“), 2) „О патріотическомъ приношеніи Харьковскому университету дворянствомъ здѣшней губерніи“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія, по архиву № 3, по картону № 1), 3) „О патріоти-

могъ-бы изложить ходъ этого дѣла по годамъ, шагъ за шагомъ; но такъ какъ это отвлекло бы вниманіе читателя отъ общей нити изображаемаго событія (основанія университета), то я останавлиюсь только на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ моментахъ.

Мы привели выше отрывокъ изъ письма Тимковского къ губернскому предводителю дворянства по поводу непоступленія во 2-й срокъ дворянскихъ суммъ. Объ этомъ же счелъ нужнымъ написать Донцу-Захаржевскому попечитель Потоцкій слѣдующее письмо: „истребовавъ отъ Харьковскаго университета свѣдѣніе о суммѣ, внесенной по сіе время дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи въ число патріотическихъ его приношеній, усмотрѣвъ я, къ крайнему сожалѣнію, что взносъ оной имѣетъ ходъ весьма медленный: сумма сія не поступила не только за третій срокъ, но еще не выплачена и за 2-й. Какъ положеніе сіе о принесеніи оной въ пользу университета сдѣлано дворянствомъ по доброй волѣ и удостоилось Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества, то я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы оное могло имѣть какія либо перемѣны; между тѣмъ однако же для распоряженій, кои приѣмлю я относительно будущихъ университетскихъ зданій, нужно мнѣ, чтобы сумма сія поступала исправно въ назначенное время. Я твердо увѣренъ, что вы употребите содѣйствіе ваше предложить благородному дворянству объ исполненіи положеній, самымъ имъ по сему предмету сдѣланныхъ, зная, сколько вы участвовали при самомъ началѣ въ составленіи сего приношенія и впоследствии оказывали всегда расположеніе свое къ пользамъ университета; но между тѣмъ нахожусь я принужденнымъ покорнѣйше просить васъ, мил. гос. мой, не оставить меня увѣдомленіемъ, какія были причины, воспрещавшія доселѣ исправному взносу той суммы, дабы согласно оному могъ я приять нужныя мѣры, чтобы не быть намъ въ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія предположеній, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ ¹⁾ (18 сент. 1805 г.)“. Положеніе губернскаго предводителя было очень затруднительное: онъ несомнѣнно заботился объ исправномъ поступленіи суммъ, но его добраго желанія было недостаточно: сборы происходили въ уѣздахъ и все зависѣло здѣсь отчасти отъ уѣздныхъ предводителей и еще въ большей степени отъ

ческомъ приношенія Харьковскому университету отъ дворянства екатеринославской губ.“ (Ibidem, по архиву № 19, по картону № 2), 4) „О пожертвованіяхъ дворянства и жителей на учрежденіе университета“ (Ibidem, по архиву № 1, по картону № 1).

¹⁾ Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

самихъ дворянъ. Получивъ приведенное выше письмо отъ Потоцкаго, Донецъ-Захаржевскій могъ только обратиться съ вопросомъ о причинахъ медленнаго поступленія суммъ къ уѣзднымъ предводителямъ, а тѣ въ свою очередь ссылались на дворянъ недоимщиковъ. Купянскій предводитель Иванъ Тихоцкій писалъ, напримѣръ, что онъ прилагалъ всѣ старанія къ своевременному поступленію взносовъ, извѣщая объ этомъ многократно своихъ дворянъ и письменно, и лично; затѣмъ, видя, что общанія не исполняются, я, заявлялъ онъ, доставилъ списки недоимщиковъ въ харьковское губернское правленіе, а оно отправило ихъ въ купянскій нижній земскій судъ, чтобы тотъ настоятельно побудилъ ихъ ко взносу и въ случаѣ надобности принялъ законныя мѣры взысканія. Къ этому объясненію Тихоцкій приложилъ списокъ неплательщиковъ; всѣхъ ихъ было 108 человекъ и они задолжали за три срока 3755 р. 51 к.; (а всего купянскій уѣздъ долженъ былъ уплатить менѣе 5000 р.); любопытно, что это по большей части были мелкія суммы—десятки и рубли; болѣе крупныя недоимки числились за весьма немногими ¹⁾. Предводитель дворянства харьковскаго уѣзда Петръ Ковалевскій писалъ, что нѣкоторые дворяне вовсе отказываются отъ платежа, другіе ссылаются на отсутствіе денегъ, а управляющіе великопомѣстныхъ имѣній объясняютъ, что они безъ согласія своихъ владѣльцевъ не могутъ дѣлать взносовъ; всѣхъ недоимщиковъ было 223; и здѣсь количественно преобладали мелкія суммы, но за то крупныя въ совокупности составляли весьма видную долю ²⁾. Такіе же отвѣты и вѣдомости поступили и отъ предводителей другихъ уѣздовъ; въ изюмскомъ уѣздѣ оказалось 187 недоимщиковъ ³⁾; въ лебединскомъ

¹⁾ За Мих. Булацелемъ 230 р., за Вас. Захарашевичемъ-Капустянскимъ 169 р., за княгиней Кантемировой 103 р., за наслѣдниками Георгія Захарашевича-Капустянскаго 112 р., за Ив. Мерескуломъ 206 р., за наслѣдниками И. Мечникова 228 р., за Ѳ. Шабельскимъ 170 р., за А. Шаховой 107 р., за Ст. Элли 112 р.

²⁾ Болѣе крупныя недоимки числились за слѣдующими лицами: за Ст. Базилевичевой 301 р., генер. А. Бердяевой 525 р., кн. С. Волконской 532 р., П. Дуниной 295 р., кн. Дм. Кантемиромъ 324 р., Ѳед. Квиткой 223 р., Гр. Квиткой 109, Гр. Ковалевскимъ 106 р., С. Ковалевской 110 р., Андр. Ковалевскимъ 346 р., Кн. Килдичевымъ 157 р., Ник. Нахимовымъ 285 р., Г. Познанскимъ 190 р., фельдмаршаломъ гр. Ив. Петр. Салтыковымъ 405 р., Ив. Солнцовымъ 201 р., Гр. Суджанскимъ 108 р., гр. Ник. Петр. Шереметевымъ 977 р., Дм. Щербининымъ 770 р.

³⁾ Суммы свыше 100 р. задолжали здѣсь слѣдующіе лица: Пв. Адамовъ 197 р., Як. Велихевичъ 148 р., дѣйст. тайн. сов. Энгельгардтъ 989 р., Герсевановъ 196 р., П. Герсеновъ 109 р., наслѣдники Двигубскаго 128 р., М. Иванова 163 р., П. Захаржевскій 196 р., Вас. Захаржевскій 227 р., Г. Иванова 136, Кн. Дм. Кантемиръ 137 р., Ст. Мартынова 465 р., Пр. Минчинкова 167 р., Ал. Норовъ 229, прот. Андр. Сам-

за 2-й срокъ 123 чел. съ долгомъ въ 1196 р. 80 к., и за 3-й 195 съ долгомъ въ 7673 р. 80 коп. ¹⁾ (а всего слѣдовало получить 8442 р.). Предводитель дворянства въ богодуховскомъ уѣздѣ Ив. Боярский доносилъ, что онъ опредѣлялъ 4-хъ комиссаровъ къ собиранію денегъ; они собрали часть суммъ, но многіе отговаривались неурожаемъ, падежомъ скота, а вдова поручика Ильинскаго сослалась на то, что ея двухъ сыновей, несмотря на усиленные ея просьбы, не приняли въ университетъ, почему она и не можетъ сдѣлать взноса. Впрочемъ недоимщиковъ здѣсь было не много: за 1-й срокъ 43 чел. съ долгомъ въ 1705 р. $\frac{1}{2}$ к., за 2-й—62 съ долгомъ въ 442 р. 80 к., за 3-й—103 съ долгомъ въ 4767 р. 73 коп. ²⁾ (а всего причиталось только 5242 р.). Валковский предводитель сообщилъ, что взносъ за 2-й срокъ сдѣланъ; недоимщиковъ же по 3-му сроку оказывалось тамъ 66, въ томъ числѣ крупныхъ 7 (свыше 100 р.): Верещагинъ, генераль Дуининъ, Зварыкинъ, Лесевицкій, Гр. Ром. Шидловскій, Базилевскій. Въ сумскомъ уѣздѣ за 2-й и 3-й срокъ былъ 231 недоимщикъ; въ числѣ ихъ и такіе крупные, какъ т. сов. Анна Комбурлей (1749 р.), кн. Мих. Анд. Голицынъ (3785 р.), Нат. Дубянская (875 р.), Ал. Савичъ (1052 р.), Г. Кондратьевъ (1247 р.), М. Кондратьевъ (502 р.), О. Кондратьева (567 р.), Е. Рахманова (712 р.), А. Хрущева (607 р.), Ив. Кондратьевъ (967 р.); эти 10 человекъ задолжали всѣ вмѣстѣ 12063 руб. Чтобы понять значеніе этой цифры, нужно вспомнить, что на 3-й срокъ со всего сумскаго уѣзда нужно было получить по табели только 10731 р., а за 2-й—и того меньше. Въ волчанскомъ уѣздѣ за 2-й срокъ не уплатило 47, за 3-й 91 чел.; всего за ними числилось 3864 р. (за 3-й срокъ слѣдовало получить 6934 р., а доставлено было 3866 р.). Во ахтырскому уѣзду числилось недоимки 5363 р.

борскій 235 р., Тарановъ 235 р., Фидлерова 166 р., Е. Хлоновъ 148 р., Ив. Шабельскій 131 р., Ал. Шаховъ 256 р., кн. Шихматова 210 р., Р. Шидловскій 151 р., Ник. Шидловскій 294 р.

¹⁾ Здѣсь было нѣсколько меньше крупныхъ должниковъ: О. Яцынъ долженъ былъ 678 р., Е. Неплюева 484 р., Мамоновъ 935 р., кн. Щербатовъ 1111 р., тайн. сов. Неплюевъ 236 р., тайн. сов. кн. Юсуповъ 310 р., кн. Долгорукова 404 р., Шидловская 270 р., Максимовичева 223 р., ген. Штеричева 126 р., В. Кондратьевъ 123 р., В. Марковъ 274 р., П. Дехановъ 197 р., Ник. Кондратьевъ 431 р., А. и П. Алферовы 137 р., Над. Кондратьева 123 р., Ив. Пустовойтовъ 151 р.

²⁾ Болѣе 100 р. здѣсь были должны: кн. Ник. Голицынъ 1604 р., Дм. Хрущевъ 363 р., Савва Аляховскій 364 р., Войновичи 132 р., М. Глазенапова 163 р., Ив. Гиржевъ 106 р., В. Гиржевъ 102 р., М. Желтухина 248 р., Лѣсницкіе 179 р., Д. Лѣсницкій 210 р., Лесевицкіе 111 р., М. Павловъ 107 р., Гр. Подгоричани 458 р., Осиповъ-Перекрыстовъ 271 руб.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами цифръ, сумма недоимокъ во всѣхъ уѣздахъ была очень значительная; число недоимщиковъ было вездѣ очень велико, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ огромно. Не платили и крупные, и мелкіе помѣшники; первыхъ сравнительно съ послѣдними было очень мало, но за ними числилась большая часть недоимки: въ купинскомъ уѣздѣ ихъ было всего 9 на общую цифру 108 чел., но ихъ долѣ составлялъ свыше 40% общей суммы; въ лебеднскомъ уѣздѣ 17 крупныхъ владѣльцевъ задолжали 6213 р. изъ общей суммы 8870 р., т. е. 70%; въ богодуховскомъ 14 чел. были должны 4418 р., т. е. 64%; о сумскомъ уѣздѣ мы говорили выше. Между тѣмъ многіе изъ этихъ лицъ владѣли огромнымъ количествомъ крестьянъ: у А. Комбурлей было 4729 душъ, у князя Михаила Голицына 4351, у Дубянской 1412, у Ал. Савича 1210, у Г. Кондратьева 1434, у М. Кондратьева 1359, у О. Кондратьевой—1533, у Ив. Кондратьева—1113, у кн. Юсупова—840, у Неплюева 640, у кн. Долгоруковой—1093, у Шидловской—731, у Максимовичевой—604, у О. Ицyna—1478, у Е. Неплюевой—1030, у Мамоновой—1990, у кн. Щербатовыхъ—2365, у В. Маркова—741, у Н. Кондратьева—1166, у Энгельгардта—2105, у В. Захаржевскаго—615, у Ст. Мартыновой—991, у А. Норова—620, у прот. Самборскаго—501, у Тарановыхъ—501, у В. Стремоухова—743, у В. Донецъ-Захаржевскаго—508, у Дм. Куликовскаго—637, у Ив. Данилевскаго—503 и т. п. Все это были, конечно, люди очень богатые—и уплата причитавшихся съ нихъ суммъ не могла для нихъ быть особенно обременительна. Съ сожалѣніемъ мы должны отмѣтить фактъ, что среди недоимщиковъ были и такіа лица, которые раньше относились съ особеннымъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета и предлагали ассигновать для этого по 400000, а цѣлый милліонъ; таковы были О. и Г. Квитка, Г. Шидловскій; мало того—если только насъ не обманываетъ полное тождество имени и фамиліи, то въ числѣ недоимщиковъ было и два уѣздныхъ предводителя дворянства (В. Марковъ и Ал. Савичъ). Очевидно, что при такихъ условіяхъ однихъ нравственныхъ воздѣйствій было недостаточно и явилась необходимость въ формальныхъ принудительныхъ мѣрахъ. 30 декабря 1805 г. губернское правленіе издало указъ о собраніи университетскихъ недоимокъ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ собирались казенныя повинности; съ этого момента сборъ денегъ на университетъ сталъ являть изъ себя крайне печальную картину принудительнаго акта, за исполненіемъ котораго должны были неукоснительно наблюдать предводители дворянства, комиссары, городничіе, уѣздные земскіе суды, губернское правленіе, губернаторъ.

Возникла огромная переписка на сотнях листов и все дѣло ограничивалось по большей части ордерами и отписками отъ высшаго начальства къ низшему; счета залутались; первоначальныя предположенія и раскладки оказались неподходящими для послѣдующаго времени. Уѣздные предводители должны были давать объясненія губернскому ¹⁾. 3-го марта 1806 г. харьковское губернское правленіе издало новый подтвердительный указъ. Но, несмотря на эти строге указы, по прежнему находились лица, которые прямо отказывались отъ уплаты денегъ на университетъ. Извѣстный намъ Савва Альховскій денегъ не ввозилъ, а ограничивался одними отписками, гдѣ заявлялъ, что онъ никакихъ избытковъ не имѣетъ и потому ничего платить не будетъ, тѣмъ болѣе что одна часть имѣнія его описана для продажи съ публичнаго торга, а другая берется въ опеку для удовлетворенія претевзій „соперниковъ“, „а буду ли я когда, продолжаетъ Альховскій, послѣ разореній и утѣшеній моихъ имѣть таковыя избытки, чтобъ изъ оныхъ удѣлять что либо и на университетъ, то о семъ знать уже не есть мое дѣло, но Божіе, въ рукахъ коего мой жребій, и для того, какъ прежде я не обязывался къ сему такъ не могу и нынѣ обязываться къ дачѣ таковыхъ денегъ отъ избытковъ, къ пріобрѣтенію конхъ уже силъ и способъ лишеннымъ состояю“.

Владѣлецъ с. Писаревки кн. Николай Алексѣевичъ Голицынъ, у котораго было тамъ 2584 д. крестьянъ, объявилъ черезъ своего управляющаго, что онъ жертвуетъ добровольно на университетъ 100 р. (!), но отказывается отъ взносов по раскладкѣ, такъ какъ съ одной стороны безъ именныхъ указовъ никто не имѣетъ права отягощать крестьянъ новыми податями, а съ другой онъ и его крестьяне не пользуются тѣми льготами по части винокуренія, какія имѣетъ остальное населеніе Слободско-Украинской губерніи. Но еще болѣе интересенъ письменный отзывъ „генераль-лейтенантши“ Бердяевой, составленный необыкновенно искусно, очевидно, какимъ нибудь тощимъ и опытнымъ юристомъ, воспользовавшимся всѣми данными и соображеніями для опроверженія законности приговоровъ отъ 1 сентября 1802 г. и 21 апрѣля 1803 г. Это своего рода шедевръ дворянской оппозиціи и потому мы приводимъ изъ него въ примѣчаніи нѣсколько выдержекъ ²⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, обширное объясненіе сумскаго предводителя Ал. Савича.

²⁾ Повиновеніе волѣ Монарха, писала Бердяева, я считаю своею священною обязанностью; такъ же я поступаю и въ дѣлѣ, касающемся Харьковскаго университета. Государь утвердилъ приговоръ о дворянскомъ пожертвованіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый давалъ отъ избытковъ своихъ и чтобы отъ этого отнюдь не послѣдовало новыхъ налоговъ для крестьянъ. Такимъ образомъ всю

Въ теченіи 1804 и 1805 гг. поступило денегъ отъ харьковскаго дворянства 114639 р. 70¹/₂ коп., изъ копѣхъ въ 1804 г. израсходовано было 3642 р. 35 коп., а въ 1805 г. 9539 р. 71¹/₄ коп.; главныя статьи расхода касались приобрѣтенія земель и матеріаловъ для будущихъ новыхъ зданій университета; 60000 р. было отправлено въ государственный заемный банкъ для приращенія процентами; однихъ процентовъ университетъ получилъ съ пожертвованныхъ ему дворянствомъ суммъ по 1-е января 1806 г. 2692 р. 74¹/₂ коп. Сохранилась любопытная вѣдомость о взносахъ дворянской суммы за первые четыре срока по всѣмъ уѣздамъ харьковской губ., составленная 17 ноября 1806 года. Оказывается, что за второй срокъ числилось недоимки по богодуховскому уѣзду—979 р., по сумскому—5499, по изюмскому—3629, по волчанскому—1484, по лебединскому—3860 (харьковскій, ахтырскій, змиевской, купинскій, валковскій уу. сдѣлали свои взносы), за 3-й срокъ по харьковскому—2518, богодуховскому—2708, сумскому—10761, змиевскому—1652, изюмскому—8399, купинскому—1972, валковскому—1033, волчанскому—2846, лебединскому—6892 (по ахтырскому недоимки не было); за 4-й срокъ—по харьковскому—6575 р., богодуховскому—4716, ахтырскому—5058, сумскому—11051, змиевскому 3144, изюмскому—8860, купинскому—2959, валковскому—3902, волчанскому—7121, лебединскому—8670; всего недоимки было 116288 р. Дворянство екатерино-

эту 400-тысячную сумму слѣдовало распределить сообразно съ избытками каждаго. Между тѣмъ такое распределение сдѣлали одни предводители дворянства, принявъ во вниманіе только количество крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ. Но нѣкоторые, имѣя мало крестьянъ, получаютъ много доходовъ, потому что владѣютъ большимъ количествомъ земли и угодьевъ и наоборотъ. Такъ и я имѣю мало земли и при томъ не пользуюсь правомъ свободного винокуренія, хотя крестьяне мои поселены на привилегированныхъ земляхъ; не говорю уже о томъ, что есть не мало владѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ крестьянъ, но есть земли, а они тѣмъ не менѣе освобождены отъ уплаты этого сбора. У меня, продолжала далѣе Бердяева, нѣтъ избытковъ и я по временамъ даже должна входить въ долги, чтобы какъ слѣдуетъ содержать и воспитывать своихъ дѣтей: сверхъ того меня постигли несчастія: два пожара и кража лишили меня почти всего движимаго моего имѣнія. И при всемъ томъ я жертвую на университетъ причитающіяся мнѣ за воли отъ казны деньги и сверхъ того 100 р.; больше же не могу дать безъ отягощенія крестьянъ, которое запрещаетъ дѣлать Высочайшій указъ. Я не оспариваю законности самаго постановленія 1-го сентября 1802 г. о пожертвованіи 400 т., хотя могла бы указать на то, что Государь только *разрѣшилъ* дворянскій съѣздъ; слѣдовательно, вѣхать могъ только тотъ, кто желалъ; не понятно мнѣ также и то, какъ могло состояться общее рѣшеніе о пожертвованіи, когда я вижу, что всѣ теперь не дѣлаютъ взносовъ (не говорю о себѣ: я желаю сдѣлать таковой). (Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковского университета).

славской губ. должно были взнести въ 1804 и 1805 гг. 21652 р., а доставило только 7190 р., такъ что въ недоимкѣ было 14462 р.; отъ городовъ должно было поступить 41573 р., а доставлено было 38055 р., въ недоимкѣ оставалось 3518 р. ¹⁾; отъ частныхъ благотворителей (Хорвата, Аникѣва и др.)—5000 р.; получены всѣ сполна. И такъ, дворянство, какъ харьковское, такъ и екатеринославское дѣлало свои взносы очень неисправно въ противоположность купечеству, горожанамъ и частнымъ жертвователямъ, за которыми почти не оказалось никакихъ недоимокъ.

Ассигнованная на университетъ харьковскимъ дворянствомъ сумма не поступала въ опредѣленные сроки, не смотря на строгія понужденія губернскаго начальства, которое между прочимъ предписало публиковать имена неисправныхъ плательщиковъ. Наступившая вслѣдъ затѣмъ 1-я война съ Франціей вовсе прекратила притокъ пожертвованій, какъ это официально засвидѣтельствовано тогдашнимъ губернаторомъ И. И. Бахтинымъ. „Хотя и происходили, говорить онъ, отъ губернскаго правленія понужденія, но успѣхъ во взносѣ денегъ не соотвѣтствовалъ попеченію правленія; наступившая же война съ Франціей прекратила совершенно, какъ взносъ оныхъ, такъ и понужденія о таковомъ, ибо принявъ къ соображенію моему съ одной стороны поставленіе дворянствомъ ратниковъ, снабженіе ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ, собраніе денежной суммы на жалованье милиційскимъ чиновникамъ и разныя отъ многихъ денежные пожертвованія, а съ другой пріостановленіе отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ даже постройки почтовыхъ домовъ, во уваженіе понесенныхъ дворянствомъ тягостей послѣдовавшее, я рѣшился не приступать въ разсужденіи взноса на университетъ денегъ къ понужденію, о чемъ дано отъ меня знать и г. попечителю онаго. Но нынѣ, продолжаетъ далѣе губернаторъ, когда, благодареніе Богу, уже болѣе полугода, какъ кончились осеннія дѣйствія съ Франціей, а съ тѣмъ самымъ и тягости, обременявшія вѣрныхъ сыновъ отечества, въ томъ числѣ и благородное сословіе слободско-украинской губ., и побуждаемъ будучи требованіемъ г. попечителя о приступленіи къ сбору слѣдующихъ на университетъ денегъ, къ лучшему въ томъ успѣху рѣшился обратиться къ собранію сего благороднаго сословія, надѣясь несомнѣнно, что оно, питая въ высокой степени вѣрноподданническое усердіе къ любезнѣйшему для всѣхъ сердець монарху, ревнуя о про-

¹⁾ Любопытно, что эта недоимка относилась только къ г. Харькову; маленькіе же города (Валки, Богодуховъ, Ахтырка, Сумы, Лебединъ, Зміевъ) свои взносы сдѣлали сполна; неизвѣстно было только, изъ какихъ средствъ долженъ былъ взнести свои 2000 р. г. Куянскъ.

свѣщеніи сего краі, взирая съ непріятностію на то, что единственно по невыполненію нѣкоторыми г.г. дворянами ихъ обязанности, не приступлено еще доселѣ къ устроенію виѣстилица сего просвѣщенія и поставляя за величайшій стыдъ не подкрѣпить сдѣланнаго имъ единой обѣта, Высочайшею волею утвержденнаго, употребить всевозможные способы къ убѣжденію не внесшихъ за прошедшіе сроки пожертвованныхъ на университетъ денегъ, членовъ благороднаго слободско-украинскаго дворянства, а тѣмъ паче возражающихъ противу такового взноса, и тѣмъ самымъ облегчить правительство, которое, уповаю, послѣ сего не будетъ имѣть уже нужды въ принятіи другихъ мѣръ“. Уѣздные предводители съ губернскимъ во главѣ, по согласію всего дворянства, выслушавъ въ декабрѣ 1807 года нижеприведенное письмо губернатора Бахтина, опредѣлили: „отъ лица всего дворянства представить главному начальству и просить, дабы сборъ, остающійся не во взносѣ дворянствомъ помянутой суммы, разсроченъ былъ еще на 6 лѣтъ, поелику дворяне отъ прошедшей съ Франціей войны поставкою ратниковъ, снабженіемъ ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ имъ и милиційскимъ начальникамъ и другими денежными жертвованіями, къ платежу подлежащей университету суммы находятъ себя внѣ возможности“. Губернаторъ сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе—и въ результатъ его былъ слѣдующій Высочайшій указъ (1808 г.): „въ уваженіе издержекъ, произведенныхъ дворянствомъ слободско-украинской губ. на разныя государственныя надобности въ послѣднее время, желая облегчить оное въ исполненіи сей его обязанности, я повелѣваю: 1) сумму изъ числа пожертвованной симъ дворянствомъ на Харьковскій университетъ, еще не собранную и по представленію 236465 р. 58 к. составляющую, со дня изданія указа сего разсрочить еще по равнымъ частямъ на 6 лѣтъ; 2) при столь ощутительной ко взносу сей суммы удобности, обратить наблюденіе ваше, чтобъ она впредь непременно вся сполна поступала въ назначенномъ къ каждому сроку количествѣ; 3) затѣмъ въ случаѣ невзноса сей суммы и въ сіи новые сроки, причитающіяся въ число оной деньги съ таковыхъ неисправныхъ исполнителей сей обязанности взыскивать на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ“. Ежегодно приходилось, такимъ образомъ, собирать по 39410 р. 93 к.; раскладки же суммъ по уѣздамъ должны были произвести уѣздные предводители дворянства на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. И тутъ открылись различныя затрудненія: имѣнія переходили изъ рукъ въ руки и трудно было рѣшить, кто долженъ производить уплату—прежній или новый владѣлецъ; такой споръ возникъ, напримѣръ, въ валковскомъ уѣздѣ между Вереща-

гнымъ и Ковалевскимъ. Деньги поступали очень туго: срокъ 1-го взноса окончился 25 апрѣля 1809 г., а вмѣсто должныхъ 39410 р. поступило всего 2833 р.; впрочемъ уже въ маѣ эта сумма достигла до 10845 р., въ концѣ мая было получено еще 4580 р., въ юнѣ 1590 р. По даннымъ, доставленнымъ губернатору Бахтину, оказалось, что къ этому времени сдѣлали сполна свои взносы только харьковскій и ахтырскій уѣзды, да за валковскимъ числилась небольшая недоимка (въ размѣрѣ 72 р.); остальные же уѣзды (богодуховскій, сумской, изюмскій, купянскій, волчанскій, лебединскій и змиевской) задолжали очень много; а богучарскій, острогожскій и старобѣльскій уѣзды, которые входили въ составъ воронежской губ. и раньше дѣлали взносы довольно исправно, не приносили теперь ничего. Въ виду этого губернское правленіе рѣшило принять суровыя мѣры противъ неплательщиковъ—земскимъ судамъ приказано было описывать ихъ движимое и недвижимое имущество. 17 декабря 1809 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе на имя губернатора Бахтина: „разсмотрѣвъ, говорится тутъ, представленіе ваше къ министру внутреннихъ дѣлъ о невзносѣ многими помѣщиками слободско-украинской губерніи за учиненною даже разсрочкою суммы, которую они въ 1803 г. добровольно пожертвовали на Харьковскій университетъ, я въ разсужденіе онаго повелѣваю: 1) имѣнія тѣхъ изъ нихъ, кои по раскладкѣ, дворянскими предводителями сдѣланной, не внесли доселѣ слѣдующихъ съ нихъ на сей предметъ по разсрочкѣ денегъ, взять въ опеку; 2) изъ числа доходовъ, съ оныхъ получаемыхъ, обращать въ уплату сего долга столько, сколько по раскладкѣ въ теченіе 6 лѣтъ причитаться будетъ; 3) если кто изъ помѣщиковъ до истеченія сего срока заплотитъ всю сумму, какую онъ добровольно обѣщался внести на содержаніе университета, таковое имѣніе исключить немедленно изъ вѣдомства опеки“ ¹⁾.

Къ такой мѣрѣ принужденъ былъ прибѣгнуть монархъ, такъ заботившійся постоянно о томъ, чтобы только добрая воля и усердіе къ общему благу руководили жертвователями! Немедленно послѣ этого указа сборы стали поступать въ университетъ, но вскорѣ опять понадобились мѣстные предписанія. Сохранилась любопытная вѣдомость, заключающая въ себѣ перечень всѣхъ этихъ понужденій и отписокъ—она занимаетъ 12 листовъ большого формата ²⁾. Въ 1815 году окончился и новый предѣльный срокъ для взносовъ харьковского дворянства,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

²⁾ Ibidem, стр. 179—190.

а между тѣмъ по вѣдомости 1817 г. оказывается, что за нимъ числилось 130412 руб. (всего уплачено было имъ 269587 р. съ коп., а въ новый срокъ только 106053 р.); за екатеринославскимъ дворянствомъ числилось долга 49642 р. съ коп. (а внесено было 58618 р.), за херсонскимъ 26754 р. (а внесено 13745 р.); за купечествомъ и городами 28010 р. (а внесено 43733 р.). 2 года спустя (къ 1-му января 1819 г.) состояніе недоимокъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: за харьковскимъ дворянствомъ числилось 118971 руб., за екатеринославскимъ 49642 р. (столько, сколько и раньше); за херсонскимъ 24488 р., за городами и купечествомъ 33010 р. (недоимка увеличилась, потому что нѣкоторые города должны были вносить постоянную ежегодную сумму, которой теперь не уплачивали).

Къ 1-му января 1822 г. въ этихъ суммахъ произошли слѣдующія измѣненія: за харьковскимъ дворянствомъ считалось долга 105032 р. за екатеринославскимъ 37920, за херсонскимъ 24488 (какъ и прежде), за городами и купечествомъ 41304 р. (прибавилось около 9 т. за 3 года, протекшіе съ 1819 по 1822 годъ). Всего при губернскомъ предводителѣ дворянства Донцѣ-Захаржевскомъ собрано было изъ 400000 р. 163534 р., а при его преемникѣ А. О. Квиткѣ 117509 р. (по 1819 годъ). Затрудненія и проволочки при сборахъ вызывались между прочимъ разными случайными обстоятельствами, напр., необходимою переводить ассигнаціи на серебро, при чемъ за 4 р. ассигнацій по курсу давали 1 р. сер.; уѣздные предводители не могли иногда дать отвѣта, какія суммы были собраны ихъ предмѣстниками и обращались за разъясненіями къ губернскому предводителю; деньги взыскивались земскими уѣздными судами; счета университетскаго правленія и уѣздныхъ предводителей не сходились; нѣкоторые желали „подойти подъ Высочайшій манифестъ“, ссылались на давность (напр., богатый харьковскій купецъ Карповъ, указывавшій на свое разореніе во время отечественной войны, что не подтвердилось).

Въ 1825 году недоимка харьковского дворянства сократилась до 80 т. рублей и тогда же это послѣднее рѣшило обратить ее на проектировавшійся въ Харьковѣ кадетскій корпусъ. Мысль о кадетскомъ корпусѣ принадлежала пользующемуся столь печальною извѣстностью графу Аракчееву—и онъ же всячески поддерживалъ идею о передачѣ 80 т. недоимки въ пользу этого новаго военного учебнаго заведенія ¹⁾. Но

¹⁾ Вотъ его подлинное мнѣніе по этому поводу: „дворянство Слободско-Украинской губ., сдѣлавшее большія пожертвованія въ пользу воспитательныхъ заведеній къ сей губерніи, разсуждало: какія изъ нихъ достигли предположенной цѣли и

его проект встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны тогдашняго попечителя харьковскаго учебнаго округа, который представилъ ихъ министру народнаго просвѣщенія и просилъ его дать рѣшительный ходъ дѣлу о дворянской недоимкѣ и представить его Государю ²⁾).

какія имѣютъ еще нужду въ усиленіи предоставленныхъ имъ способовъ. Въ особенности оно обратило вниманіе на Харьковскій университетъ и вновь учреждаемый харьковскій кадетскій корпусъ. Оно нашло, что университетъ, съ Божіею помощью, уже устроенъ и совершенно обезпеченъ въ его существованіи, напротивъ того кадетскій корпусъ требуетъ еще многихъ пособій. И желая видѣть всѣ свои заведенія въ свойственномъ имъ устройствѣ, общимъ приговоромъ поручило губернскому своему предводителю ходатайствовать о Монаршемъ соизволеніи, чтобы та сумма изъ числа 400 т. руб., на университетъ въ 1801 г. пожертвованныхъ дворянствомъ, которая до нынѣ не внесена и составляетъ ок. 80 т. р., обращена была въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса. И губернскій предводитель дворянства вошелъ ко мнѣ о семъ съ представленіемъ. Находя, что для первоначальныхъ издержекъ на устройство харьковскаго кадетскаго корпуса, когда должно строить предназначенныя для помѣщенія его зданія и заводить классныя и другія потребности, дѣйствительно нужны ему еще значительныя пособія, независимо отъ ежегоднаго сбора по 10 коп. съ души, которымъ обезпечено будущее его существованіе и пріемъ во уваженіе съ одной стороны, что дворянство, проси объ обращеніи въ пользу кадетскаго корпуса части суммы, имъ же на университетъ пожертвованной, ни мало не сокращаетъ тѣмъ своего пожертвованія, но желаетъ только употребить оное съ большею пользою, съ другой, что сія сумма остается еще не внесенною, слѣдовательно, если поступить противу желанія дворянства, то легко можетъ случиться, что она и совсѣмъ внесена не будетъ; я сносился по сему предмету съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Онъ отвѣчалъ мнѣ отъ 20 января № 166, что не можетъ согласиться на отчисленіе отъ университета въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса предлагаемой дворянствомъ суммы, говоря, что хотя университетъ уже устроенъ и довольно обезпеченъ въ его существованіи, по все еще имѣетъ нужду въ денежныхъ пособіяхъ. Заключаетъ, наконецъ, что нынѣшнее дворянство, по его мнѣнію, не имѣетъ и права входить въ распоряженіе суммъ, за 25 лѣтъ предъ симъ пожертвованныхъ университету, ибо въ то время сословіе дворянъ состояло изъ другихъ лицъ.

Я позволяю себѣ мыслить, что послѣдній доводъ не убѣдителенъ. Нельзя отвергать права нынѣшняго дворянства располагать пожертвованною, хотя бы то было и за 25 лѣтъ, суммою, ибо отвергъ сіе право дворянства, надобно отвергнуть и его обязанность внести теперь сію сумму. Но когда дворянство, давая охотно нынѣ сдѣланное имъ пожертвованіе, желаетъ обратить его на другое въ томъ же смыслѣ заведеніе, имѣющее по новости болѣе нужды въ денежныхъ пособіяхъ, то, кажется, самая справедливость требуетъ уважить просьбу его. Графъ Аракчеевъ“.

2) Вотъ его текстъ: „дворянство слободско-украинской губерніи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., рѣшившись пожертвовать въ пользу Харьковскаго университета 400 т. р., опредѣлило внести оныя въ 6 сроковъ, начиная съ 1-го сент. 1802 г. по 1-е сент. 1808 г., въ каждый годъ по равному количеству. Добровольное по-

Министръ народнаго просвѣщенія внесъ это дѣло въ комитетъ министровъ и постановленіе его было Высочайше подтверждено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 19 іюня 1826 г. Любопытно, что комитетъ министровъ проектировалъ сдѣлать выговоръ уѣзднымъ предводителямъ, предложившимъ внести эти 80 т. въ пользу кадетскаго корпуса, но Государь опредѣлилъ выговора не дѣлать, а предписать „рѣши-

жертваніе сіе удостоилось Высочайшаго государя императора утвержденія и за оное объявлена дворянству особая признательность, означенная сумма въ положенный срокъ не была внесена и потому 1808 г. апрѣля 25 послѣдовало Высочайшее повелѣніе, за собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ, о разсрочкѣ сей суммы еще на 6 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ невзноза оной и въ сіи новые сроки остающіяся „въ недоимкѣ деньги взыскиваемы были съ кого слѣдуетъ на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ“. Послѣ же и за сѣмъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ слободско-украинское дворянство не приступило къ точному исполненію сдѣланнаго имъ въ 1802 г. постановленія, то 17 дек. 1809 г. вторичнымъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно было „взыскивать сумму сію посредствомъ отбирания въ опеку имѣній несправныхъ плательщиковъ“.

Не смотря однако на сіи Высочайшія повелѣнія, а равно и на то, что объявленная дворянству Всемилостивѣйшая признательность долженствовала бы послужить оному еще сильнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію священной обязанности, добровольно имъ на себя принятой, университетъ не получилъ принадлежащей ему суммы и до сего времени. Такимъ образомъ, по прошествіи 24 лѣтъ послѣ сдѣланнаго дворянствомъ пожертвованія и по истеченіи 15 лѣтъ послѣ двухъ Имянныхъ Высочайшихъ указовъ остается еще въ недоимкѣ 80 т. р.

За таковое неисполненіе Монаршихъ повелѣній дворянство по всей справедливости долженствовало бы подвергнуться отвѣтственности предъ закономъ и одному только снисхожденію правительства приписать должно, что оно до сего времени избѣжало праведнаго взысканія, ибо довольно одного поверхностнаго взгляда на сіе дѣло, чтобы ясно увидѣть: можетъ ли быть позволено, предъ лицомъ всей Россіи, всеподданѣйше представить Государю Императору пожертвованіе, получить за оное признательность Его Величества и потомъ не выполнить обязанности своей въ теченіе цѣлой четверти вѣка, не взирая на неоднократныя Имянныя Высочайшія повелѣнія. Послѣ сего совершенно непонятнымъ покажется, какъ могло дворянство приступить къ составленію приговора о принесеніи въ даръ кадетскому корпусу суммы, по всей справедливости составляющей не оспоримую собственность университета? Уже странно даже и то, что оно присвоило себѣ право входить въ разсужденіе, имѣетъ ли нужду въ деньгахъ университетъ, котораго потребности не могутъ быть ему извѣстны. Названіе *Харьковскій*, сему университету данное, никакъ не поставляетъ его въ зависимость отъ тамошняго дворянства и потому онъ столько же мало подлежитъ разбирательству оного, сколько петербургскій—дворянству петербургскому или московскій—московскому.

Если законы даже въ частныхъ дѣлахъ запрещаютъ дарителю входить въ распоряженіе предметовъ, имъ однажды подаренныхъ, то тѣмъ менѣе можно допустить таковое неумѣстное вмѣшательство въ дѣла, до казенныхъ заведеній касающіяся. Въ Россіи не одно слободско-украинское дворянство отличилось и отличается пожертвованіями на пользу общую. Не трудно представить примѣры

тельно, чтобы недоимочная сумма внесена была въ университетъ непременно къ 1-му октября текущаго 1826 г.". Еще въ 1825 г., по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ рѣшилъ, по случаю жестокой зимы, постигшей въ 1824 г. Новороссійскій край, разсрочить тамошнему дворянству недоимку на 6 лѣтъ, начиная съ 1826 г. (т. е. до 1833 г.). Указъ 1826 г. возымѣлъ свое дѣйствіе. Наибольшею задолженностью отличался сумской уѣздъ и въ особенности его крупныя помѣщики: такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1826 г. здѣсь были должны: тайн. сов. кн. Голицынъ 8165 р., Ив. Кондратьевъ 1401 р., тайн. сов. Анна Комбурлѣва 4414 р., Г. Кондратьевъ 1415 р., полк. Кондратьева 1169 р., ген. провіантмейстеръ Мих. Кондратьевъ 1665 р., Ал. Савичъ 1119 р., А. Хруцова 1116 р.; за ними числилось всего 10887 р., т. е. 67⁰/₁₀ всей недоимки; а къ ноябрю 1826 г. осталось только 1415 р. Къ 1-му января 1827 г. считалось—за харьковскимъ дворянствомъ 11412 р., екатеринославскимъ 11656 р., херсонскимъ 21750 р., за городами и кунечествомъ 43039 р. (больше всего за Ахтыркой—8000 р., Валками—11000 р. и Богодуховомъ—9000 р.).

Если для кого уплата была дѣйствительно очень обременительна, то именно для такихъ маленькихъ городовъ, какъ Ахтырка, Богодуховъ и Валки. Они первоначально наложили на себя непосильное обязательство: въ то время какъ всѣ другіе ограничили себя уплатою *опре-*

несравненно значительнѣйшихъ общепользныхъ пожертвованій, которыя предъ харьковскимъ имѣютъ еще и то преимущество, что они выполнены. И однакожъ доселѣ никогда и никому не приходило на мысль, представивъ однажды Государю Императору пожертвованіе, располагать онымъ въ послѣдствіи какъ своею собственностью. Допустивъ, что нынѣшнее слободско-украинское дворянство имѣетъ право распоряжаться суммою, въ 1802 г. на Имп. Харьк. университетъ пожертвованною и въ силу Имянныхъ Высочайшихъ повелѣній на сей предметъ взыскиваемой, надлежитъ также допустить, что, напримѣръ, и наслѣдники д. стат. сов. Демидова, пожертвовавшаго столь значительныя суммы и имѣнія Московскому университету, могутъ входить теперь въ распоряженіе оными. Такое предположеніе разрушило бы большую часть отечественныхъ заведеній нашихъ и можно ли было бы тогда отвѣчать даже и за то, чтобы слободско-украинское дворянство въ послѣдствіи времени не сочло нужнымъ сдѣлать иное употребленіе и изъ той суммы, какую нынѣ предназначило оно вносить въ пользу харьковского кадетскаго корпуса?

Показавъ такимъ образомъ совершенную несообразность предположенія слободско-украинскаго дворянства съ существующимъ порядкомъ дѣлъ въ благоустроенномъ государствѣ, я долгомъ почитаю въ заключеніе сего замѣтить, что Харьковскій университетъ столь далеко отъ предполагаемаго вышеупомянутымъ дворянствомъ совершенства, что не только не можетъ безъ явнаго для себя вреда лишиться 80 т. руб., въ долгу на ономъ дворянствѣ считающихся, но безъ Монаршихъ щедротъ уже не можетъ быть приведенъ въ окончательное устройство.

должнаго взноса до извѣстнаго момента, эти послѣдніе согласились давать по 1000 р. ежегодно *безсрочно*; ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ они должны были входить все въ большіе и большіе долги. И вотъ валковская, ахтырская и богодуховская думы объясняютъ губернатору, что дѣлать своихъ взносовъ онѣ не въ состояніи, потому что не только никакихъ остатковъ отъ винной суммы у нихъ не имѣется, но ея даже не стаетъ на текущіе расходы. Губернаторъ рѣшилъ было употребить суровыя мѣры—предписалъ этимъ городамъ или сдѣлать новыя раскладки, или же прибѣгнуть къ займу въ приказѣ общественнаго призрѣнія; но они, очевидно, ходатайствовали о сложеніи недоимокъ и въ 1828 г. состоялся Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: 1) „недоимку по г. Харькову, яко безнадежную къ удовлетворенію за прошедшее время, сложить, а на будущее время по опредѣленіи и уравниеніи доходовъ и расходовъ сего города назначить нѣкоторую сумму изъ доходовъ сего города въ пособіе университету; 2) что касается до гг. Валокъ, Богодухова и Ахтырки, то не требовать отъ оныхъ ни недоимки, ни взноса какой либо части въ пользу университета, пока доходы сихъ городовъ увеличатся и вмѣстѣ съ расходами получать правильное образованіе“. Этимъ Высочайшимъ указомъ свимался долгъ съ г. Харькова въ размѣрѣ 4 т. сер. и половина откупной суммы за 17 лѣтъ неизвѣстнаго размѣра, съ Валокъ 11 т., съ Богодухова 9 т., съ Ахтырки 18 т.

О прощеніи недоимки дворянству мы свѣдѣній не имѣемъ: суди по тому, что за харьковскими дворянами числился ничтожный долгъ (нѣсколько болѣе 10 т.) и что екатеринославскому и херсонскому ихъ сумма была разсрочена на 6 лѣтъ, можно предполагать, что тѣ и другіе, хотя и поздно, но исполнили свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили судьбу пожертвованій и можемъ сказать то, что не было извѣстно прежнимъ историкамъ Харьковскаго университета—въ какой мѣрѣ *жертвователи выполняли свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ*. Харьковское дворянство ассигновало 400 т. руб.—внесло почти столько же (во всякомъ случаѣ не менѣе 390 т.); екатеринославское опредѣлило 108260 р. съ коп.—внесло, нужно думать, почти всю сумму (во всякомъ случаѣ отнюдь не менѣе 80 т.); херсонское—40500 р.—внесло, вѣроятно, почти всѣ деньги (но никакъ не менѣе 20 т.); кунечество и города, по приблизительному расчету, должны были дать 90—100 т. р. (въ томъ числѣ г. Харьковъ 50—70 т. р., а остальные города около 40 т.), а дали болѣе 44 т. рублей; частныя лица дали обязательствъ на 9650 р.;—и вся эта сумма

отъ нихъ была получена сполна. И такъ, Харьковскій университетъ *собралъ* отъ 540 до 600 т. рублей, т. е. почти всѣ денежные общіянія были выполнены жертвователями. На собранныя деньги предполагалось построить новыя зданія для Харьковскаго университета и къ вопросу о проэктахъ постройки ихъ мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи; теперь же оглянемся назадъ и подведемъ итоги тому, что сдѣлалъ для учрежденія въ Харьковѣ университета каждый изъ тѣхъ дѣятелей, о которыхъ намъ приходилось говорить выше.

Подробно и документально разсказанная нами исторія основанія Харьковскаго университета должна, надѣмся, окончательно убѣдить всякаго, что истиннымъ виновникомъ его учрежденія былъ В. Н. Каразинъ. Ему принадлежитъ первая мысль объ университетѣ; онъ же склонилъ къ этой мысли и мѣстное дворянство, которое положило было устроить въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и для этой цѣли сдѣлало уже довольно крупный взносъ. Еще важнѣе было пожертвованіе со стороны харьковскаго дворянства 400 т. на университетъ; а это пожертвованіе было вызвано „предначертаніемъ“ В. Н. Каразина и въ особенности его пылкою, горячею рѣчью въ дворянскомъ собраніи. Когда г. Харьковъ украсится памятникомъ Каразина (а это должно случиться скоро: денегъ собрано уже довольно много), то желательно, что бы имъ запечатлѣнъ былъ именно этотъ „историческій“ моментъ— В. Н. Каразинъ, стоя въ энергической позѣ, съ протянутой правой рукой, говоритъ свою знаменательную рѣчь, которая рѣшила судьбу дѣла, судьбу просвѣщенія въ „полуденной“ Россіи. Да и другія пожертвованія (купчества и гражданъ, екатеринославскаго дворянства, Хорвата) получены были благодаря энергіи и вліянію В. Н. Каразина; мало того: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы онъ оставался у дѣлъ, то количество пожертвованій было бы еще болѣе значительно. У него былъ особый *талантъ* привлекать къ общественному дѣлу людей и средства. Огромное значеніе имѣлъ его горячій темпераментъ, кипучая, неутомимая энергія, глубокая, какая то восторженная, не знающая развѣдающаго скептицизма, вѣра въ свое начинаніе. Онъ, можно сказать, заражалъ этой вѣрой, этимъ энтузіазмомъ болѣе холодныхъ, болѣе инертныхъ или недовѣрчивыхъ; его повышенное настроеніе не могло не передаваться другимъ: оно дѣйствовало возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ. И онъ, этотъ теоретикъ, только воображавшій себя глубокимъ практикомъ, увлекаясь извѣстной идеей и страстно желая провести ее въ жизнь, подобно опытнымъ практикамъ умѣлъ находить себѣ адептовъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества. Эти адепты, эти помощники, эти сотрудники могли

оказаться (и дѣйствительно оказывался) практичнѣе его, могли подчасъ лучше его выполнить пзвѣстные частности, но это нисколько не уменьшаетъ заслугъ инициатора и руководителя предпріятія. А такимъ именно инициаторомъ и руководителемъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета былъ В. Н. Каразинъ. Онъ зналъ, какъ дѣйствовать на разныхъ лицъ, чтобы заставить ихъ сдѣлать что нибудь для университета и пользовался для этого такими слабостями ихъ, какъ самолюбіе и честолюбіе, которыя, какъ извѣстно, въ общественной дѣятельности играютъ очень важную роль; съ другой стороны, входя самъ въ составъ наиболѣе передового и просвѣщеннаго литературнаго кружка А. Палицына, онъ сумѣлъ найти себѣ безкорыстныхъ помощниковъ въ средѣ харьковскаго дворянства, сумѣлъ привлечь къ университетскому дѣлу и губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, который вносльдствіи долженъ былъ претерпѣть такъ много непріятностей и огорченій при сборѣ пожертвованій, и губернатора Ивана Ивановича Бахтина, имя котораго съ признательностью должно быть упомянуто, какъ просвѣщеннаго покровителя Харьковскаго университета. Весьма полезны были также для университетскаго дѣла въ городской средѣ пріятель Василія Назарьевича городской голова Е. Е. Урюпинъ и въ духовной—священникъ о. Вас. Фотіевъ. Однимъ словомъ, ему удалось привлечь на свою сторону наиболѣе выдающихся и популярныхъ дѣятелей во всѣхъ сословіяхъ. На многихъ, конечно, дѣйствовали не столько его личныя свойства (умъ, знанія, энергія), сколько его видное положеніе въ Петербургѣ, какъ довѣренной особы Императора Александра, и опъ весьма умѣло пользовался этимъ положеніемъ чтобы сдѣлать все возможное въ интересахъ своего любимаго дѣтища, Харьковскаго университета; въ особенности какъ нельзя болѣе кстати оказалось его общественное положеніе, когда дѣло перешло въ Петербургъ съ его многочисленными канцеляріями и формальною перепискою. Тамъ, въ Петербургѣ, В. Н. Каразинъ своими постоянными настойчивыми представленіями добился, наконецъ, того, что дѣло Харьковскаго университета благополучно прошло черезъ всѣ эти официальные мытарства, хотя при этомъ онъ дѣйствовалъ такъ прямо, настойчиво и часто рѣзко, что вооружилъ противъ себя почти всѣхъ, власть имѣвшихъ, и такъ какъ при этомъ онъ раньше еще потерялъ личное расположеніе Государя, то его дѣятельность на пользу университета и должна была прекратиться для него весьма печально. Но, работая на пользу университета въ официальныхъ сферахъ, В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, не мало потрудился и для *самаго устройства университета*—ѣздилъ въ Харьковъ, былъ одно время тамъ единственнымъ распорядителемъ дѣла, вникалъ

во всѣ мелочи, распоряжался всѣми суммами, то же дѣлалъ и въ Петербургѣ (покупалъ и отправлялъ книги, типографскія принадлежности, эстампы, договаривалъ ремесленниковъ). Тутъ В. Н. Каразинъ проявилъ также не мало заботливости и энергіи; но такъ какъ онъ не отличался практичностью, то естественно, что въ этомъ отношеніи онъ уступалъ такимъ дѣателямъ, какъ Тимковскій, Рижскій; здѣсь онъ сдѣлалъ, м. б., и нѣкоторые промахи, хотя, какъ мы видѣли, его отнюдь нельзя обвинять за дѣло объ эстампахъ и художникахъ въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ Н. А. Лавровскій; Василій Назарьевичъ преувеличилъ размѣры тогдашнихъ потребностей, не взвѣсилъ ихъ со средствами, но дѣйствовалъ все таки въ интересахъ дѣла, какъ они представлялись ему въ то время, т. е. поступалъ такъ, какъ честный общественный дѣатель. Указывали на запутанность его счетовъ, но мы привели выше объясненіе самаго В. Н. Каразина по этому поводу—и его нельзя не признать совершенно основательнымъ; не забудемъ при этомъ, что онъ истратилъ массу своихъ собственныхъ денегъ на университетъ, перѣдко прибѣгалъ для этого даже къ займамъ, которые привели въ концѣ концовъ въ полное разстройство его личное состояніе. И въ то время когда многіе очень богатые люди уклонились отъ взносовъ въ пользу университета, В. Н. Каразинъ еще въ маѣ 1804 г. внесъ впередъ всю ту сумму (1000 р.), которая причиталась съ его имѣнія и деревни его роднаго брата.

Конечно, ему было тяжело невольное отчужденіе отъ Харьковскаго университета, который онъ справедливо считалъ своимъ дѣтищемъ, и это тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ живую потребность въ общеніи съ ученою университетскою средою (извѣстны его доклады обществу испытателей природы при *московскомъ* университетѣ). Въ первые годы существованія университета отношенія Каразина къ профессорской коллегіи Харьковскаго университета были повидимому натянутыя; но впоследствии университетъ двукратно проявилъ—и при томъ весьма осязательно—свое глубокое уваженіе и благодарныя чувства къ истинному виновнику своего бытія: я имѣю въ виду выборъ Василія Назарьевича въ почетные члены университета и денежный подарокъ ему отъ профессоровъ. Выборъ въ почетные члены состоялся въ 1811 г. и сопровождался слѣдующей замѣчательною мотивировкой: „*ad hunc virum eligendum Senatus (т. е. Совѣтъ), praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviensis constituta*“. Въ 1833 г. въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго положенія В. Н. Каразина профессора собрали между собой и внесли

за него 1280 р. долга „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета“...; то же сдѣлало (и съ такою же мотивировкою) городское общество. „Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и понашедшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личные дѣла, въ критическое положеніе“¹⁾.

На второмъ мѣстѣ вслѣдъ за В. Н. Каразинымъ мы ставимъ проф. И. О. Тимковского. Это былъ чрезвычайно полезный практическій дѣятель по части устроенія университета, заботливый, свѣдущій, добросовѣстный хозяинъ, выкапшій во всѣ мелочи, спокойно, ровно, безъ скачковъ дѣлавшій свое нелегкое дѣло. Онъ, какъ мы видѣли, замѣнилъ В. Н. Каразина въ Харьковѣ и до открытія дѣйствій Комитета единолично принималъ всѣ подготовительныя мѣры къ скорѣйшему открытію университета. Авторъ спеціальнаго монографія о Тимковскомъ г. Шугуровъ пѣсколько преувеличилъ его роль въ дѣлѣ первоначальнаго устройства Харьковскаго университета и мы должны были для восстановленія исторической перспективы сдѣлать нѣкоторые ограниченія. Н. А. Лавровскій слишкомъ много приписалъ Каразину, г. Шугуровъ—Тимковскому, а истина лежитъ по срединѣ. По характеру своему Тимковский представляетъ полную противоположность Каразину. В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, былъ человѣкъ болѣе творческой мысли, чѣмъ практическаго дѣла. Онъ могъ подвинуть другихъ преодолѣть косность, онъ и самъ двигалъ общее теченіе предпріятія, но на маленькія дѣла его не ставало: у него не было дѣловитости, такта, выдержки; а все это мы находимъ у Тимковского, который прекрасно понималъ свойства характера Каразина и старался сдерживать его порывы, какъ это можно было видѣть въ приведенномъ нами письмѣ его къ Каразину. Не дѣлаемъ здѣсь оцѣнки Тимковского, какъ педагога, какъ визитатора училищъ: тутъ онъ по справедливости долженъ занять первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ дѣятелей. (Этой стороны его дѣятельности мы коснемся впослѣдствіи).

Попечитель харьковскаго учебнаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій въ дѣлѣ основанія и первоначальнаго устройства Харьковскаго университета сдѣлалъ меньше другихъ по той причинѣ, что почти все это время проживалъ за границей, и округомъ управлялъ отъ его имени петербургскій попечитель Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

¹⁾ См. мою рѣчь „Просвѣтителная дѣятельность В. Н. Каразина“, стр. 12—13.

Но и проживая за границей, Потоцкій, какъ мы видѣли, заботился о ввѣренномъ ему университетѣ.

Особенное вниманіе онъ обращалъ на приглашеніе преподавателей въ Харьковскій университетъ; почти всѣ они, какъ мы видѣли, были приглашены лично имъ; и его выборъ въ общемъ нельзя не признать весьма удачнымъ; такія лица, какъ Рижскій, Осиповскій, Тимковскій, Стойковичъ, Шадъ, Гизе, Рейтъ, были настоящимъ приобрѣтеніемъ для Харьковского университета, да и другіе оказались впоследствии полезными дѣятелями (напримѣръ, Делявинъ и др.). Не мало заботился С. О. Потоцкій также и о заведеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений въ университетѣ—ботаническаго сада, нумизматическаго кабинета, куда онъ самъ внесъ цѣнное пожертвованіе. Наконецъ, б. м., исключительно личному авторитету и такту Потоцкаго, университетъ обязанъ тѣмъ земельнымъ участкомъ, который былъ подаренъ ему харьковскими войсковыми обывателями и составляетъ въ настоящее время его основной земельный фондъ. Потоцкій рассчитывалъ на этомъ мѣстѣ строить новыя зданія для университета—и его выборъ нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе на постъ попечителя такого сановнаго, родовитаго вельможи, съ независимыми средствами и убѣжденіями, какъ Потоцкій, имѣло огромное значеніе для вновь учреждаемаго университета—оно возвышало его въ глазахъ начальства и всего мѣстнаго общества. Потоцкій, какъ мы видѣли, относился съ полнымъ довѣріемъ къ В. Н. Каразину и только въ самое послѣднее время, видя злополучный исходъ дѣла о художникахъ, отступился отъ него, чтобы не дѣлать непріятности министру; тутъ оказалось у него больше служебнаго расчета, чѣмъ можно было ожидать по его обычному образу дѣйствій.

Н. Н. Новосильцевъ добросовѣстно выполнялъ свою добавочную должность попечителя харьковского округа, на сколько ему позволяли это его сложныя петербургскія обязанности. Само собою разумѣется, что онъ не могъ лично побывать ни разу въ Харьковѣ и поэтому долженъ былъ пользоваться исключительно свѣдѣніями, сообщаемыми ему мѣстными дѣятелями; отъ этого, естественно, происходила нѣкоторая медленность въ теченіи дѣлъ, тѣмъ болѣе что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на временнаго замѣстителя Потоцкаго, и потому не могъ быть особенно рѣшителенъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Къ В. Н. Каразину онъ первоначально относился очень хорошо, но въ концѣ концовъ обидѣлся на него за непослушаніе въ дѣлѣ художниковъ, пожаловался на него министру—въ результатѣ явилось устраненіе Василія Назарьевича отъ университетскихъ дѣлъ. Изъ другихъ петербургскихъ дѣятелей, министръ вну-

треннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ устройству въ Харьковѣ университета, а министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, въ силу недружелюбныхъ своихъ отношеній къ В. Н. Каразину, не высказывалъ особеннаго сочувствія къ этому дѣлу; впрочемъ это относится только къ тому времени, когда въ главѣ дѣла стоялъ В. Н. Каразинъ, слишкомъ рѣзко выступившій противъ него въ своихъ жалобахъ государю. Въ 1804 г., когда былъ образованъ Комитетъ, приготовленія къ открытію университета пошли успѣшнѣе: и это понятно: та дѣятельность, которая лежала прежде на одномъ Тимковскомъ, теперь была распредѣлена между нѣсколькими лицами—Рижскимъ, Тимковскимъ, Осиповскимъ, Делявинымъ, при чемъ руководящую роль въ Комитетѣ по части устройства университета пріялъ на себя Рижскій, Тимковскій взялъ на себя ревизію училищъ и т. д. Рижскій былъ прекрасный администраторъ, заботливо вникавшій и въ хозяйственную, и въ учебную часть дѣла, и имя его съ благодарностью должно быть упомянуто историкомъ рядомъ съ именами Каразина, Потоцкаго, Тимковскаго. Заслуживаетъ признательности и дѣятельность Осиповскаго и Делявина, также входившихъ въ составъ Комитета и трудившихся на пользу университета еще до официального открытія его.

Теперь мы подошли къ самому послѣднему моменту въ нашемъ повѣствованіи—разсказу объ открытіи Харьковскаго университета.

Наконецъ, наступилъ и давно желанный день открытія Харьковскаго университета 17-е января 1805 г. ¹⁾.

Семнадцатое января должно по справедливости считаться *историческимъ* для Харькова. Въ этотъ день, послѣ долгихъ хлопотъ, ожиданій, перипетій и приготовленій состоялось, наконецъ, открытіе университета. Мысль объ учрежденіи университета зародилась въ головѣ незабвеннаго Вас. Наз. Каразина еще въ началѣ 1802 г. Пылкій, увлекающійся Василій Назарьевичъ предполагалъ, что университетъ будетъ открытъ въ 1803 г. и тогда же, явившись въ Харьковъ, какъ

¹⁾ Настоящее описаніе открытія университета основано на слѣдующихъ первоисточникахъ:

1) неизданныхъ „Исторіи дѣлъ“ и „Церемоніалъ“ (Харьковскій университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя по архиву № 68, по картону № 5);

2) на печатномъ официальномъ описаніи его открытія (С.-Петербургскія Вѣдомости 1805 г., № 13; мы пользовались ими въ библіотекѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ);

3) на подлинныхъ рѣчахъ еп. Христофора Сулимы (за сообщеніе полнаго списка этого „слова“ приносимъ искреннюю благодарность протоіерею о. Ник. Лашенку), попечителя Потскаго, проф. Рижскаго и Белленъ-де-Баллю.

мы знаемъ, велѣлъ прибить къ одному изъ университетскихъ домовъ доску съ нѣскольکو преждевременной надписью: „Государственный университетъ“. Но прошелъ и 1803 и 1804 годъ; Каразинъ долженъ былъ отказаться отъ веденія университетскаго дѣла; дарованъ былъ и уставъ Харьковскому университету; опредѣлены для него штаты; назначены многіе профессора и попечитель округа; приготовлено помѣщеніе; собраны слушатели; — а *фактическое* открытіе университета все откладывалось и откладывалось; назначался одинъ срокъ — и смѣнялся другимъ: то губернаторъ (И. И. Бахтинъ) и дворянство должны были заняться рекрутскимъ наборомъ, то поджидали пріѣзда попечителя, то, наконецъ, никакъ не могли получить желанной грамоты и университетскаго устава. Первоначально рѣшено было открыть университетъ 30 августа или 15 сентября 1804 г., но на самомъ дѣлѣ открытіе совершилось только 17 января 1805 г., будучи пріурочено къ съѣзду харьковскихъ дворянъ на выборы.

Весь Харьковъ давно уже ждалъ этого своего свѣтлаго праздника. Это не было обыкновенное официальное открытіе новаго учебнаго заведенія. Это былъ настоящій „праздникъ просвѣщенія“ для города, для всей Украины и даже для „полуденнаго“ края Россіи. Въ учрежденіи Харьковскаго университета принимали матеріальное и нравственное участіе всѣ слои мѣстнаго общества — дворянство, купечество, мѣщане и войсковые обыватели; примѣръ ихъ подвинулъ и сосѣднія губерніи; примѣру обществъ послѣдовали и частныя лица. Мысль о необходимости учрежденія разсадника высшаго просвѣщенія въ краѣ ясно сознавалась всѣми. Всѣ были проникнуты ею и всѣ страстно желали ея скорѣйшаго осуществленія. Таково было *настроеніе* свѣтскаго общества. Мѣстное *духовенство* съ своей стороны встрѣчало чрезвычайно дружелюбно новую высшую свѣтскую школу. Въ лицѣ двухъ наиболѣе видныхъ представителей своихъ — Харьковскаго епископа, Христофора Сулимы и ректора Харьковскаго коллегіума, протоіерея о. Андрея Прокоповича, — оно наглядно показало сочувствіе свое повому просвѣтительному учрежденію въ краѣ. И тотъ, и другой произнесли въ день открытія университета съ церковной кафедры рѣчи, которыя мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; въ нихъ они привѣтствовали свѣтскую науку и просвѣщеніе, такъ что, по счастливому выраженію проф. А. С. Лебедева, „представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку“. Нужно замѣтить, что преосвященный Христофоръ Сулима раньше никогда не говорилъ въ Харьковѣ пропо-

вѣдѣй и нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая—и это само по себѣ уже должно было произвести сильное впечатлѣніе на харьковцевъ; знаемъ также, что и еще одинъ мѣстный духовный дѣятель, пользовавшійся огромною популярностію въ Харьковѣ, священникъ о. В. Фотіевъ принималъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устройствѣ университета и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. Н. Каразина. Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что торжество открытія Харьковскаго университета должно было отличаться характеромъ полного единодушія и живой, искренней радости; тутъ не было мѣста ни открытому недоброжелательству, ни скрытой зависти, ни злословію; всѣ сошлись въ одной мысли и въ одномъ чувствѣ—высокомъ призваніи новаго учрежденія и уваженіи къ его открывающейся дѣятельности.

Университетскіе дѣятели, съ своей стороны, постарались сдѣлать все, чтобы празднество вышло возможно эффектиѣе, торжественнѣе.

На Комитетъ университета была возложена обязанность—составить церемоніаль открытія университета и сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія. Церемоніаль составлялъ проф. И. О. Тимковскій, воспользовавшійся для своей цѣли и первоначальнымъ проэктomъ, сочиненнымъ вѣкогда при участіи В. Н. Каразина. Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое Имп. Александръ I старался распространить среди своихъ подданныхъ.

Адъонкту архитектуры Васильеву поручено было составить проэктъ перспективнаго „храмы Славы“, внутри котораго представленъ былъ бы въ эмблематической прозрачной картинѣ Александръ I, какъ просвѣтитель Россіи; въ то же время на учителя живописи Матеса возложена была обязанность начертать идею этой эмблематической картины. Въ проэктѣ, составленномъ Васильевымъ, нарисованъ былъ храмъ съ портикомъ іоническаго стиля, во фризѣ котораго изображены разные эмблематическіе фигуры и инструменты, имѣющіе отношеніе къ наукамъ. Храмъ этотъ представлялся стоящимъ въ Аѳинскомъ лицейѣ, а между деревьями прохаживались славнѣйшіе греческіе философы. Въ проэктѣ же прозрачной картины, поданномъ Матесомъ, изображены были Александръ I въ марсовомъ одѣяніи, и Аполлонъ, которые подали другъ другу руку въ знакъ дружбы. Передъ ними курился олимпъ; надъ ними же летѣла слава съ трубою. Вышина храма превосходила 5 саж., а весь фасадъ Лицея доходилъ до 24 саж. Но все-таки прозрачная картина выходила слишкомъ колоссальною, ибо ростъ Государя и Аполлона простирался до $3\frac{1}{4}$ саж. Разрисовку храма Комитетъ поручилъ адъонкту Васильеву, придавъ ему въ помощь университетскаго архи-

тектора Старикова, съ 4 искусными въ рисованіи учениками главнаго народнаго училища и нѣсколькими посторонними лицами; написать же прозрачную картину взялся за 150 руб. довольно искусный мѣстный живописецъ Копыловъ.

Самое торжество должно было продолжаться, согласно рѣшенію Комитета, три дня и въ это время публика, столь усердно отозвавшаяся раньше на пожертвованія, должна была получать какое либо угощеніе и слушать музыку.

Въ виду этого университетскому преподавателю музыки поручено было сочинить приличную случаю ораторію; для угощенія же имѣющихъ собраться посѣтителей рѣшено было устроить 17-го января закуску и обѣдъ, а на другой день былъ и ужинъ. Съ дворецкимъ статскаго совѣтника Шидловскаго былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ обязался: въ день открытія университета, по окончаніи церемоній устроить закуску человѣкъ на 300 и обѣденный столъ на 110 персонъ, на другой день, во время ораторіи и бала, угощать публику разными конфетами, а потомъ приготовить ужинъ на 60 человѣкъ. Предприниматель взять на себя все—столовую и десертную посуду, бѣлье, прислугу, нанятки, и за это долженъ былъ получить 1,650 р. На все же торжество была ассигнована сумма до 4,000 р.

Таковы были *приготовленія* къ открытію университета. Самое открытіе состоялось сообразно съ этими приготовленіями и церемоніаломъ.

Когда Всемилостивѣйше пожалованная Государемъ Императоромъ грамота и Высочайше конфирмованный уставъ доставлены были университету, то вскорѣ за тѣмъ попечитель харьковскаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прибывъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ, назначилъ открытіе университета на 17 января. Кромѣ предварительнаго извѣщенія отъ университета, за день до торжества, двумя церемоніймейстерами, избранными изъ адъюнктовъ, оповѣщены были объ этомъ всѣ знатнѣйшія особы, живущія въ городѣ и приѣзжія, а чиновникъ отъ городской полиціи обнародовалъ объ этомъ объявленіе въ разныхъ частяхъ города.

17 числа по утру слободско-украинскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, губернскіе чиновники, дворянство губерніи, харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, молодые люди, назначенные въ студенты, и директоръ съ учителями и учениками слободско-украинскаго главнаго училища и гдѣ въ залѣ передъ портретомъ Его Императорскаго Величества лежала Высочайшая грамота. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, начато цере-

моніальнымъ порядкомъ шестіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Два протоіерея встрѣтили процессію при входѣ въ ограду и почтили каженіемъ Высочайшую грамоту, несомую при двухъ ассистентахъ однимъ изъ профессоровъ, изъ рукъ котораго на порогъ церкви принялъ ее преосвященный епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій Христофоръ Сулима и положилъ на приготовленный для того въ церкви столъ. Затѣмъ онъ совершилъ божественную литургію и сказалъ рѣчь о просвѣщеніи, которую мы здѣсь приводимъ дѣликомъ.

„Къ умноженію блаженства и славы благоденствующей страны сей, ревностными исполнителями Высочайшей воли великаго нашего Монарха, устроится въ градѣ семъ новый храмъ—храмъ Богомъ избранный и Монархомъ утвержденный, гдѣ благословенныя сѣмена ученія въ юныхъ сердцахъ обѣщаютъ личные плоды просвѣщенія, мудрости, добродѣтели.

Благословенно начинаніе! Счастливыя времена, увѣнчанныя славою золотыхъ вѣковъ! Нѣтъ важнѣе и основательнѣе истины той, что науки, сей священный даръ небесъ, человѣку во всѣхъ состояніяхъ полезны и необходимо нужны. Опытъ временъ явственно доказываетъ, что счастье, тишина, изобиліе и повсемѣстная безопасность образуютъ величественную славу тамъ, гдѣ живой примѣръ добродѣтели, гдѣ свѣтъ мудрости, гдѣ сила просвѣщенія ошутительны сердцамъ народовъ.

Таковъ блаженный жребій предначерталъ для Россіи Петръ Великій; о семъ съ неутомимою дѣятельностью трудилась безсмертная Екатерина; но се уже премудрый Александръ возлагаетъ на главу вѣрно поданныхъ своихъ вѣнецъ просвѣщенія. Опъ благотворящею рукою повсемѣстно насаждаетъ сѣмена полезныхъ наукъ; во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ родѣ состоянія, гдѣ только языкъ отрока разверзается, учреждаетъ онъ святилища ученія, дабы и первые разговоры юныхъ изображали долгъ ихъ любить Бога, дѣлать всѣмъ добро, дабы младыя сердца употребить въ пользу, дабы мягкость ихъ состава, живость памяти, легкость понятія благовременно обратилъ къ тѣмъ священнѣйшимъ обязанностямъ, для коихъ они воспріяли свою жизнь.

Способники великимъ намѣреніямъ попечительнѣйшаго Монарха, содѣйствуя толь святымъ, въ разсужденіи юношества, предпріятіямъ, обращаютъ все свое вниманіе, посвящаютъ все свое усердіе для счастья юныхъ сердецъ, проистекающаго отъ превосходнѣйшихъ выгодъ просвѣщенія. Сей важный подвигъ сколько вмѣщаетъ въ себѣ благоразуміи, благородства и человѣколюбія, столько заслуживаетъ благодарности прославленія памяти потомковъ.

Священное начинаніе дѣла сего, небесами благословляемаго, умножая общую радость и удовольствіе счастливыхъ обитателей града сего

и всей вѣренной мнѣ паствы, подаетъ мнѣ нынѣ пріятнѣйшее занятіе предложить о пользѣ просвѣщенія. Воспитывать дѣтей есть то, чтобы разумъ ихъ, сердце, природныя ихъ таланты, наклонности приводить въ такое совершенство, изъ котораго бы происходило ихъ самихъ и другихъ благополучіе и не сумнѣнная произростала надежда къ важнѣйшимъ предметамъ ихъ существованія. Главное правило при воспитаніи дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы благовременно въ юныя ихъ сердца вселять познаніе Бога, познаніе самихъ себя, свѣта, общества, закона, съ такимъ живымъ впечатлѣніемъ, дабы они съ первымъ понятіемъ возлюбили всѣ должности и обязанности человѣка; дабы первые порывы ихъ юности выражали благородство духа, дабы самыя ихъ страсти имѣли направленіе свое къ добродѣтели, дабы, по словамъ Священнаго писанія (Притч., гл. 4, ст. 7), начало ихъ премудрости было стяжати премудрости. А изъ сего слѣдуетъ, что, къ пріобрѣтенію сихъ преимущественныхъ качествъ, воспитаніе дѣтей должно основано быть на истинномъ просвѣщеніи, которое есть торжество полезныхъ и нужныхъ въ свѣтѣ наукъ и знаній.

Всякое одушевленное существо внемлетъ гласу природы; человѣкъ слѣдуетъ свѣту души. Какое же должно быть его на земли упражненіе? Всконечно снисканіе просвѣщенія, мудрости съ самаго младенчества. Разумъ и воля суть верховныя преимущества человѣка. Богъ тѣмъ отличилъ его отъ прочихъ тварей, что одарилъ его разумною душою, а сію познаніемъ, хотѣніемъ. Сія дѣйствія имѣютъ способность избирать, сравнивать, предпочитать. И сей то естественный въ разумъ намъ перстомъ Божиимъ начертанный путь по истинѣ есть просвѣщеніе. Оно умножаетъ и возвышаетъ способности наши относиться къ важнымъ предметамъ нашихъ въ сей жизни великихъ обязанностей. (Притч., гл. 3, ст. 13 и 15) Подлинно блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость, и смертный, иже увѣдѣ разумъ. Все бо честное въ мірѣ семъ недостойно ея есть. Такъ похваляетъ оную самое Божественное писаніе. Что приличнѣе и нужнѣе человѣку, какъ познать себя, начало, конецъ, достоинство, съ которымъ онъ сотворенъ? Просвѣщеніе ведетъ къ истинному познанію Бога и Его творенія—видимой природы, и научаетъ его разумно служить и угождать Ему, какъ верховному началу. Просвѣщеніе, руководствуя его симъ истиннымъ понятіемъ, явственно предлагаетъ ему прямую цѣль бытія его и такъ располагаетъ его сердце, что онъ свободно находитъ средства, ведущія его къ истинному благополучію. А по сему онъ соотвѣтственно такому познанію производитъ дѣла достойныя человѣка; не восхищается тѣмъ, что обогащаетъ его тѣло, но тѣмъ плѣняется, что украшаетъ душу; полагаетъ удовольствіе

свое въ томъ, что одобриетъ здравый разумъ, что свойственно его возвышенной природѣ, въ счастья не превозносится, въ несчастіи благодушествуетъ, въ умѣренномъ состояніи доволенъ безъ зависти.

Что превосходнѣе и достойнѣе человѣка, какъ снискать познаніе о существѣ Божіемъ? Просвѣщеніе обогащаетъ разумъ смертнаго симъ священнѣйшимъ понятіемъ, представляетъ ему въ высочайшихъ совершенствахъ сіе верховное существо, и человѣкъ, разумно видя своего Творца, коль съ живою вѣрою, koliko съ благоговѣйнымъ служеніемъ, коль съ глубочайшимъ закону покореніемъ предъ величествомъ Его преклоняетъ колѣна, принадлежитъ, благоговѣть, когда напротивъ того невѣжда и въ разсужденіяхъ о Божіихъ совершенствахъ заблуждается и въ благочестіи суетвѣрствуетъ и въ моленіяхъ слѣпотствуетъ.

Что любезнѣе и славнѣе, какъ быть полезнымъ членомъ общества? Просвѣщеніе, вѣдря въ разумъ человѣческому истинное понятіе о знаніи, обизываетъ сердце его избраніе свое хранить и исполнять свято, сираведливо, изъ единой сострадательности къ человѣчеству, изъ единой любви къ добродѣтели. (Притч., гл. 3, ст. 16) И поелику отъ устъ премудрость исходитъ, правда, законъ же и милость она на языкѣ носятъ, для этого просвѣщенный судія, имѣя въ душѣ своей зеркало Божественнаго суда, правды и милости, бодрствуетъ непрестанно, дабы оправдать невинность, защитить добродѣтель, осудить порокъ, спасти убогаго отъ неправедной руки сильнаго. Когда напротивъ невѣжда и званіе, и святость одного опорочиваетъ, употребляя во зло свое назначеніе и, влекомъ наглостію страстей, производитъ дѣла совѣсти и благо-разсужденію противныя. (Притч., гл. 6, ст. 1) „Мужъ бо безуменъ и законопреступный ходитъ въ пути не благи, и развращенное сердце его куетъ зламъ. Сего ради таковой во всякое время и мятежи составляетъ граду и себѣ сокровиществуетъ въ погибель“, говоритъ премудрый Соломонъ.

Просвѣщеніе впечатлѣваетъ въ воинѣ благоразумное мужество вооружать храбрыя мышцы свои къ защищенію предѣловъ своего отечества и къ наказанію подлой непріятельской гордости и дерзкаго стремленія. Оно наполняетъ сердце его патріотическою ревностью жертвовать самою жизнью своею спокойствію и безопасности государства. Просвѣщеніе, составляя сословіе честныхъ гражданъ, вселяетъ въ нихъ охоту ко всѣмъ полезнымъ трудамъ. А по сему купецъ, будучи водимъ свѣтомъ просвѣщенія, счастливо производитъ свою коммерцію и сличаетъ благоразумно пользы и надобности различныя разныхъ государствъ, выводя изъ сего благопристойные способы умножить посредствомъ промысла своего и общее изобиліе, и собственные прибытки.

Просвѣщенный человѣкъ ясно видитъ, что общій рода человѣческаго союзъ и причина бытія ихъ связуютъ всѣхъ взаимнымъ вспоможеніемъ и тою законно-истинною любовью, которая укрѣпляетъ цѣлостъ государства и собственныя каждаго преимущества; а по сему онъ совѣстію печатлѣетъ повиновеніе свое и вѣрность государю, почтеніе къ законамъ, сыновнее послушаніе власти. Слѣдовательно, отъ просвѣщенія въ обществѣ проистекаетъ миръ, тишина, спокойствіе, изобиліе и всякое благополучіе. Такое воспитаніе дѣтей есть верховнѣйшая ихъ польза во всѣхъ отношеніяхъ жизни, а для самихъ родителей важнѣйшая цѣль естественной ихъ къ дѣтямъ любви и отеческой обязанности; кто жъ убо изъ родителей не предусматриваетъ уже теперь тѣхъ величественныхъ видовъ душевнаго своего чувствованія, что благословенныя отрасли его, образовавъ умы свои и сердца истиннымъ просвѣщеніемъ, принесутъ памяти ихъ образомъ добродѣтельной своей жизни достойную жертву, безсмертную честь и славу, которая возвеличится устами признательныхъ потомковъ?

Разсужденія сіи о просвѣщеніи единственно клопятся къ тому, дабы вы, благословенное собраніе, радостнымъ сердцемъ и устами принеши въ жертву благодарности Богу моленія о многолѣтнемъ и благоденственномъ царствованіи Его Императорскаго Величества, достолично ублажили жребій наукъ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего попеченіями въ отечествѣ нашемъ распространяемыхъ и лучами мудрости Его возвеличенныхъ. Сия въ Высочайшимъ Его благоволеніемъ украшаемый и ты, граде благословенный, прійди пынѣ въ чувствіе живѣйшее, созерцай свѣтъ просвѣщенія, озаряющій нѣдро твоего сердца, ощути сладчайшее удовольствіе мудрости, приближающейся къ тебѣ и готовой уже излить среди тебя токи златого ученія, благословляй съ радостью твою счастливую надежду, что изъ сего священнаго источника изыдетъ желаннѣйшее благо, родъ человѣческой украшающее.

Боже великій, источниче премудрости и разума! ниспосли благоспѣшествующую благодать Твою на дѣло ученія, за Твоимъ всесвятымъ благословеніемъ въ градѣ семъ начинаемое; даждь, молимъ Тя, чтобы юные питомцы онаго при свѣтильникѣ истиннаго просвѣщенія, познавали праведные пути благочестія и добродѣтели къ прославленію великаго имени Твоего“.

По окончаніи литургіи прочтена Высочайшая грамота и послѣдовало благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ, причемъ процессія при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ отправилась въ университетскій домъ прежнимъ порядкомъ, за исключеніемъ того, что Высочайшая грамота въ крестномъ ходѣ несена была среди духовенства, за кото-

рымъ слѣдовали г. попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и проч.

Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраній, Высочайшая грамота преосвященнымъ была принята и положена предъ портретомъ Его Императорскаго Величества, на столѣ, на которомъ лежалъ уже уставъ. При водоосвященіи сказана протоіереемъ соборной церкви, ректоромъ Харьковскаго коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ рѣчь, которая начиналась такъ:

„Почтенное собраніе! Насталъ свѣтлый день желаннаго благополучія счастливой Украйны. Возженные премудрыми монархами зарп просвѣщенія во градѣ семъ возблистають отнынѣ во всемъ своемъ величіи. Благотворительнѣйшій Монархъ августѣйшій Александръ рекъ и сему городу владычества своего: да будетъ свѣтъ! и бысть. Симъ всесильнымъ глаголомъ его изведены уже достойные дѣятели на жатву свою: преносятся плодovitыя маслины изъ разсадниковъ училищъ въ сей новоучрежденный вертоградъ просвѣщенія; да умноживъ они здѣсь свои познанія, довольны будутъ и иныхъ научати, да принесутъ отечеству въ свое время плоды на 30, на 60 и на 100. Сіе учрежденіе, на началахъ премудрости для блага общаго устрояемое, не можетъ не поражать васъ, почтенное собраніе! Отселѣ во святилищѣ семъ проліется свѣтъ полезныхъ наукъ и знаній, могущихъ умудрити всякаго въ незнаніи и исполненіи своихъ обязанностей, относящихся къ Богу, государю, отечеству, ближнимъ и самимъ себѣ. Двери храма сего будутъ всегда отверзты и юноши притекутъ сюда невозбранно и просвѣтитъ разумъ свой и исправятъ сердце. А при сихъ качествахъ, что будетъ таковой юноша? Онъ будетъ благодѣтельный начальникъ, безпристрастный судья, благоразумный воинъ, добросовѣстный купецъ, трудолюбивый ремесленникъ и земледѣлецъ; словомъ, онъ будетъ вѣрный престолу подданный, честный гражданинъ, мудрый домостроитель и полезный отечества сынъ.

Блаженна страна сія! Блаженъ градъ сей!“

Затѣмъ освящены были университетскіе дома и пропѣтъ былъ концертъ.

По окончаніи этой духовной церемоніи попечитель говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ“; одинъ изъ профессоровъ прочиталъ наиболѣе интересныя для публики выдержки изъ университетскаго устава, а два профессора произнесли рѣчи—одинъ—ректоръ Рижскій—на русскомъ языкѣ „Объ изящныхъ наукахъ“, а другой—проф. Балленъ де-Баллю—на французскомъ языкѣ „О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго“.

Попечитель, графъ Потоцкій, проводилъ изгладъ, господствовавшій тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что народное просвѣщеніе является, быть можетъ, самою важною изъ государственныхъ заботъ, ибо оно одно съ теченіемъ времени можетъ образовать людей, истинно способныхъ управлять и руководствовать всѣми прочими государственными частями. По всѣмъ областямъ будутъ устроены училища четырехъ родовъ — приходскія, уѣздныя, гимназія и, наконецъ, университеты по образцу англійскихъ и германскихъ, куда владѣтельные князья и благородные лорды не считаютъ за стыдъ посылать своихъ дѣтей. При такихъ условіяхъ скоро на пространствѣ отъ Литвы до Сибири и отъ Архангельска до Кавказа не останется ни одного гражданина, который бы не могъ получить соотвѣтствующаго его дарованіямъ и званію образованія. Обращаясь къ своимъ слушателямъ — харьковскимъ дворянамъ, ораторъ говоритъ: „о, какое отрадное зрѣлище для наблюдателя перемѣнъ, происходящихъ въ этомъ мірѣ, видѣть, наконецъ, водвореніе наукъ въ той области, которая доселѣ была только театромъ опустошеній и сраженій. Ваши храбрые предки отняли эту землю отъ татаръ; но теперь одной храбрости недостаточно, даже для военной тактики необходимы науки. Вы заявили уже ревность къ просвѣщенію своимъ пожертвованіемъ — и вотъ въ награду дѣти ваши будутъ воспитываться среди васъ; городъ вашъ, можетъ статься, сдѣлается знаменитѣйшимъ въ государствѣ, а со временемъ, б.м., и въ цѣлой Европѣ“. Потоцкій глубоко вѣрилъ въ необходимость и плодотворность прогресса. Въ настоящее время, при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній, каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться, значить то же, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и вообще культурѣ — никогда. Закончилъ свою рѣчь попечитель указаніемъ на обширность просвѣтительной задачи, предстоящей Харьковскому университету, округъ котораго превышаетъ по территоріи и населенію нѣкоторыя государства Европы. „Чѣмъ важнѣе наша обязанность, говорилъ попечитель, чѣмъ болѣе мы должны стараться о выполненіи ея. Остается только пожелать, чтобы усердіе наше удостоилось довѣрія общества, чтобы наши заботы объ университетскихъ питомцахъ удовлетворили ихъ родителей и чтобы наша неутомимая дѣятельность на общую пользу оправдала къ намъ довѣріе монарха и снискала признательность потомства“.

Тогда же ректоръ Рижскій выступилъ съ рѣчью „Объ изящныхъ наукахъ“. Рѣчь эта не богата содержаніемъ; — это послѣднее даже нѣ-

сколько трудно уловить за громкими фразами краснорѣчиваго ратора. Она должна была дать образчикъ академическаго слова, составленнаго по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики; ибо въ этой именно области Рижскій стяжалъ себѣ огромную славу. И эта цѣль, очевидно, была достигнута: слушатели все время рѣчи должны были находиться подъ обаяніемъ краснорѣчія Рижскаго и уйти съ мыслию, что Рижскій хорошій ораторъ. Интересно отмѣтить здѣсь одну черту—это мысль о благотворномъ вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность. „Утонченіе чувствительности, говоритъ Рижскій, пристрастіе къ добру, кротость нравовъ, любовь къ правотѣ и благотворительности—вотъ благодѣтельные послѣдствія упражненія въ изящныхъ наукахъ. Но если кто при всемъ ихъ содѣйствіи остается съ хладною душею и развратнымъ сердцемъ, тотъ, конечно, въ нихъ еще не успѣлъ“.

И Рижскій, подобно Потоцкому, подчеркиваетъ въ своей рѣчи то обстоятельство, что Слободская украинна, гдѣ нынѣ возникъ мирный храмъ высшихъ наукъ, прежде была ареною губительныхъ войнъ. „Какимъ радостнымъ удивленіемъ былъ бы пораженъ царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ этотъ край былъ присоединенъ къ Русскому государству, если бы могъ видѣть теперь водвореніе въ немъ наукъ! Какимъ восхищеніемъ исполнилось бы сердце Петрово, если бы онъ увидѣлъ, до какого совершенства доведены его начинанія. Но зачѣмъ углубляться въ прошедшіе вѣка, заключаетъ Рижскій, когда между нашими слушателями найдутся такіе, которые или сами видѣли, или по крайней мѣрѣ отъ своихъ ближайшихъ предковъ слышали, какимъ опустошеніямъ подвергался этотъ край“.

Имѣя въ виду это обстоятельство, зная, что большинство слушателей были потомками военныхъ защитниковъ края, проф. Балленъ де-Баллю избралъ темою своей рѣчи вопросъ о важности наукъ и для военнаго искусства. Постоянное мнѣніе, говорилъ онъ, не только философовъ, но и великихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ было таково, что и для военныхъ дѣйствій нужна наука. О русская нація, восклицаетъ ораторъ, ты и нынѣ уже славная между самыми славными народами! Теперь тебѣ предстоитъ расширить свою славу, но не посредствомъ сраженій,—это было бы слишкомъ легко,—а посредствомъ развитія наукъ. Ораторъ обращается къ исторіи и видитъ въ ней доказательства того, что единственный вѣрный путь къ славѣ—это забота о наукахъ и искусствахъ. Не побѣдами при Марафонѣ и Саламинѣ, Платеѣ и Микале, стяжало себѣ неувядаемую славу Аѳинское государство, а тѣмъ, что создало науки и искусства, зажгло свѣточъ философіи и перенесло ихъ къ другимъ народамъ. Между тѣмъ мало ли могущественныхъ государствъ

пало, не оставивъ слѣдовъ своего былого величія? Императоръ Александръ также предпочитаетъ славѣ завоевателя славу законодателя и, такъ сказать, наставника своихъ народовъ. Вы, харьковцы, можете возблагодарить его за это только однимъ средствомъ: если благосклонно отнесетесь къ наукамъ, которыя теперь къ вамъ впервые являются.

Послѣ этого провозглашены были фамиліи лицъ, принятыхъ въ студенты, розданы имъ шпаги и начался взаимныя поздравленія присутствующихъ съ открытіемъ университета.

Затѣмъ преосвященный съ почетнѣйшимъ духовенствомъ, губернаторъ съ губернскими чинами, предводитель и депутаты дворянства, городской голова съ почетнѣйшими представителями купечества и постороннія пріѣзжія особы были приглашены на университетскій обѣдъ. Вечеромъ 17, а равно и въ слѣдующіе два дня, иллюминированы были университетскіе дома и передъ главнымъ изъ нихъ поставлено изображеніе храма съ прозрачною картиною, которая изображала Императора Александра I-го, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ.

18 числа вечеромъ въ университетскомъ домѣ играна была извѣстная уже намъ ораторія, причемъ музыкантовъ и пѣвчихъ было до 100 чел.

И. О. Тимковскій составилъ для хора слѣдующіе стихи:

Речитативъ—Вотще коварство предприѣмлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ или растетъ;
Ростетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ. Но самъ собой
Онъ въ дебри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленіе—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой.

Арія—Уже видишь справедливость,
Уже невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Блѣднѣетъ, тускнѣетъ, не видна.
Сѣдай на сѣверѣ во славѣ,
Изъ глубины души речетъ:
„Да царствуетъ въ моей державѣ
Познапій благотворный свѣтъ“!

Хоръ—Сѣдай на сѣверѣ во славѣ
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ десница твоя!
Въ немъ научатся творить

Волю твою,
 Въ немъ раздадутся слова,
 Чѣмъ процвѣтаетъ народъ,
 Благословенъ плодъ твоихъ дѣлъ;
 Возвеселися о немъ,
 Добрый монархъ,
 О Александръ,
 Избранный царь!
 Судяй на сѣверѣ во славѣ,
 Ты просвѣщеніе даешь!
 Да облекутся весельемъ
 Грады, доли
 И на холмахъ фиміамъ
 Да воскурится!
 Въ хорахъ похвальную пѣснь
 Юноши, дѣвы тебѣ воспоютъ,
 Море воспещетъ,
 Славѣ твоей.
 Старцы повѣдаютъ внукамъ твоимъ,
 Сколь ты великъ въ бытіяхъ,
 Благословенъ да пребудетъ твой вѣкъ,
 Добрый монархъ,
 Благословенъ.
 Возвѣстите славный подвигъ,
 Подвигъ здѣшней стороны;
 Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
 Какъ усердствуютъ для нихъ ¹⁾).

Затѣмъ были балъ и ужинъ. Собраніе публики обоого пола было очень многочисленное и ея удовольствіе усугубляло торжество, во все время котораго и посторонніи знатныя лица задавали пиры и угощенія; это ясно свидѣтельствовало о радости жителей по случаю открытія университета. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ присутствовавшими на торжествахъ лицами, можно судить по слѣдующему заявленію современника. „Когда отецъ возвратился изъ Харькова, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Розальонъ-Сошальскій, съ торжества при открытіи университета, то рассказывалъ объ этомъ съ такимъ энтузіазмомъ, говоря о произнесенныхъ рѣчахъ, о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія (вообще же онъ былъ задумчивъ и молчаливъ), что я, слушая его, ощущалъ, будто бы меня окружало какое то обаяніе“ ²⁾).

Университетскія торжества были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ—отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но присутствующіе вспоминали тутъ съ чувствами глубокой призвательности о виновникѣ

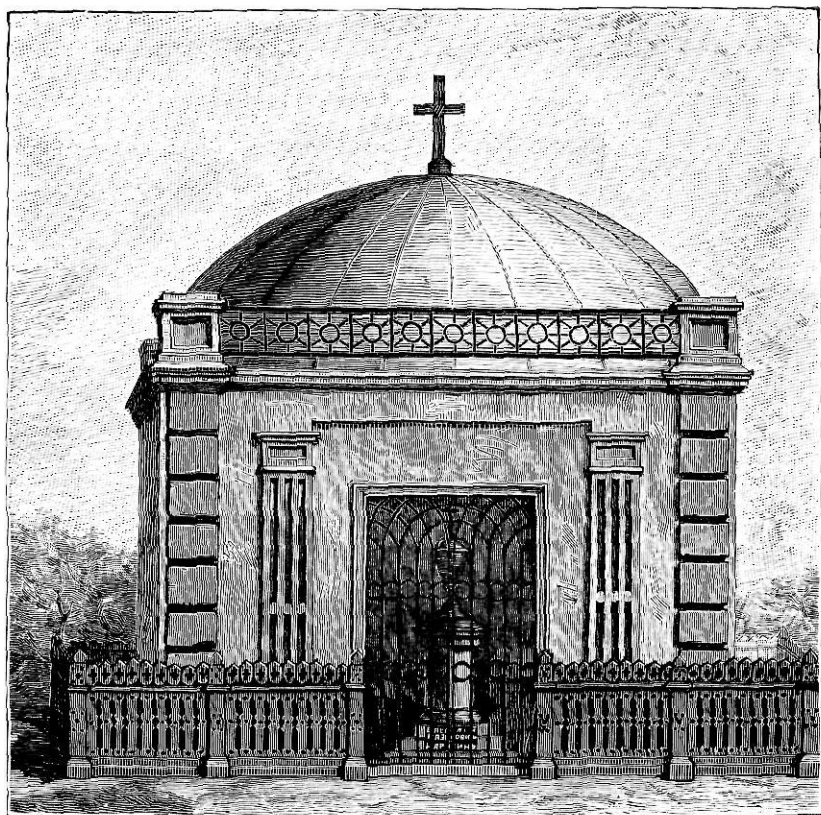
¹⁾ Кіев. Старина, 1891, октябрь, стр. 392—393.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд., 1869, № 43.

открытія университета. „17 января (1805 г.), писалъ Василю Назарьевичу о. Василии Фотіевъ подѣ живымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ бывшейся наконецъ ихъ общей мечты, исполнилось наше желаніе и ревностное пожеланіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоиы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ сямъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣ-жъ, кон вамъ преданы, конмъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстиѣ прочихъ, съ восхищеніемъ благо-словляли ваше имя. И такъ, если упрямая судьба воспренятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предиріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно позазорная совѣсть утѣнитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь дальнѣйшему потомству“¹⁾.

Тогда же начались выборы должностныхъ лицъ въ общихъ собраніяхъ профессоровъ—и университетъ приступилъ къ своей просвѣтительной дѣятельности.

¹⁾ Сбв. Пчела, 1860, № 92.

НАДГРОВНЫЙ ПАМЯТНИКЪ

В. Н. КАРАЗИНУ ВЪ Г. НИКОЛАЕВЪ.